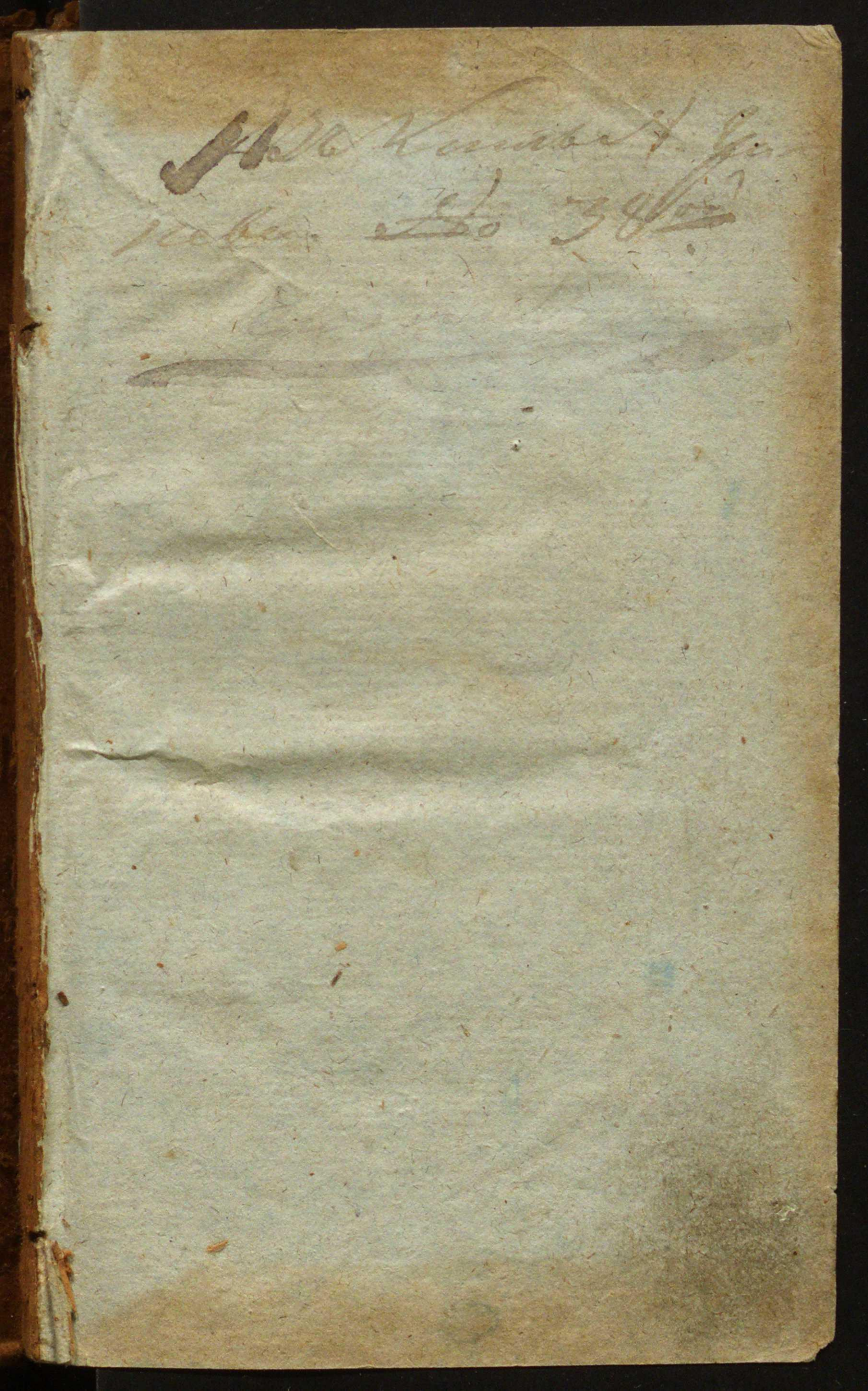

Діогенъ.

РАЗГОВОРЫ ДІОГЕНА СИНОПСКАГО.

Сочиненіе
Г. Виланда.

Перевелъ съ Нѣмецкаго
И. Татищевъ.

МОСКВА, 1802.
Въ Университетской Типографіи,
у Люби, Гарія и Попова.

Съ дозволенія Московской Цензуры.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ
ИЗДАТЕЛЯ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ имѣлъ я случай познакомиться въ Аббатствѣ Ордена Б*... въ С*... Этотъ монастырь по милости Генія втораго надесять и третьяго надесять вѣка, которой снабдилъ его доходами, и хозяйственнаго духа, управлявшаго ими досехѣ, такъ богатъ, что можетъ содержать отъ 17 до 18 упитанныхъ тунеядцовъ въ праздности, сдѣлавшейся почтенною по стародавнымъ предразсудкамъ, и въ глубокой безпечности о всемъ, что

происходитЪ не вЪ его вѣдомствѣ вЪ ФизическомЪ и МоральномЪ свѣтѣ. По введенному изстари обычаю находится вЪ этомЪ монастырѣ Библіотека, которая отличается болѣе обширностію, нежели хорошимЪ расположеніемЪ. ИзЪ новыхЪ книгЪ покупаютЪ развѣ только нѣкоторой родЪ КанониковЪ, отшельниковЪ и ИсториковЪ того Ордена. О хорошихЪ книгахЪ, о сочиненіяхЪ великихЪ умовЪ не спрашивай. ИхЪ совсѣмЪ не впускаютЪ; и естьли по какому нещастному случаю какая нибудь изЪ нихЪ забредетЪ вЪ такую разнородную бесѣду, то отецЪ Библіотекарь тотчасЪ запираетЪ ее вЪ особливой шкапЪ, назначенной темницею всѣмЪ подобнымЪ книгамЪ, и для вящшей

безопасности приковываетъ цѣпьми. Да и въ самомъ дѣлѣ не надобно симъ достойнымъ Мужамъ для хорошихъ книгъ; а ежели сказать правду, и совсѣмъ никакихъ для того употребленія, которое дѣлаютъ они изъ своей Библіотеки. По этому-то чаятельно издержки на умноженіе оныхъ почитаютъ они излишними, отъ которыхъ долженъ избавить монастырь Аббатъ, желающій оставить по себѣ славу добраго хозяина. По истинѣ думаю, что только изъ уваженія къ моли, которую совѣстятся безпокоить въ древнемъ владѣніи; или можетъ быть изъ опасенія, чтобъ по изгнаніи ея оттуда не наверстала она своего убытка образомъ не столь незначущимъ для добрыхъ нашихъ монаховъ, ста-

раются предавать потомству помянутую Библіотеку почти все въ томъ же состояніи, въ какомъ ее нашли. Какъ бы то ни было, непостижимой судьбѣ угодно было, чтобъ въ этой самой Библіотекѣ нашелъ я нѣчто, чего искалъ бы тамъ всего менѣе, и что въ самомъ дѣлѣ кажется такъ чрезвычайно, что я опасаюсь навлечь тѣмъ сумнѣніе на всю свою повѣсть, — умнаго и любопытнаго Библіотекаря. Чтобъ это нѣсколько растолковать, долженъ я сказать, что по взгляду едва было ему 30 лѣтъ отъ роду. Радость моя о сей находкѣ была по справедливости чрезвычайна. Въ нѣсколько минутъ мы подружились, и я нашелъ, что доброй сей отецъ умѣлъ весьма хорошо пользо-

ваться правомъ сбивать цѣпи съ своихъ колодниковъ, когда ему захочется бесѣдовать съ ними на досугѣ. Онъ не былъ еще тѣмъ, что можно собственно назвать просвѣщенною головою. Однако заря начинала въ немъ уже дѣйствительно восходить, и я твердо надѣялся, что пришедши въ другой разъ въ монастырь, найду большую его часть освѣщенную; но въ ожиданіи своемъ обманулся. Его начальники, каковы бы они впрочемъ ни были, однакожъ не были столь глупы, чтобъ не примѣнить того, что въ моихъ непросвѣщенныхъ глазахъ дѣлало сего мужа достойнымъ почтенія. Это устрашило. За семь или восемь вѣковъ не случалось ни одинъ разъ, чтобъ какой монахъ сего мо-

настыря хотѣлъ быть умнѣе своей братіи. Какія слѣдствія могла имѣть такая новость! Обозрѣли ихъ однимъ взглядомъ и испугались, думая, что надлежитъ какъ возможно ускорить отвращеніемъ толь великаго зла; словомъ, почтенному * * поручена внезапно другая должность, а Библіотекаремъ назначенъ начальникъ надъ поварнею.

Не льзя было сдѣлать выбора щасливѣе этого. Онъ былъ человѣкъ предобрый, преглупый, и глупостію своею предовольный. Кромѣ своего Требника и Поваренной книги Маркса Румпеля не читалъ онъ ничего въ своей жизни, и не могъ понять, какъ можно быть такимъ людямъ, которые портятъ себѣ глаза безполезнымъ чтеніемъ книгъ.

Какъ однакожъ пріятно показывать всему причину, то во извиненіе свое утверждалъ, что любовѣденіе и происходящая отъ того охота къ чтенію книгъ есть ни болѣе ни менѣе, какъ одна изъ тѣхъ хитрыхъ сѣтей, которыми окаянной сатана старается уловлять души и порабощать своей власти. Невѣжество было по его мнѣнію то состояніе блаженной простоты и нищеты духа, которому обѣщана преславная награда на томъ свѣтѣ; и онъ говаривалъ, что удобнѣе велбуду сквозь иглиныя уши пройти, нежели ученому въ царство небесное внити. Словомъ, хотябъ искать во всей Европѣ, не нашлибъ можетъ быть такого Библіотекаря, каковъ этотъ.

По врожденной склонности ко всѣмъ, въ своемъ родѣ чрезвычайнымъ людямъ, очень скоро познакомился я съ новымъ Библіотекаремъ также, какъ и съ его предмѣстникомъ. Я бранилъ Февронія, а хвалилъ глупую книгу Г. * * * Болѣе не надобно было, чтобъ пріобрѣсть себѣ у него лучшее мнѣніе. Но правду сказать, было у меня еще другое намѣреніе, безъ котораго можетъ быть не былъ бы я такъ снисходителенъ. Въ Библіотекѣ находилось еще два шкапа съ рукописями, между которыми, какъ слухъ носился, было нѣсколько рѣдкихъ сочиненій. Я могъ себѣ представить, чего надлежало мнѣ ожидать; но хотѣлъ попытаться. Я столько угождалъ отцу Библіотекарю, ко-

торой въ самомъ дѣлѣ былъ человѣкъ добросердечной, что онъ отперъ мнѣ свои шкапы. Я нашелъ то, что себѣ воображалъ, прекрасные писанные Молитвенники, Четьи Минеи, сухія Лѣтописи отъ Сотворенія Міра, *Quaestiones Metaphysicales de principio individuationis, de formalitatibus, commentarios in libros sententiarum in parva Naturalia Aristotelis, abbreviationes decretorum,* и сто другихъ подобныхъ Lauticias, которыхъ только заглавія довольствовался я прочесть. Когда я хотѣлъ уже оставить всякое дальное исканіе, то худой видъ тонкаго устава въ четверку, или паче то же побужденіе, которое Сократъ называлъ своимъ Геніемъ, понудили меня почти только махинально вынуть его, чтобъ

узнать, что это такое. Книга была безъ начала и конца. Имя Діогеново и нѣкоторыхъ другихъ, которыхъ бы я въ ней не искалъ, сдѣлали меня внимательнымъ на дурную Латынь. — Я прочелъ одну или двѣ самыя малыя главы, и увѣрился совершенно, что нашелъ чаятельно лучшую изъ всѣхъ рукописей.

Я нарочно не показывалъ вида Библіотекарю, которой безъ того мало за мной примѣчалъ, сколь важна для меня эта находка; почему и не трудно мнѣ было испросить у него позволеніе взять ее съ собою на нѣсколько дней для прочтенія. И теперь благосклонный Читатель знаетъ, такъ какъ и я самъ, какимъ образомъ досталась мнѣ та старинная рукопись,

съ которой предлагаю ему здѣсь Нѣмецкой переводъ.

Я называю ее старою рукописью по той же почти причинѣ, по которой отклонилъ возраженіе Ледивортлей противъ древности монетъ въ тогдашнемъ Императорскомъ Кабинетѣ; тотъ Антикварій, о которомъ упоминаетъ она въ тринадцатомъ своемъ письмѣ. Онѣ довольно древни, сказалъ онъ; ибо сколько мнѣ извѣстно, были онѣ уже тутъ лѣтъ сорокъ. Смѣло могу сказать, что сія рукопись по меньшей мѣрѣ не многимъ моложе нѣкоторыхъ переводовъ Аристотелевыхъ книгъ съ Арабскаго языка. Ибо, сколько я могъ усмотрѣть изъ остальнаго отрывка Предисловія, Авторъ объявляетъ, что сіи разговоры

перетолмачилъ онъ на хорошую Латынь, каковой тогда обучались въ Саламанкѣ, съ Арабскаго манускриппта, которой онъ нашелъ въ Фецкой Библіотекѣ и списалъ.

При семъ случаѣ приходитъ мнѣ на память изъ Діогена Лаерція, что Діогенъ Синопскій, именуемой псомъ, писалъ между прочимъ и разговоры. Теперь надобно мнѣ было только, по правиламъ превращенія возможнаго въ дѣйствительное, вообразить себѣ, что сіи разговоры были безъ сомнѣнія въ числѣ тѣхъ Греческихъ манускрипповъ, которые славной Багдадской Калифъ Алманумъ велѣлъ собирать съ большимъ иждивеніемъ и переводить на Арабской языкъ; что одинъ экземпляръ Арабскаго перевода от-

данъ послѣ въ ту великопную Библіотеку, которая, говорятъ, заведена въ царство Мавританскаго Султана Алманзора; и что этотъ экземпляръ былъ тотъ самой, съ котораго мой безъименной Авторъ сдѣлалъ свой переводъ.

Естьлибъ я былъ охотникъ къ Диссертаціямъ о такихъ вещахъ, которыхъ знать не можно, то не очень трудно былобъ мнѣ сдѣлать себѣ самому множество возраженій противъ сего произвольнаго положенія. Однакожъ самымъ важнымъ было бы то, которое можно заимствовать отъ характера, которой сохраняетъ Діогенъ въ сихъ разговорахъ.

Ибо обыкновенное понятіе, которое дѣлаемъ мы себѣ о нашемъ Діогенѣ Синопскомъ

по извѣстіямъ Діогена Лаерція и Аѳенея, разнится отъ того, которое подаютъ о немъ сіи разговоры столько же, сколько комедія отъ игрища, язвительной Сократъ отъ распутнаго Аристофана, Арлекинъ Мариво отъ Гаера стариннаго Вѣнскаго Театра, и угрюмой, но тонкой и благонравной насмѣшникъ человѣческихъ дурачествъ отъ скареднаго и глупаго нелюдима.

Естьлибъ вѣрить неразсудительному сборщику Біографіи Философовъ и болтливому Грамматику, которой въ своихъ Дейпнософистикахъ приписываетъ древнимъ Мудрецамъ столь много нелѣпыхъ дѣяній: то Діогенъ Циникъ былъ конечно самой презрительный, бѣшеной, скаредной и несносной человѣкъ, кото-

рой когда либо наносилъ укоризну человѣчеству, и потому было бы весьма непонятно, какъ этотъ самой песій человѣкъ могъ говорить и дѣлать такія умныя дѣла, какія являютъ о немъ древніе Писатели, и отъ чего произошло то почтеніе, которое имѣли къ нему и самые умные люди.

Но къ щастію для его памяти, вышепомянутые Писатели, которые дѣлаютъ намъ такое гнусное изображеніе о семъ ученикѣ и послѣдователѣ Сократова Антисѳена, не заслуживаютъ столько вѣроятія, чтобъ ослабить тѣ причины, которыми подкрѣплено лучшее мнѣніе, какое возъимѣли о немъ нѣкоторые новѣйшіе ученые люди первой степени. Кто хочетъ читать о семъ дѣлѣ обстоятельное

доказательство, можетъ удовольствовать свое любопытство тѣмъ, что о семъ писали Гейманъ и Брукеръ. Для насъ довольно здѣсь противоположить слабому уваженію тѣхъ двухъ древнихъ Грековъ, (которыхъ прочее достоинство намъ весьма извѣстно) несравненно большій вѣсъ двухъ мудрыхъ Мужей Греческой древности, которые подаютъ намъ совсѣмъ иное понятіе о нашемъ Діогенѣ.

Одинъ изъ нихъ Аріанъ, мужъ, которой по личнымъ своимъ достоинствамъ при Императорѣ Адріанѣ, пожалованъ Губернаторомъ Каппадокійскимъ; а что еще болѣе того, былъ ученикомъ и другомъ мудраго Эпиктета, и въ самомъ дѣлѣ Ксенофонтомъ сего втораго Сократа. Я не

люблю выписывать; Читатели, которые могутъ сами почерпать изъ источника, прочтя 22 и 24 Главу третьей книги его Эпиктета, увидятъ, какое величественное и даже любезное изображеніе дѣлаетъ онъ о нашемъ Философѣ. Они найдутъ, что въ первой изъ помянутыхъ Главъ, въ которой пишетъ о настоящемъ Цинизмѣ, доказательно защищая его отъ упрековъ, которые обыкновенно выводятъ отъ нравовъ поздныхъ Циниковъ, ясно даетъ онъ знать въ разныхъ мѣстахъ, что Діогенъ былъ такой человѣкъ, каковымъ изображаетъ онъ прямаго Циника, и что во второй, въ которой онъ обстоятельнѣе разпространяется о точномъ характерѣ Діогена, изображаетъ онъ его съ тою

же любовію къ независимости, съ тою же откровенностію и крѣпостію духа, съ тою же добротою сердца, съ тѣми же чувствованіями человѣколюбца и гражданина свѣта, которыми плѣняетъ онъ насъ въ сихъ разговорахъ и пріобрѣтаетъ нашу любовь, несмотря на всю его странность и угрюмство. Да хотябъ Аріанъ, какъ мы охотно соглашаемся, изобразилъ его только съ хорошей стороны; однакожъ все нѣтъ въ томъ сомнѣнія, что онъ конечно нашелъ основаніе къ тому въ дѣйствительномъ историческомъ характерѣ Діогена; ибо не выбираютъ образцемъ Терсита, когда хотятъ написать хорошаго человѣка.

Второй Авторъ, котораго противополагаю я поноситѳ-

лямѣ нашего Мудреца, есть Философѣ Демонаксѣ, котораго характерѣ вѣ особенномѣ сочиненіи описалѣ намѣ сѣ Ксенофонктовымѣ духомѣ и Плутарховою красотою Лукіанѣ, мужѣ весьма достовѣрной, когда говоритѣ о комѣ хорошо; ибо это рѣдко сѣ нимѣ случается. Хотя сей мудрый человѣкѣ не былѣ основателемѣ Секты, и весьма почиталѣ Метафизическія умозрѣнія; однакожѣ никто изѣ читавшихѣ сказанное намѣ о немѣ Лукіаномѣ не станетѣ спорить, что онѣ заслуживаетѣ то хорошее мнѣніе, которое подаетѣ о немѣ сей острой и недовѣрчивой цѣнитель нравственнаго достоинства человѣческихѣ вещей. Естьли же свидѣтельство сего Демонакса не подлежитѣ

никакому сомнѣнію, то и сужденіе его о Діогенѣ должно быть столь важно, что перевѣситъ всѣ скаредныя сказки и площадные анекдоты, на которыхъ основано то унизительное мнѣніе, которое обыкновенно о немъ имѣютъ. Лукіанъ упоминаетъ о нѣкоторыхъ чертахъ, которыя показываютъ отмѣнное почтеніе Демонаксово къ Діогену. Мы довольствуемся выписать изъ нихъ только двѣ. Рѣчь настояла нѣкогда о старинныхъ Философахъ, и которой изъ нихъ болѣе всѣхъ заслуживаетъ уваженіе. Что касается до меня, сказалъ Демонаксъ, я почитаю Сократа, удивляюсь Діогену, и люблю Аристиппа. А когда хотѣли поставить ему въ Олимпъ статую, то отклонилъ онъ

сію честь для того, чтобЪ ихЪ предкамЪ не послужило это кЪ стыду, что они не воздвигли монументовЪ Сократу и Діогену.

Ежели противЪ такихЪ свидѣтельствЪ все еще остается то возраженіе, что не льзя вЪ противность всѣмЪ ПисателямЪ древности отрицать, что ДіогенЪ вообще находился у своихЪ современниковЪ вЪ худомЪ мнѣніи, и болѣе почитали его за глупаго чудака, нежели за умнаго человѣка: то мы хотя на это и согласимся, но онЪ не лишится ни мало того уваженія, которое внушило намЪ кЪ нему благопріятное сужденіе меньшаго числа людей. Какое понятіе должно бы было имѣть о самомЪ Сократѣ, естьли бы мы стали судить о

немъ по тому, котораго Аристофанъ ввелъ на Театръ въ своихъ облакахъ, или по доносу Анита и по приговору его судей? Надобно бы тому имѣть мало познанія свѣта, кто бы не вѣдалъ, что не многія черты странности и уклоненія отъ обыкновенныхъ обрядовъ нравственнаго поведенія достаточны представить въ дурномъ видѣ и самаго лучшаго мужа. Примѣръ славнаго Жанъ Жака Руссо, уроженца Женевскаго, мужа, которой можетъ быть въ самомъ дѣлѣ и въ половину не такъ страненъ, какъ вамъ кажется, отмѣнно объяснитъ это положеніе. А въ предлежащихъ разговорахъ услышимъ мы, что самъ Діогенъ разсуждаетъ о сей матеріи во многихъ мѣстахъ такъ хорошо, что едва останется ли

какое неразрѣшенное сумнѣніе у того, кто не положилъ себѣ закономъ принимать только собственное свое мнѣніе.

Но при всемъ томъ съ охотою признаюсь, что Діогенъ сихъ разговоровъ кажется мнѣ самому довольно идеальнымъ Діогеномъ: дѣйствительноль предложилъ его Латинской переводчикъ съ Арабскаго языка, а Арабской съ Греческаго оригинала, или одинъ изъ сихъ переводчиковъ (что кажется мнѣ однако не вѣроятнымъ) самъ Авторъ сего сочиненьица. Что нѣкоторыя черты подкрашены, то очевидно; а чтобъ употребить всевозможную искренность съ Читателемъ, не мо-

гу и не долженЪ я скрыть отЪ него, что я самЪ такЪ, какЪ и оба переводчики, мои предшественники, может Ъ быть болѣе по нуждѣ, нежели умышленно, имѣю болѣе участія вЪ томЪ, что сіи разговоры довольно отступаютЪ отЪ подлинника, нежели сколько позволяетЪ вѣрность, которой обыкновенно требуютЪ отЪ переводчика. Не обинуясь скажу: я опасаюсь, что они имѣли почти ту же участь, каковой подвергнулась, говорятЪ, Исторія о ЧумичкѢ, по словамЪ Французскаго ея издателя. Весьма вѣроятно, что первой Арабской переводчикЪ, хотябЪ онЪ имѣлЪ всевозможное искусство, нашелЪ, по великой разности своего языка сЪ ГреческимЪ,

непреодолимую трудность перевесть хорошо сочиненіе такое странное. И такъ о немъ чаятельно сказано было: Ex Graecis bonis fecit Arabicos non bonos. Я думаю, что и Латинской переводчикъ имѣлъ не лучшій успѣхъ. Правду сказать, судя по его слогу, конечно онъ былъ плохой Латынщикъ; не смотря на то, что какъ Магистеръ въ новозаведенномъ Университетѣ, каковъ былъ тогда въ Саламанкѣ, кажется довольно надувалъ свои щеки въ предисловіи.

По свойству большой части нашихъ новѣйшихъ переводчиковъ кажется, что онъ не разумѣлъ ни того языка,

съ котораго, ниже того, на которой переводилъ, а всего менѣе понималъ смыслъ своего подлинника.

Въ премногихъ мѣстахъ видно, что въ его грубыхъ рукахъ потеряны тамъ чаятельно тонкая мысль, или щасливой оборотъ, или какая нибудь иная тому подобная невидимая красота; а во многихъ мѣстахъ онъ совершенно невразумителенъ и безъ смыслу, не заботясь ни мало о томъ, что Читатели на то скажутъ. Чаятельно не представлялъ онъ себѣ, что его будутъ читать, или какъ Французской переводчикъ Мюзяріона переводилъ худо только для себя и своихъ

пріятелей, а не для Публики. Какъ бы то ни было, но я вѣрно сдѣлалъ бы свѣту самой плохой подарокъ, какой только можно себѣ вообразить, естьли бы, обольстясь честію быть издателемъ старинной Латинской рукописи, отдалъ ее въ печать.

И такъ, поелику сей Діогенъ казался того достоинъ, принялъ я на себя трудъ лучше переработать его совсѣмъ, и по крайности моихъ силъ и знанія заставить говорить его по Нѣмецки, такъ какъ себѣ воображалъ, что по меньшей мѣрѣ заставилъ бы его говорить сносной Греческой

Софистъ изъ Алкифроновыхъ временъ.

Писано въ Фрейбургѣ въ Ухтландіи

18 Сентября 1769 года.

ΣΩΚΡΑΤΗΣ ΜΑΙΝΟΜΕΝΟΣ.

I.

Какъ мнѣ пришло въ голову написать свои приключенія, наблюденія, чувствованія, мнѣнія, бредни, свои глупости, — ваши глупости, и — премудрость, которой научился можетъ быть изъ обѣихъ, о томъ — надлежало бы мнѣ сказать вамъ прежде всего, естьли бы только была у меня бумага, на которой могъ бы писать. — Однако безъ бумаги можно бы легко обойтись,

естьлибъ только были навощенныя таблицы, или древесная кора, или кожа, или пальмовые листья; — а за неимѣніемъ того годилась бы бѣлая жесть, мраморъ, слоновая кость, или даже и лещадки; ибо на всемъ этомъ писывали въ старину, когда еще нужнѣе было писать основательно, нежели много. Но по нещастію нѣтъ у меня ничего изъ сихъ пищихъ матеріаловъ; да хотябъ они у меня и были, то не могъ бы ихъ употреблять за неимѣніемъ ни пера, ни грифеля, ниже другаго инаго орудія, кромѣ сего кусочка мѣла. — Плохое дѣло! — Но чтобъ сдѣлалъ я, естьлибъ ничего этого на свѣтѣ не было? Конечно всего короче было бы не писать. Но я неотмѣнно хочу писать. —

На пескѣ писать? — это возможно. Я знаю отъ двухъ до трехъ сотъ молодыхъ и старыхъ писателей, которымъ хотѣлъ бы отъ всего сердца совѣтовать, чтобъ употребили сей способъ, потому что они рѣшились уже писать такъ какъ я, — или можетъ быть должны писать. — Но при всемъ томъ есть тутъ неудобность. — Дурачина! что еще долго думаю, не видя, что моя бочка довольно просторна для вмѣщенія цѣлой Иліады, естьли бы я могъ только писать довольно мѣлко. — Стану писать на своей бочкѣ; — бока ея и безъ того такъ голы, безъ рѣзьбы, безъ позолоты, безъ ковровъ, безъ живописи; — въ самомъ дѣлѣ слишкомъ голы — Развѣ я хуже того червяка, изъ кото-

раго пряденой мокроты дѣлаютъ тѣ ткани, коими одѣваютъ свои палаты наши Аргонавты? — Червякъ самъ себѣ прядетъ свой домъ, я ему въ томъ завидую; этого не могу сдѣлать; но могу убрать свой домъ собственными бреднями, и это сдѣлаю, по крайней мѣрѣ, покуда не изойдетъ этотъ кусочикъ мѣлу.

И подлинно было бы мнѣ досадно, естьли бы изъ всѣхъ двуногихъ животныхъ безперыхъ на семъ земномъ кругу, или яйцѣ, или на сей земной тарелкѣ — (пусть это рѣшатъ тѣ господа, которымъ нечего дѣлать, и которые не могутъ быть праздны —) нашлось хоть одно, у котораго было бы меньше потребностей, нежели у меня. Дѣло

прекрасное не имѣть надобностей; или естьли уже безъ того обойтись не льзя, имѣть ихъ нѣсколько, или по крайней мѣрѣ не болѣе, нежели сколько необходимо имѣть должно, и заниматься ими какъ возможно меньше. Это сперва трудновато, потому что вы къ тому не рождены; — но какимъ трудамъ не подвергается тотъ дуракъ, которой взялъ себѣ въ голову умереть богатымъ? Сколько труда причиняетъ себѣ дуракъ Федрій, сперва преклонить въ любовь свою дѣвушку, по томъ ее удовольствовать, а послѣ стеречь? Чего стоитъ другому дураку сдѣлаться отцемъ отечества изъ кожевника, или торгующаго пряными кореньями? или другому подбиться въ милость

Сатрапа? — Сугубые дураки! съ половиною того труда, которымъ они себѣ наживаютъ тысячу дѣйствительныхъ и мечтательныхъ безпокойствъ, кромѣ естественныхъ, безъ которыхъ и такъ не льзя обойтись, моглибъ они пріобрѣсть на весь свой вѣкъ такое блаженство, которое сколько возможно ближе подходитъ къ божескому.

Ибо что боги для того блаженны, что имъ нечего инаго дѣлать, какъ вѣчно набивать себѣ брюхо амброзіею, вѣчно напиваться нектаромъ и нюхать ѳиміамъ, которой имъ въ честь сожигаемъ, — этому вѣрятъ ихъ жрецы, такъ какъ и я. Они блаженны потому, что имъ ничего не надобно, что они ничего не боятся, ничего не надѣют-

ся, ничего не желаютъ, все въ самихъ себѣ находятъ, — и я такъ же блаженъ, сколько можетъ быть блаженъ бѣдной смертной, которому надобенъ хлѣбъ или коренья для того, чтобъ жить, епанча чтобъ не замерзнуть, шалашъ, или по меньшей мѣрѣ бочка, чтобъ лечь въ сухомъ мѣстѣ и — самка его роду, ежели хочетъ размножать родъ человѣческой.

При всемъ томъ я доволенъ, что дошелъ до того, что на голодъ и жажду надобны мнѣ только коренья, противъ наготы только епанча изъ дерюги, противъ вѣтру и ненастья только бочка. Что касается до четвертой статьи, объ ней не любятъ ваши степенные люди говорить, а благоразумной чело-

вѣкъ думаетъ о томъ, сколько можно меньше; — и естьли долженъ думать, такъ добрая наша матушка Природа и то заготовила; какъ я могъ бы вамъ доказать хорошенькимъ примѣрцомъ, естьлибъ не опасался — что вы станете ревновать.

2.

Естьли бы кто взялъ себѣ въ голову сдѣлаться умнымъ въ угодность другимъ людямъ — чтобъ на примѣръ сдѣлать свое щастіе, или привесть себя въ почтеніе у людей, или избавиться отъ ихъ хулы, — то я совѣтовалъ бы ему присѣсть и это оставить. Ибо прозакладываю свою котомку и палку, т. е. все свое имѣніе на бобовину, — естьли вы только не Пиѳа-

торцы, — что потеряете въ томъ свой трудъ однимъ или другимъ образомъ. — Либо пріобрѣтете почтеніе свѣта, и тогда надлежало бы мнѣ быть всесвѣтнымъ обманщикомъ; или будете одолжены сею честію своимъ деньгамъ, или своему состоянію, или званію, или женѣ, или сестрѣ, или хорошему своему виду, или дарованію пѣть, танцовать, играть на флейтѣ, или скакать сквозь обручь, или попадать въ шило просяными зернами, или всему иному, а не благоразумію своему; — или естьли, по милости Божіей, дѣйствительно достигнете премудрости: то не льзя будетъ убѣдить свѣтъ, чтобъ онъ не почиталъ васъ дураками; для чего хорошо сдѣлаете, когда станете послѣ-

довать Діогену; — а имянно потому точно, что Діогенъ не дуракъ, и о томъ заботится. Ибо, любезные друзья, естьли бы добивался онъ вашего одобренія, онъ, которой не можетъ раздавать вамъ милостей, потчивать столами, доставлять Персидскихъ винъ, хорошей жены, — то надлежало бы ему вертеть ваши ручныя мѣльницы, или работать въ вашихъ рудокопныхъ заводахъ, или загонять вашихъ Нимфъ въ ограду, или способствовать варенію вашего желудка своими разсказами; — а съ позволенія вашего онъ почитаетъ за благо не дѣлать ничего этого и тому подобнаго, нашедши способъ не имѣть надобности въ вашемъ одобреніи.

Дѣло совсѣмъ иное въ разсужденіи пріятельницъ. Хотя и не быть пригожимъ, или богатымъ, или знатнымъ, или одѣтымъ въ пурпуръ и висонъ, или не пахнуть лоделаваномъ, или не имѣть на головѣ прически, или вообще головы, поелику въ ней долженъ быть умъ, или какого нибудь дарованія, которое и женщина имѣть можетъ; то есть, благодаря вашему добросердечію, милыя твари, вѣрное средство заслужить ваше одобреніе, и — словомъ, мы, думаю, разумѣемъ другъ друга, и естьлибъ непріятели простерли когда либо свою злобу до того, чтобъ нѣкоторыми клеветами хотѣли меня лишить добраго вашего мнѣнія: то надѣюсь, что все еще нѣкоторые изъ васъ бу-

дутЪ столь великодушны, что возьмутЪ меня вЪ свое покровительство, и шепнутЪ на ухо своимЪ сестрамЪ, что ДіогенЪ — не совсѣмЪ безЪ достоинствЪ.

3.

ВпрочемЪ, и что касается до премудрости, господа Коринѳскіе, Аѳинскіе, Спартанскіе, Ѳивскіе, Мегарскіе, Сикіонскіе, и проч. и вы, которыхЪ для чести долженЪ бы я назвать прежде, любезные мои Синопскіе соотчичи, — позвольте мнѣ сказать вамЪ, что я столь много чувствую честь быть со всѣми вами одного племени, что не могу требовать болѣе премудрости, нежели сколько необходимо надобно для собственнаго моего обихода. А естьлибЪ мог-

ло быть ее нѣсколько и къ вашимъ услугамъ: то признаюсь откровенно, что симъ я обязанъ единственно тѣмъ примѣчаніямъ, къ которымъ вы подали мнѣ случай, глядя на васъ, какъ вы поступали. Обыкновенно примѣчалъ я послѣ, что могъ бы вамъ предсказать, хотя я и не Эдипъ, — что вы раскаивались, что такъ поступали, и заключалъ изъ того натурально, „Что вы лучшебъ сдѣлали, естьлибъ иначе поступили.„

Изъ того собралъ я нѣсколько примѣчаній, и при удобномъ случаѣ буду вамъ сообщать столько, сколько думаю, что вдругъ снесть можете.

А между тѣмъ, и чтобъ возвратиться къ поводу, которой имѣлъ я ко всему это-

му разсужденію, не могу обойтись, чтобъ въ пользу простаковъ не сказать, что послѣ того, какъ моему другу Платону угодно было сдѣлать мнѣ честь и назвать меня бѣшенымъ Сократомъ, нѣкоторыя полуголовы въ предмѣстіяхъ Коринѳа, а можетъ быть и въ самомъ городѣ стараются, кажется, рачительно ставить на мой щетъ множество дурачествъ собственнаго ихъ произведенія; а тѣмъ, которыми дѣйствительно занимаюсь, давать такой видъ, въ какомъ не могу признать ихъ за свои. — Прискорбно мнѣ было бы, естьлибъ то, что о семъ скажу, могло имъ быть непріятно. Ибо примѣчаю, что въ сей маленькой забавѣ имѣютъ они большее намѣреніе. Они могутъ щѣмъ

удобнѣе показать свой разумъ въ строгомъ сужденіи возводимыхъ на меня дурачествъ, или свою остроту въ ихъ осмѣяніи; — пользуются при семъ тою выгодою, какую имѣетъ тотъ, кто самъ себѣ выбираетъ соперника, котораго хочетъ побѣдить. Онъ можетъ себѣ пріискать точно такъ слабаго и неискуснаго, каковъ ему надобенъ для одержанія побѣды. Поелику было бы не дружелюбно, естьлибъ я хотѣлъ мѣшать имъ въ этой маленькой потѣхѣ: то все, что скажу, по нумеръ 4 будетъ сказано безо всякаго предосужденія праву ихъ въ томъ, а только въ пользу тѣхъ, которые желалибъ меня знать, да не имѣютъ удобности ѣхать за тѣмъ въ Коринѳъ.

И такъ признаюсь, что за нѣсколько лѣтъ старался я о томъ, „Какъ бы сдѣлать себя по возможности независимымъ.„ Я нашелъ, что это возможно на нѣкоторыхъ условіяхъ, и что сіи условія отъ меня зависятъ.

Я не долго размышлялъ. Нашедши свою теорію, тотчасъ сдѣлалъ то, что весьма не многіе изъ вашихъ нравоучителей дѣлаютъ; — началъ ее исполнять, и безъ хвастовства сказать, въ двацать лѣтъ успѣлъ столь много, что, какъ видите, живу очень покойно въ бочкѣ, питаюсь бобами и кореньями, а при томъ за неимѣніемъ стакана черпаю свой нектаръ ладонью изъ ближняго колодца. Но за то и пользуюсь выгодами независимости. Мнѣ не-

нужно васъ обманывать, и я увѣренъ, что вы также меня обманывать не станете. Я ничего отъ васъ не жду, ничего отъ васъ не требую, ничего отъ васъ не опасаюсь. — Ибо какому бѣдняку надобнобъ быть тому, ктобъ захотѣлъ украсть у меня мою палку и котомку съ бобами и хлѣбными крохами? Естьлибъ паче чаянія выискался кто нибудь, и по бѣдности впалъ въ такое искушеніе, то я готовъ уступить ему добровольно и то и другое. Въ ближнемъ лѣсу найду опять палку, а изъ полы своей епанчи сдѣлаю себѣ другую котомку, такъ убытокъ и награжденъ. — Словомъ: не вижу, для чегобъ намъ не быть лучшими друзьями. Чегобъ вы ни домогались, Діогенъ вамъ не помѣ-

шаетъ. Ищите, буде хотите — совѣтовать вамъ никогда не стану — Архонтскаго, жреческаго, полководческаго мѣста, мѣста въ постели прекрасной женщины, или богатой Госпожи, или Дамы, которая сдѣлаетъ вамъ за двашцать минъ то, что сдѣлала Діана Эндиміону — ищите милости въ Сатрапѣ, или Королѣ, или Королевѣ, или самаго вѣнца, или же и помѣщенія между богами — вы знаете, что это купить можно; — словомъ, ищите всего, что вамъ угодно, Діогенъ никогда не будетъ вамъ соперникомъ. Діогенъ человѣкъ самой безвредной и незначущій — кромѣ того, что при случаѣ скажетъ правду; — и хотя тѣмъ самимъ не будетъ ни мало способствовать къ ва-

шему удовольствію, однакожъ, кажется, заслуживалъ бы, чтобъ вы дали ему пользоваться безденежно воздухомъ и солнечнымъ сіяніемъ и позволили ложиться подъ деревомъ, которое можетъ быть насадилъ его дѣдъ.

4.

Не сказалъ ли я вамъ прежде, что Діогенъ Синопской сынъ Ицета, — котораго глупостей не желаю впрочемъ сдѣлать лучше того, каковы онѣ въ самомъ дѣлѣ — не совсѣмъ такъ глупъ, какъ Господамъ и Дамамъ Кранейскимъ угодно заключать по нѣкоторымъ чертамъ его образа мыслей.

„Этотъ человѣкъ, говорятъ они, притворяется чудакомъ;“ — а вы государи

и государыни мои притворяетесь честными и добродѣтельными.

„Онъ бросилъ деревянной свой стаканъ, увидѣвши нищаго, пившаго съ ладони“ — этотъ поступокъ съ позволенія вашего нѣсколько обезображенъ. Стаканъ надобно было бросить, потому что онъ разкололся, и какъ въ ту же минуту не могъ онъ другаго найти; то къ щастію увидѣлъ честнаго земнороднаго, у котораго научился пить безъ стакана. Умной человѣкъ всегда найдетъ случай чему нибудь научиться, и увѣряю васъ, сударыня, что всю Философію Аристиппову перенялъ я у вашей любимой собачки. — Но положимъ, что я бросилъ стаканъ для того, что могъ безъ него обойтись — Клеонъ,

которой пьетъ теперь изъ золотаго стакана за тѣмъ, что способствовалъ осудить невиннаго Никія, былъ бы еще честнымъ человѣкомъ, есть-ли бы, такъ какъ я, могъ пить съ ладони. „Онъ мисогинъ“ (*) ха, ха, ха. —

„Онъ нарочно говоритъ всѣмъ людямъ, чего они слушать не любятъ;“ — Развѣ я виноватъ, что они не любятъ слушать правды?

„Онъ живетъ въ бочкѣ;“ — это, какъ видите, сороковая бочка, и для человѣка, у котораго нѣтъ семейства и никакого дѣла, довольно просторна. Положимъ, что я хотѣлъ сдѣлать опытъ, что въ случаѣ нужды и самое тѣсное

(*) Человѣкъ, которой ненавидитъ женской полъ.

жилище довольно велико для честнаго человѣка. — Знаю, добрый Ксеніадъ! что естьли бы за старостію, или болѣзнію понадобилось мнѣ жилище покойнѣе этого; то Діогенъ найдетъ въ дружескомъ, гостепріимномъ домѣ твоемъ устроенную для себя горенку. Теперь, когда не имѣю въ томъ надобности, пусть будетъ въ сіи ясные лѣтніе дни зеленой дернъ моею софою, которая набита мягкою травою и цвѣтами; а кипарисъ пусть распространяетъ вокругъ меня здоровую тѣнь! Тутъ я вбираю въ себя прохлаждающее дыханіе Природы; крышка у меня сводъ небесъ, и когда такъ лежу, и взоръ мой пробѣгаетъ безконечныя ихъ бездны: то духъ мой бываетъ

открытъ, тихъ и непомраченъ, такъ какъ и они сами.

„Но какая прихоть, говорятъ они, писать на стѣнахъ своей бочки вмѣсто таблицы? — „Хорошо! пусть это будетъ прихоть; развѣ у васъ нѣтъ прихотей? или не также ли хороши мои прихоти, потому что они мои, какъ и ваши прихоти, потому что они ваши? —

Между тѣмъ вотъ моя пищая таблица: прекрасная таблица изъ слоновой кости, переплетенная въ позолоченой кожѣ, которую можетъ быть буду употреблять и впредь за неимѣніемъ хуждшей. Я не такъ своенравенъ, чтобъ убѣгать покойности, когда она меня ищетъ, и не должно жертвовать ей ничѣмъ лучшимъ. Доброй Ксеніадъ,

которому она принадлежитъ, думаетъ, что она будетъ тѣмъ лучше, когда возвращу ее исписанную. — Да будетъ по волѣ твоей, Ксеніадъ!

5.

Она лежала нѣсколько запрокинувшись на маленькомъ тронѣ подушекъ, играя, какъ я сказалъ, съ любимой своей собачкой. Насупротивъ сидѣлъ молодой человѣкъ, о которомъ Природа подавала много надежды — и которой слышалъ у Ксенократа, что должно закрывать глаза, когда не чувствуешь въ себѣ довольно крѣпости съ открытыми глазами противиться прекрасному искушенію. Молодой человѣкъ не смѣлъ совсѣмъ закрыть своихъ, а смотрѣлъ въ землю — и тутъ къ не-

щастію попалась ему въ глаза маленькая ножка, каковою можно себѣ вообразить ногу Граціи, выходящей изъ мыльни; однакожъ вскрытая только немного повыше лодыжекъ. Это для васъ и для меня было ничего; но для молодаго человѣка очень много. Съ робостію и смущеніемъ отворотилъ онъ глаза, посмотрѣлъ на даму, по томъ взглянулъ на ея любимую собачку, по томъ опять на подножной коверъ; но прекрасная ножка сдѣлалась между тѣмъ невидимою. Онъ о томъ жалѣлъ, говорилъ запинающимся голосомъ — обо всемъ иномъ, кромѣ того, что ощущалъ — госпожа гладила свою собачку, собачка взаимно ласкалась къ ней, дергала своею лапкою за ея строфіонъ (вѣнокъ

цвѣтовъ) по томъ смотрѣла на нее — сказалъ бы я — съ воровскою улыбкою, естьли бы собаки могли улыбаться; дергала опять за ея строфіонъ и рѣзвясь открыла — (Дама глядѣла въ самое то время на Парразіеву Леду, которая висѣла насупротивъ нѣсколько по правую руку) — половину весьма бѣлой и прелестно округленной груди. — Молодой человѣкъ прищурилъ глаза и хваталъ ртомъ воздухъ. Собачка стояла задними лапками на ея колѣняхъ, приложила правую свою переднюю лапку къ прекрасной груди и съ полуоткрытымъ ртомъ, выраженіемъ желанія, смотрѣла вверхъ на ея глаза. Она цѣловала собачку, называла ее маленькимъ своимъ льстецомъ и наклала ей

въ ротъ бисквитовъ. Молодой человѣкъ не имѣлъ уже силы смотрѣть въ землю. Я ушелъ потихоньку.

На дорогѣ увидѣлъ я Аристиппа, увѣнчаннаго розами и наполняющаго воздухъ вокругъ себя всѣми Аравійскими ароматами, который возвращался пьяной съ пиру богатаго Клинія. Онъ шелъ въ широкой шолковой одеждѣ, блисталъ кругомъ добычею, которую за нѣсколько времени содралъ съ Діонисія Сиракузскаго: маленькой дворъ веселыхъ юношей роился около его и, подобно Бахусу между Фаунами и Сатирами, шелъ онъ между ими, уча ихъ своей премудрости. Клянусь Анубисомъ богомъ, покровителемъ всѣхъ наколѣнныхъ собачекъ, и прозакладываю свою

палку и котомку, естьли Аристиппъ не перенялъ своей премудрости у любимой собачки Данаиновой! Летите, къ тщеславію богачей и вельможъ; угождайте ихъ страстямъ, или поспѣшествуйте тайнымъ ихъ желаніямъ, не показывая вида, что ихъ знаете — то они накладутъ вамъ въ ротъ бисквитовъ. Вотъ вся тайна. — Ничего, кромѣ этого? Ни черточки!

6.

Повѣрьте мнѣ, Клиній, Херей, Демархъ, Сарданапалъ, Мидъ и Крезъ и, какъ васъ всѣхъ зовутъ — не изъ зависти или отчаянія, что не льзя мнѣ будетъ никогда уподобиться вамъ, или отъ гордости, которая старается облегчить себя презрѣніемъ

того, чего имѣть не можетъ. Я испыталъ себя въ томъ строго — причиною тому внутреннее убѣжденіе, которое никакихъ словъ отъ меня не принимаетъ, — что я не могу никакъ совѣтовать моимъ друзьямъ, домогаться такого щастія, каково ваше.

Ваши чертоги пространны, покойны, прекрасно выстроены, убраны преизящными твореніями художества, наполнены роскошными убранствами сладострастія; — ваши сады похожи на сады Алкина и Гесперидъ; ваши палаты той палатѣ, гдѣ Гомеровы безсмертные боги блаженствуютъ, упиваясь нектаромъ; ваши отроки прекрасны, какъ Ганимедъ; ваши рабыни, какъ подруги богини любви; ваша жизнь есть непрерывной пиръ,

оживленной музыкою, плясками и игрою; къ вамъ никакая красавица несурова, никакая Даная недоступна; запоры, стѣны, стрегущіе драконы, ничто вамъ не мѣшаетъ: ваше золото все преодолѣваетъ. —

Софистъ сталъ бы можетъ быть досаждать вамъ за всѣ сіи выгоды — а я не хочу. Я не презритель прекраснаго, не врагъ удовольствія, какъ обвиняютъ меня дѣвушки, торгующія цвѣтами въ Кранеѣ. Мнѣ ничто такъ не противно, какъ слабые доводы. „Роскошь разслабляетъ, говоритъ Ксенократъ — добродѣтель то же дѣлаетъ, говорю я; ибо иначе Фрина не встала бы, и не разсталася бы съ вами столь недовольною. Развѣ Алкивіадъ не былъ храбръ? не могъ ли

онъ, когда надобно было, спать на жесткой землѣ, на чистомъ воздухѣ также, какъ на колѣняхъ прекрасной Немеи? Не съ такимъ же ли вкусомъ употреблялъ онъ черную похлебку Спартанцовъ, какъ и сластныя ѣствы роскошнаго Тиссаферна. — Прошу не дѣлать возраженій, которыя съ одной только стороны справедливы; которыя можно опровергнуть премногими примѣрами. Признаемся, хорошее вино изъ Кипра, естьли у васъ нѣтъ жажды, дѣйствительно лучше колодезной воды, чтобы противъ того ни говорили строгіе нравоучители; а ваши танцовщицы изъ Іоніи, или дѣвушки изъ Хіо совсѣмъ тѣмъ премилыя твари. Ваша галлерея, убранная картинами Зевксиса,

Парразія, Этіона и Апеллеса, прельщаетъ неученые глаза, и удовлетворяетъ занимающагося знатока. Не должны ль вы быть щастливы? не должно ль намъ всѣмъ домогаться вашего состоянія? Наслажденіе всѣмъ прекраснымъ и пріятнымъ не должно ли составить щастія. — —

У меня одно только сумнѣніе — кажется болѣе, нежели сумнѣніе — но опасаюсь оскорбить васъ, ежели его обьявлю — оно подало бы поводъ къ прѣніямъ, и я не достигну своего намѣренія, когда нанесу вамъ скуку, — вижу, что вамъ надобно ѣхать въ гости къ прекрасной Филеніонѣ — или къ молодой супругѣ стараго Стрипсіада. — Не хочу васъ задерживать: между тѣмъ лягу въ тѣни

и стану бредить, пока возвратитесь.

7.

Сей часъ поймалъ я себя въ гнусной шалости. — О сынъ Ицета! какъ много еще недостаетъ тебѣ быть такъ умнымъ, какъ ты кажешься глупымъ! — Сердиться за то, что въ твоихъ бредняхъ мѣшаетъ тебѣ человѣкъ, которой чаетъ сдѣлать тебѣ честь и не обязанъ знать, что въ самое то время хочешь ты бредить! — Тьфу! это надобнобъ было тебѣ стерпѣть отъ долгоногаго паука, отъ осы, или шмеля — Я разскажу вамъ все дѣло. „

Тебѣ нечего дѣлать Діогенъ, сказалъ онъ. „

Я отвѣчалъ по своему.

„Такъ я сяду подлѣ тебя. „

Естьли у тебя нѣтъ инаго дѣла.

„Отнюдь нѣтъ — кромѣ того, что надобнобъ мнѣ быть на площади. Рѣшатъ дѣло бѣднаго Ламона. Отецъ его былъ хорошій пріятель нашему дому. Думаю, трудно ему будетъ отдѣлаться на сей разъ отъ своихъ непріятелей: жалѣю о немъ. Вчера взялся было я защищать его, но сего дня совсѣмъ не расположенъ.„ — —

Нерасположенъ! а Ламоновъ отецъ былъ пріятель твоему дому. — И бѣдной Ламонъ въ опасности?

„Какъ я тебѣ сказалъ, голова моя ни къ чему неспособна. Вчера пировали мы у Клинія. Всю ночь прогуляли. У насъ было вино боговъ,

танцовщицы, мимики, Философы, которые сперва здорили; потомъ напились пьяны; потомъ съ танцовщицами — словомъ, у насъ было все, что принадлежитъ къ совершенной забавѣ. " — —

Это все хорошо, естьли изволишь — но бѣдной Ламонъ? „что дѣлать! Мнѣ его жаль, какъ я сказалъ. Онъ честной человѣкъ — и жена у него добродѣтельна — очень добродѣтельна. — „

А чаятельно и пригожая женщина?

„Вчера приходила она просить меня о дѣлѣ своего мужа. Съ нею было двое дѣтей около трехъ и пяти лѣтъ — милые ребятишки. Она была не очень прибрана, но ея фигура и видъ тронули меня. Она

повалилась мнѣ въ ноги, гоговорила съ жаромъ въ пользу своего мужа: не льзя, чтобъ онъ былъ виноватъ; онъ пречестной человѣкъ, пренѣжной отецъ, лучшій другъ; не можно, чтобъ онъ сдѣлалъ умышленно что нибудь неблагородное — помогите ему, отъ васъ зависитъ. — Я дѣлалъ ей возраженія, она опровергала меня. Я представлялъ ей трудности; потому что у него такъ много непріятелей — онъ ихъ имѣлъ, сказала она; потому что у него болѣе заслугъ, нежели имущества. Я пожималъ плечами. — Она плакала и оба умненькіе ребятишки также прослезилися, видя, что ихъ мать такъ сильно говоритъ и плачетъ, и бросились ей на шѣю съ маленькими

своими ручонками, спрашивая заботливо, не отдастЪ ли намЪ этотЪ господинЪ нашего батюшку? — УвѢряю тебя, сцена была трогательна. Я бы далЪ пятьдесятЪ минЪ искусному живописцу, которой бы на мѢстѢ написалЪ мнѢ эту картину. „

Не вправду ли? — можноль было тебѢ имѢть такую мысль вЪ ту минуту? —

УвѢряю тебя, ДіогенЪ, что это стоило бы труда. Никогда вЪ жизни своей не видѢлЪ я красоты вЪ трогательнѢйшемЪ образѢ. Груди ея такЪ сильно вздымались подЪ косынкою, что, мнѢ казалось, я ихЪ осязалЪ. Эта прелестная колдунья была вся душа и грація. Я сказалЪ ей: сударыня, испытаю всѢ способы; чего не сдѢлаешь для такой

женщины, какъ вы? — Теперь долженъ я итти къ Клинію; сего дня ввечеру даетъ онъ балъ; но я вырвусь прежде полуночи. Приходите опять около этого времени; камердинеръ введетъ васъ въ мой кабинетъ; мы тогда придумаемъ, чѣмъ пособить вашему мужу; почти все будетъ зависѣть отъ васъ самихъ. — Вообрази себѣ, Діогенъ, что эта дура сдѣлала Она отскочила съ гнѣвомъ, который придавалъ ей еще болѣе красоты; мнѣ хотѣлось бы ее тогда же обнять — прежде нежели я договорилъ — и отвѣчала мнѣ только презрительнымъ взглядомъ. Я мигнулъ своему камердинеру и оставилъ ее. Я знаю этого удальца, увѣренъ, что онъ сказалъ ей все, что можно

сказать; но она не хотѣла его слушать. Пойдемъ дѣти, сказала она, не удостоивая его и взглядомъ; въ тоже время прижала ребятишекъ къ своей груди. Богъ попечется объ насъ — а естьли и онъ насъ оставитъ, такъ мы можемъ умереть. — Ты видишь, что я не безъ основанія назвалъ ее добродѣтельною женщиною.„

Какъ вижу, она съ лишкомъ добродѣтельна для спасенія бѣднаго Ламона — о Херей! о Херей! возможно ли это.

„Ты въ духѣ дѣлать нравоученія, Діогенъ. Прощай, я невеселъ, какъ тебѣ сказалъ, надобно мнѣ разгуляться: не изволишь ли сходить со мною къ Ѳріалѣ. Мой живописецъ снимаетъ съ нее образецъ для

Венеры Калипигосъ. Это будетъ прекрасная картина! —

Благодаренъ на этотъ разъ. — Бѣдной Ламонъ и прекрасная добродѣтельная его жена съ двумя милыми дѣтьми овладѣли мною такъ, что я ни къ чему иному не гожусь Ни однимъ штрихомъ твоего живописца не былъ бы я доволенъ, однакожъ онъ былъ бы не виноватъ. Ступай Херей, и дай волю моимъ уединеннымъ мыслямъ.

Нѣтъ, не хочу думать, надо но бы съ ума сойти, естьли бы въ эту минуту внималъ я тѣмъ мыслямъ, которыя насильно входятъ въ голову — —

Вы знаете конечно, что этотъ Херей одинъ изъ славныхъ щастливцовъ въ Коринѳѣ.

8.

Какъ хорошо поетъ этотъ соловей! — Я напился тамъ изъ источника; а теперь лягу въ этотъ кустарникъ съ маленькимъ дикимъ пѣвцемъ и предамся всѣмъ тѣмъ удовольствіямъ, которыми благотворительно устилаетъ природа колючія стези жизни. — Бѣдной Ламонъ! пойти ли мнѣ и попытаться? сдѣлаю это. — Но пособитъ ли ему добрая моя воля? Я не имѣю власти, сообщниковъ, никого, кому нужна моя дружба; меня не знаютъ. — Дѣло Ламоново касается до его званія, до Республики; — мнѣ не позволятъ и говорить. — По меньшей мѣрѣ могу защищать его, какъ стряпчій; — но мы другъ друга не знаемъ —

что нужды: пойду! — Пусть не напрасно прекрасная женщина омочила слезами ноги Херея.

9.

Я не зналъ еще ничего точнаго о Ламоновомъ дѣлѣ, когда пошелъ, и оставилъ своего соловья одного. Дорогою столкнулся я съ однимъ изъ его судей, которой мнѣ сказалъ, въ чемъ дѣло состоитъ. Нанята только шайка плутовъ другимъ плутомъ, которому хочется получить Ламоново мѣсто. Говорятъ, будто онъ разточилъ Государственную казну, которая была ему ввѣрена. Они не могли уличить его въ дѣйствительной невѣрности, но онъ одолжилъ деньгами друга, которой предъявилъ ему полномо-

чіе, сказавъ, будто тѣ деньги надобны на потребы Республики. Ламонъ повѣрилъ своему другу, и былъ обманутъ. — Вотъ все его преступленіе — но посмотрѣлъ бы ты, въ какое страшное злодѣйство вмѣняютъ это его доносщики. Ламонъ отвѣчалъ имъ съ робостію честнаго человѣка, который видитъ свою судьбу въ рукахъ непріятелей и вѣдаетъ, что приговоръ о немъ уже положенъ прежде, нежели онъ началъ говорить. Онъ говорилъ мало. Позволь мнѣ за себя говорить, Ламонъ, сказалъ я и началъ его защищать. Они хотѣли шумѣть, но тутъ помогла мнѣ грудь моя. Я ихъ перекричалъ. — Я говорилъ со всею тою горячностію, которая осталась у

меня отъ воображенія прекрасной женщины и двухъ милыхъ дѣтей, я не щадилъ его непріятелей, а судей подкупилъ похвалою ихъ добродѣтели, человѣколюбія, благородства безпристрастія, ненависти къ угнѣтенію. У одной трети изъ нихъ были еще такія щеки, которыя могли краснѣть — этому я радовался — я усугубилъ свои похвалы и свою довѣренность къ ихъ справедливости, добродѣтели — довелъ до того, что и еще одна треть закраснѣлась. — Теперь я выигралъ; я докончилъ свою побѣду картиною прекрасной жены и двухъ ребятишекъ, которыхъ повергъ къ ихъ ногамъ, и велѣлъ просить за честнаго своего отца — Ламонъ оправданъ.

Я ушелъ потихоньку въ сумятицу и теперь опять здѣсь.

Какъ хорошъ вечеръ! Какъ свѣтла, какъ весела вся Природа! Я самъ собой доволенъ, что послѣдовалъ гласу человѣчества. Я опять поселилъ радость въ прекрасные глаза добродѣтельной женщины и въ маленькія сердца ея дѣтей. Какъ пріятны будутъ ихъ обниманія! Я ими наслаждаюсь, хотя ихъ не вижу — ктожъ въ этотъ вечеръ щастливъ — Херей, Клиній, Мидъ, Сарданапалъ, Крезъ, или я?

10.

Позвольте мнѣ предаться тому чувствованію, которое дѣлаетъ меня щастливымъ — а между тѣмъ прочтите еще раза три предшедшіе нумера — буде вамъ угодно — и

такъ тихо или бѣгло, какъ хотите. —

11.

Подлинно самое стихотворческое мѣсто! Этотъ высокой розовой кустъ съ свѣжими, разцвѣтшими розами, какъ прекрасно распускается надо мною! Какъ пріятно журчитъ подлѣ меня по маленькимъ камушкамъ этотъ источникъ? Какъ гладка и мягка эта мурава? Какъ свѣжа ея зелень, какъ густа ея короткая трава! я бы упрекалъ себѣ, естьлибъ нарочно избралъ такое роскошное мѣсто. —

Какое волшебство заключается въ простой Природѣ! — Она приводитъ въ восторгъ и не стихотворнаго Діогена. вижу, конечно вижу Грацій;

увѣнчанныя розами забавляются онѣ на сей мягкой муравѣ сестринскими своими танцами. Маленькіе спрятавшіеся Амуры вьютъ между тѣмъ за кустарниками долгую цѣпь изъ розъ. Они смигиваются, улыбаясь, теперь они кончили; вдругъ выбѣгаютъ изъ засады и, смѣючись, окружили танцующихъ своею розовою цѣпью? — Какая милая картина!

Естьлибъ только стояла она передъ вами такъ живо, какъ теперь представляется моему воображенію! Оно имѣетъ тонкую горячую кисть, увѣряю васъ прекрасныя госпожи, — сколько ни оглашаютъ меня безчувственнымъ къ вашимъ прелестямъ; потому что я можетъ быть старался болѣе другихъ не имѣть

вЪ васЪ надобности — не льщу себѣ однакожЪ, что вЪ томЪ много успѣлЪ. Дріада, которая выползла бы изЪ за сего кустарника, вышла бы очень кЪ спати сдѣлать тому опытЪ. — —

Но мои Граціи — вы думаете, что я самЪ изобрѣлЪ эту картину, и тому удивляетесь. Я выведу васЪ изЪ сего удивленія. Я гнушаюсь показывать себя лучше, нежели каковЪ вЪ самомЪ дѣлѣ. — Это только копія.

ОригиналЪ у Херея. Его писалЪ АпеллесЪ, котораго называютЪ живописцемЪ Грацій, и которой смѣетЪ самЪ себя такЪ именовать, чувствуя, что онЪ вЪ самомЪ дѣлѣ таковЪ.

Я былЪ при томЪ, когда его п о к у п а л и. Какой

божественной оригиналЪ! вскричалЪ восхищенной Херей; мнѢ онЪ надобенЪ; не уступлю его никакому Царю; — знаешь ли, ДіогенЪ, ту миртовую рощицу вЪ моемЪ саду сЪ маленькою залою, гдѢ я иногда отдыхаю вЪ полдень? ТутЪ отдыхая буду имѢть вЪ виду сихЪ Грацій.

Херей купилЪ эту картину за четыре АттическихЪ таланта. —

Четыре АттическихЪ таланта! вскричалЪ я, за трехЪ полунагихЪ дѢвушекЪ и за трехЪ, или четырехЪ нагихЪ ребятишекЪ на кускѢ холста. —

Да посмотри пожалуй, какЪ онѢ хороши, вскричалЪ Херей, какЪ идеальны, точно какЪ Граціи! — каждая сЪ собственною своею характери-

стическою прелестью, каждая сама по себѣ прекрасна; однакоже нѣкоторой родъ отсвѣтка отъ сосѣдки придаетъ ей новую красу.

Это правда Херей — но вы богатые люди не хорошо дѣлаете, что такъ подымаете цѣну на работы сихъ художниковъ — десяти минъ все было бы довольно для живописца Онъ долженъ за что нибудь щитать и то удовольствіе, которое имѣетъ во время такой прекрасной работы. — Четыре таланта, Херей! — за одно увеселеніе глазъ, которое чрезъ нѣсколько недѣль потеряетъ для тебя всю свою прелесть. Сколько щастливцевъ могъ бы ты сдѣлать этою суммою денегъ!

12.

Спустя нѣсколько времени пріѣхалъ я въ большое помѣстье, принадлежащее этому Херею у Коринѳскаго моря. Тутъ нашелъ я одного изъ его откупщиковъ, добраго старика съ сѣдыми волосами, которой сидѣлъ у своихъ дверей и, увидѣвъ меня, утиралъ себѣ глаза. Я просилъ его, чтобъ позволилъ мнѣ сѣсть возлѣ него, и освѣдомлялся о причинѣ его печали. — „Ахъ, незнакомецъ! сказалъ онъ, я лишился дочери — четырнадцати-лѣтняго ребенка. Лучше и пріятнѣе этой дѣвицы никогда не бывало. Всѣ молодые люди въ этой сторонѣ говаривали, что она походила на Ореаду, когда въ праздничные дни плясала въ

хороводѣ съ другими дѣвушками, ея сверстницами. — Я веселился, видя какъ она плясала; точно такова была въ старину ея мать. Она была добрая дѣвица, воспитана лучшею матерью, въ хозяйствѣ, въ трудолюбіи. Ахъ! я почитаю ее теперь блаженною, что не дожила сего жестокаго дня. Морскіе разбойники увезли мое дитя, когда на берегу искала она раковинъ для уборки маленькой гроты въ нашемъ саду, гдѣ въ полуденные жары я обыкновенно отдыхаю.

Я узналъ отца по горячности описанія; хотя бы его дочь была въ десятеро меньше любви достойной, нежели онъ ее описалъ, то я принялъ бы не менѣе участія въ его кручинѣ. —

Бѣдной отецъ! — вскричалъ я, утирая глаза; но развѣ не было средства выручить твоей дочери? Развѣ нельзя было ее выкупить? —

Ахъ! отвѣчалъ онъ. Они требовали двухъ талантовъ. Дѣвица пригожа, говорили они. Сатрапъ великаго Царя заплатилъ бы намъ за нее еще больше. Мнѣ не возможно было собрать и половины этой суммы. Желаніе возвратить свое дитя дѣлало меня безумнымъ. Въ этомъ смущеніи побѣжалъ я къ своему господину въ Коринѳъ. Онъ чрезвычайно богатъ, думалъ я, твои слезы, твои сѣдины, смягчатъ его. Какъ часто тратилъ онъ два таланта для доставленія себѣ увеселенія скоро преходящаго. Можетъ быть ты его тронешь,

и онъ сдѣлаетъ тоже для доставленія себѣ удовольствія возвратить старому отцу его дитя — единую отраду его старости; я бросился къ его ногамъ, но все было тщетно. Мнѣ надлежало бы лучше смотрѣть за своею дочерью, сказалъ онъ. Больно было моему сердцу, когда онъ это говорилъ — и какъ холоденъ онъ при томъ казался. — Я не могу о томъ думать — старикъ плакалъ, разсказывая это, а я чуть не зачалъ бѣситься, какъ Аяксъ Оилей. Въ первомъ жару проклиналъ я перваго писавшаго когда либо картины и всѣхъ живописцевъ, его преемниковъ, и всѣхъ принадлежащихъ къ ихъ цѣху, не выключая и краскотеровъ.

Когда же былъ я опять на единѣ, и кровь моя простыла;

то досада на богатыхъ превратилась въ сострадание. Я жалѣлъ объ нихъ, что то самое, что должнобъ было сдѣлать ихъ щастливыми, дѣлаетъ ихъ нечувствительными къ божескому удовольствiю — благотворить. Бѣдные люди, у нихъ такъ много надобностей: чувства, мечта, страсти, прихоти, покойность, тщеславiе — у нихъ столько надобностей, что ничего не остается на требованiя человѣчества. Охотно позволилъ бы я вамъ ваши палаты, сады, картины, статуи, золото, серебро и слоновую кость, ваши пиры, концерты, театральныя представленiя, танцовщицъ, обезьянъ, попугаевъ, — естьли бы только отъ меня зависѣло не думать о томъ, что десяти тысячамъ

бѣдныхъ тварей вашего рода не гдѣ укрыться отъ ненастья и суроваго времени года — потому что вы живете въ мраморныхъ палатахъ; нечѣмъ прикрыть свою наготу; потому что ваши рабы блестятъ въ великолѣпномъ одѣяніи; нечѣмъ насытиться — потому что вы проѣдаете на пиру недѣльное пропитаніе тысячь. — Мнѣ противно продолжать сіи мысли: опасаюсь, что пересказываю свою печаль глухимъ слушателямъ — но чего не сдѣлалъ бы я, естьлибъ могъ надѣяться обратить къ человѣчеству хотя одного изъ каждой сотни вашего разбора! —

13.

Прошу тебя, Херей, тебя и всѣхъ твоихъ товарищей

ничего не говоритъ мнѣ о томъ, что употребленіемъ, какое вы дѣлаете изъ своихъ богатствъ, содержите промышленность, ходужества, торговлю, и поспѣшествуете обращенію знаковъ богатства: въ чемъ, какъ вы говорите, состоитъ жизнь государства.

„Тысячи и тьмы, говорите вы, живутъ тѣмъ, что мы строимся, заводимъ сады, содержимъ большой домъ, имѣемъ надобность въ безконечномъ множествѣ ненужнаго и пр; о томъ у насъ нѣтъ спора. Но естьлибъ вы хотѣли вмѣнить себѣ это въ услугу, то шелковой червь, пурпуровая улитка могли бы утверждать съ равнымъ правомъ, что они преизящныя и благотворительныя твари; ибо въ самомъ дѣлѣ кормятся

нѣсколько миліоновъ людей работою, которую доставляютъ имъ сіи оба рода червей.

Весьма справедливо, чтобъ вы употребляли свои богатства, хотябъ ихъ получили въ наслѣдство, пріобрѣли, нажили подлостію, набл.***ли, награбили, или нашли, въ награду тѣхъ, которые трудятся для вашей лѣности, тщеславія и роскоши.

Но, любезной Херей! есть люди, которые отнюдь не могутъ ничѣмъ способствовать къ угожденію твоимъ чувствамъ или прихотямъ, которые однакожъ тѣмъ не менѣе имѣютъ право на твое изобиліе. Нещастный, которому малою того частію можешь возвратить покой, бѣжавшій отъ его одра, омоченнаго слезами; — невинная

красавица, которую могъ бы ты освободить отъ укоризны, служить Парразію образцомъ маленькихъ его сладострастныхъ картинъ (*) и отъ позорнѣйшаго еще злоупотребленія ея прелестей, половиною того, чего такая картина стоитъ; безпомощный сирота, котораго приводитъ въ унынiе скудость и презрѣніе, изъ котораго помощь твоя могла бы воспитать Государству добраго гражданина — можетъ быть великаго мужа, Сократа, Фокіона — всѣ они не имѣютъ ли права на твое излишество?

Вы, сыны щастія, умѣете впрочемъ очень проворно

(*) Parhasius pinxit et minoribus tabellis libidines, eo genere petulantis joci se reficiens, Plin. Hist. Nat. L. 35.

щитать. Сочтитежъ, сколько тысячь тварей вашего рода должны нуждаться для того, чтобъ одинъ изъ васъ могъ ежегодно проживать сорокъ или пятьдесятъ талантовъ? — Не должноль вамъ дѣлать добра, хотя для того, чтобъ отвратить отъ себя ненависть, которую долженъ внушить взглядъ на ваши роскоши и разточеніе, премногимъ вашимъ согражданамъ, которымъ, не смотря на самую тяжкую работу, трудно заработать для своихъ дѣтей столько хлѣба, сколько повседневно велите выдавать своимъ собакамъ въ пищу? — Подумайте объ этомъ, ежели смѣю просить.

14.

По этому вы не вѣрите, что есть прекрасныя души,

такъ какъ есть хорошія лица, которыя ничѣмъ не обязаны искуству, и точно отъ того тѣмъ пригожѣе?

Нѣкогда опровергалъ я Софиста, которой доказывалъ, что нѣтъ на свѣтѣ движенія, прохаживаяся предъ глазами этого дурака.

Доказать ли вамъ такимъ же образомъ, что есть прекрасныя души? Можетъ быть я подамъ вамъ поводъ къ неправымъ сужденіямъ — однако думайте о томъ, что хотите, наше мнѣніе однихъ о другихъ не можетъ сдѣлать меня и васъ хуже, нежели каковы мы въ самомъ дѣлѣ — а сверьхъ того объявляю, что разсказываю свою исторію только прекрасной Пашѣ и подобнымъ ей, никому не могу возбранить слушать, но

вѣ томѣ увѣряю, что ни одного склада ни убавлю, ни прибавлю, хотябѣ слушала меня цѣлая коллегія Амфиктіоновѣ. —

Прежде находился я, какѣ вамѣ извѣстно, или не извѣстно, вѣ Аѳинахѣ для того, чтобѣ научиться у Платона говорить, а у Антисѳена жить. Нѣкогда случилось мнѣ ввечеру вѣ сумерки шататься одному вѣ лавкахѣ Керамика; вѣ рядахѣ было уже темно кромѣ того, что освѣщенная многими огнями зала не вѣ дальнемѣ разстояніи находящагося зданія дѣлала нѣкоторыя мѣста нѣсколько свѣтлѣе.

Сѣ помощію сего слабаго свѣта увидѣлѣ я подходящую ко мнѣ тѣнь, которая приближаясь превратилась вѣ

женской образъ, а этотъ въ пріятнѣйшій видъ шестнадцатилѣтней дѣвицы. Она была такъ легко одѣта, что одной части ея ногъ и груди, какову обыкновенно даютъ тебѣ, оставалось мало къ прикрытію; а долгіе бѣлокурые ея волосы развѣвали, распустившись по ея плечамъ.

Сей взоръ привелъ меня въ нѣкоторое смущеніе — но это было еще ничто — дѣвушка простерла ко мнѣ съ плачевнымъ тѣлодвиженіемъ вытянутыя свои руки, которыхъ бѣлизна видна была и въ темнотѣ, и лицемъ упала на мою руку. Мое смущеніе возрасло до крайности.

Однако я ободрился безъ дальняго размышленія. Охватилъ ее правою рукою, повернулся съ нею и повелъ ее

прямо въ маленькую хижину, которую нанималъ въ Керамикѣ. Смирно дала она себя вести, не говоря ни слова; казалось, что она была въ изнеможеніи и удручена печалію.

Мы пришли въ мою келію. Я посадилъ ее на родъ софы, которая, скажу мимоходомъ, была отнюдь не способна благопріятствовать роскошнымъ мыслямъ. Я засвѣтилъ свѣчу и началъ разсматривать свою находку со всѣмъ тѣмъ вниманіемъ, какое, кажется, она заслуживала.

Дѣвушка внушала мнѣ не знаю что-то такое, что сдѣлало меня мягкосердѣе, нежели каковъ я обыкновенно бываю. Это была отмѣнно пріятная смѣсь жалости и любви. Чтобы безпрепятственно тѣмъ наслаждаться, далъ

я ей, подъ видомъ, что холодно, родъ епанчи, которою могла она прикрыть свою грудь и ноги.

Казалось, что она глядѣла на меня съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Она пыталась сказать нѣчто, но токъ слезъ остановилъ ея голосъ. Я обнялъ ее, цѣловалъ и просилъ сколько возможно кроткимъ голосомъ, чтобъ меня не опасалась. — Кажется, что она хотѣла вырваться изъ моихъ обьятій, но такъ слабо, что иной почелъ бы это за ободреніе. Я иначе думалъ; мнѣ казалось, что въ полупомутившихся ея глазахъ вижу признаки прекрасной души

Я могъ обмануться — ибо обстоятельства и прекрасныя груди, и что батюшка Гомеръ назвалъ бы розовыми ея руками

и серебреными ногами, дѣйствовали, правду сказать, сильно въ моемъ воображеніи.

Но я съ полною довѣренностію предался своему чувствованію, и вы увидите изъ послѣдствія, обмануло ли оно меня?

Дѣвушкѣ, кажется, нужнѣе всего было нѣкоторое подкрѣпленіе; ибо она походила на совершенное истощеніе. И такъ я бросился; но въ самомъ дѣлѣ прошу прощенія. Я забываю, что не для себя дѣлаю эту копію съ оригинала, о малѣйшихъ чертахъ котораго воспоминаю съ удовольствіемъ.

Дѣвушка, вкуся нѣсколько пищи и вина, столько оправилась, что могла разсказать мнѣ свою исторію. — Потупя глаза, начала она говорить —

но Грацій въ ея изъясненіи, въ голосѣ, во всемъ ея поведеніи не могу по нещастію выразить въ своей копіи.

15.

„Моя мать прекрасная Лаиса; я у нее воспитана и жила въ томъ веселомъ незнаніи себя самой, которое есть преимущество дѣтства, пока лишилась того, которой по добросердечію почиталъ себя моимъ отцемъ. Онъ былъ изъ Сициліи, и говорили, что былъ богатъ, и благороднаго происхожденія. Мнѣ едва совершилось семь лѣтъ, когда онъ умеръ. Мало по малу охладѣла горячность моей матери ко мнѣ. Другіе любовники вытѣснили воспоминаніе того, котораго уже не было, а на послѣдокъ сердце ея

совсѣмъ перестало заботиться сколько нибудь о бѣдной Лаидіонѣ; я о томъ весьма крушилась, но должна была скрывать свои слезы; одни слѣды ихъ въ моихъ глазахъ навлекали мнѣ жестокую брань. Впрочемъ содержала она меня на равнѣ съ другими дѣвушками, которыя ей служили, и у насъ были учители въ пѣніи, танцованіи, играніи на лютнѣ —

Ты играешь на лютнѣ, маленькая Грація? вскричалъ я — ты поешь — вотъ лютня, пожалуй. — Дѣвушка была столь снисходительна, что прервала свою повѣсть. Запѣла мнѣ пріятнѣйшую Анакреонову пѣснь — отгадайте сами, какую? — и при томъ играла на лютнѣ пальчиками,

изъ которыхъ, кажется, каждой былъ одушевленъ. — —

О мудрость! о Антисѳенъ! гдѣ были вы тогда? — мнѣ казалось будто ничего подобнаго вамъ не существовало никогда на свѣтѣ.

Я искалъ своей души на устахъ прекрасной пѣвицы.

Позволь мнѣ продолжать свою повѣсть, сказала она улыбаясь, и въ тоже время все ея лицо покрылось милою краскою.

16.

Ея краска тотчасъ привела меня въ чувство и естественнымъ слѣдствіемъ того было, что и я покрайней мѣрѣ также закраснѣлся, какъ и дѣвушка. — Она продолжала: на четырнадцатомъ году отъ

роду прекрасная Лаиса отдала меня молодому Аѳинянину, которой, какъ сказывалъ, любилъ меня страстно. Прекрасная Лаиса объявила мнѣ, когда онъ меня взялъ съ собою, чтобъ отнынѣ я почитала его за своего повелителя. Мой новой повелитель скрывалъ свою власть надо мною въ нѣжнѣйшихъ ласкахъ; дни мои протекали въ веселостяхъ безпрестанно перемѣняющихся. Я была довольна своимъ состояніемъ, не мысля о будущемъ. Гликонъ имѣлъ причину быть доволенъ моею снисходительностію; но есть-ли любовь то, что пылаетъ въ пѣсняхъ Сафы, то мое сердце неспособно къ этой страсти. Гликонъ сдѣлалъ бы то, естьлибъ возможно было. Часто должна была я

пѣть ему ту пѣснь къ Фаону, въ которой такъ пылко выражена жестокость этой страсти, и онъ всегда досадовалъ, не находя въ моихъ глазахъ ничего того, что я пѣла. Напослѣдокъ примѣтила я, что любовь его начинала простывать. Нѣжной тонъ, на которой она была настроена, превратился въ шутливой и веселой — которой, признаюсь искренно, былъ для меня тѣмъ лишь пріятнѣе; но и это не долго длилось. —„

Словомъ: (ибо примѣчаю, что начинаете зѣвать) прекрасная Вакхида похитила у моей маленькой дѣвушки ея любовника, и тѣмъ комедія кончилась.

Дѣвушка, какъ я вамъ сказалъ, разсказывала очень

пріятно, потому что простосердечіе молодости, ея взоры, тонъ и нѣчто — какъ бишь вы это называете? что я сильно чувствовалъ, но чего описать не могу, дѣлали ея исторію интереснѣе, нежели какова она была въ самомъ существѣ — ибо, государи мои! вы конечно правду говорите; это была — благодаря вашимъ стараніямъ — повседневная сказочка; — сверьхъ того въ жару повѣсти иногда немного открывалась епанча, которую я на нее накинулъ, а вы понимаете, что такая малость, въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ немалость — я бы слушалъ ее всю ночь на сквозь — но вамъ никакъ не можно этого сдѣлать. Я отдаю справедливость себѣ и вамъ, и желаю мимоходомъ, чтобъ всѣ разска-

щики — Стихотворцы, или Историки, благосклонно замѣтили себѣ это въ наставленіе.

17.

Дѣвушка продолжала мнѣ изъяснять, отъ чего то произошло, что она бросилась мнѣ на руки въ ту самую ночь въ рядахъ Керамика въ такомъ подозрительномъ нарядѣ — я думаю, что могъ бы предоставить собственному вашему воображенію дополнить этотъ недостатокъ: ежели вы, на примѣръ, представите себѣ, что Гликонъ въ угодность новой своей любви, продалъ ее напослѣдокъ одному изъ своихъ друзей — этотъ, потому что она неласково съ нимъ обошлась, скулптеру, — а скулпторъ

снявъ съ нее нѣсколько моделей, торгующему дѣвицами, отъ котораго, потому что онъ хотѣлъ промѣнять ее старому Ефезскому мореходцу на Левантскіе товары, бѣжала она вчера ночью, и на другой день скрывалась въ развалинахъ старинняго разрушившагося зданія — или что нибудь тому подобное — то подошлибъ близко къ правдѣ.

Какъ бы - то ни было, молодая Лаиса находилась теперь подъ моею защитою, и я почиталъ себя обязаннымъ вступиться за нее по возможности силъ моихъ. Я былъ тогда не многимъ богаче нынѣшняго. Не было у меня ничего лучше состраданія и добраго совѣта, чѣмъ я могъ ей служить.

Можетъ быть то, что я ей сказалъ (ежели только копія сей записной таблицы предана будетъ потомству) будетъ во многіе вѣки полезно молодымъ дѣвицамъ, хотябъ онѣ находилися въ подобномъ, или въ общемъ затрудненіи особъ ихъ пола и лѣтъ — въ неизвѣстности, что дѣлать съ своимъ сердцемъ. — Въ семъ предложеніи посвящаю слѣдующее отдѣленіе прекраснѣйшей и нѣжнѣйшей части для осторожнаго употребленія съ такою прозьбою, чтобъ хранили про себя ту Философію, которой научаю ихъ, и чтобъ отнюдь ничего не открывали своимъ матерямъ, а менѣе всего любовникамъ.

18.

Прошедшее, сказалъ я дѣвушкѣ, было слѣдствіемъ того нещастія, что прекрасная Лаиса, была тебѣ матерью. Старайся забыть это во всякомъ иномъ отношеніи, кромѣ того, сколько опытъ твой можетъ тебѣ быть полезенъ для переду. Это одно должно быть у тебя въ виду. По большей части будетъ это отъ тебя зависѣть. — Такая прекрасная дѣвица — я не могъ, говоря это, не поцѣловать ее въ лобъ, — сотворена конечно для чего нибудь лучшаго, нежели служить игрушкою Гликону или моделію Каламису. Природа сдѣлала для тебя много, любезная моя! щастіе ничего; но какъ оно ни причудливо, нечаянными приключеніями

поправить свое небреженіе. —

Оно сдѣлало тому начало, отдавъ меня въ твои руки, сказала дѣвушка. — Не заслуживалоль это опять поцѣлуя?

Будущее твое состояніе, продолжалъ я, будетъ зависѣть отъ того употребленія, какое ты сдѣлаешь изъ одного и другаго. Поелику есть имена худаго предзнаменованія, то начнемъ перемѣною твоего имени. Лаидіона пусть будетъ превращена въ Гликеріону, и какъ Гликеріону ознакомлю тебя съ однимъ изъ моихъ пріятелей, которой можетъ быть за маленькой подарокъ — будетъ столь великодушенъ, что подъ надзираніемъ старой отпущенницы отвезетъ тебя изъ своего

дома въ Милетѣ, гдѣ имѣя все, чего требуетъ благопристойность, весьма скоро возбудишь вниманіе тихимъ и уединеннымъ образомъ жизни. Есть нѣкоторой способъ скрываться для того, чтобъ тѣмъ лучше тебя видѣли. Въ скоромъ времени любовники будутъ такъ тѣсниться около твоей жизни, какъ пчелы около розоваго куста.

Намѣреніе ихъ, примѣть себѣ хорошенько, добрая дѣвушка! будетъ ни хуже, ни лучше, какъ получить тебя, сколько можно дешевлѣ, — твое должно быть, продать себя сколь можно дорожѣ. Собственное твое сердце будетъ тебѣ можетъ быть болѣе всѣхъ препятствовать. Горе тебѣ, естьли будетъ оно тронуто не во время, или такимъ

предметомъ, въ которомъ находили бы свой разщетъ одни только глаза. Красавица можетъ дарить тысячу вещей неважныхъ; но сердце ея должно все оставаться въ ея власти. Пока сохранишь эту Паладу, дотолѣ будешь непреодолима. Старайся ласково принимать всѣхъ своихъ любовниковъ, не предпочитай ни одного, раздѣляй на безконечно мѣлкія частицы тѣ ласки, которыя безъ поврежденія себѣ самой можешь раздавати. Взглядъ пусть будетъ уже великою пріязнію, а разстояніе отъ равнодушнаго къ ободрительному, и отъ этого къ нѣжному наполняй, буде можно — а мнѣ кажется, что прекрасная дѣвица могла бы это сдѣлать — премногими другими, которые постепенно

удалялись бы отъ одного, приближаясь къ другому; но берегись оказать свое намѣренiе въ этой игрѣ. Это было бы тоже самое, какъ бы ты имъ намекнула остерегаться. Также вредно было бы, есть-ли бъ ты подала о себѣ то мнѣнiе, будто сердце твое не можетъ быть тронуто. Оставь каждому, кто покажется того достойнымъ, лучь надежды, что возможно тебя преклонить; но при томъ разпоряди свои движенiя такъ, чтобъ все оставалось въ твоей власти, благопрiятствовать тому, кто по нѣжности и слабости сдастъ себя и свое щастiе на произволъ твоимъ прелестямъ — разумѣется, буде по прилѣжнѣйшемъ уваженiи всѣхъ обстоятельствъ этотъ человѣкъ и его щастiе

окажутся достойными той жертвы, которую напротивъ того принесешь ты ему собою и своею свободою. Такому, когда рана, произведенная твоими глазами, начнетъ разправляться, можешь съ надлежащею осторожностію дать примѣтить, что ты въ состоянiи быть нѣжною. —

Но ты мнѣ сказала, что не можешь этого сдѣлать?

Она закраснѣлась — я думала такъ, шепнула она.

А я нѣтъ, сказалъ сынъ Ицета, посмотрѣвъ ей въ глаза съ такимъ видомъ, который былъ нѣчто среднее между нѣжностію и шалостію.

Въ самое то время колѣно его ненарочно дотронулось до ея колѣна.

Онъ почувствовалъ, что она дрожала. — —

Станешь ли далѣе говорить, сказала она?

Я долженъ напередъ знать, можешь ли ты быть нѣжною?

А есть либъ ты это зналъ?

То долженъ знать, сколько можешь быть таковою.

Епанча ея открылась нѣсколько сверху, когда она собирала ее около своихъ колѣнъ — пріятное ощущеніе видно было въ блестящихъ ея глазахъ.

Сыну Ицета было тогда двадцать пять лѣтъ отъ роду.

Любопытству его надлежало бы теперь молчать — не имѣло ли оно къ тому причины. — —

19.

— — О Гликеріона! для чего я не владѣтель свѣта, —

или вотъ какъ великъ спускъ — только помѣщикъ маленькой дачи, которая была бы довольно велика для тебя и меня — гдѣ былъ бы садъ и маленькое поле для прокормленія насъ и кустарники для сокрытія нашего щастія отъ глазъ зависти! — — —

20.

Сердце наше, милые люди! слабо. Однакожъ сколь ни слабо, и сколь ни легко заводитъ насъ въ заблужденіе, есть источникъ лучшихъ нашихъ радостей, лучшихъ склонностей, лучшихъ поступковъ.

О человѣкѣ, которой этого не можетъ, или не хочетъ понять — долженъ я не отмѣнно — жалѣть, или его презирать. —

Между тѣмъ хотѣлъ бы я, чтобъ красавицы остерегались увѣрять когда либо по мнимому опыту, что онѣ почитаютъ себя не способными быть тронутыми до нѣкоторой степени —

— Сладкой сонъ прервалъ наставленіе друга и любопытство дѣвушки. —

21.

Какъ трудно было тебѣ, преславный ученикъ мудраго Антисѳена! продолжать свое наставленіе съ того мѣста, гдѣ ты его покинулъ.

Премилая Гликеріона! сказалъ я на послѣдокъ – сколь ни люблю тебя, однакожъ долженъ, буде надобно, чтобъ любовь моя не имѣла дѣйствія ненависти — продолжать. —

Ахъ, Гликеріона! завтре не увидимся болѣе.

„Не увидимся болѣе! а для чего нѣтъ? —

Потому что мое присутствіе было бы помѣхою будущему твоему щастію.

„Какому щастію? — вправдуль ты говоришь? можешь ли помышлять о нашей разлукѣ?

Я долженъ, — мои обстоятельства.

Будули я помѣхою твоему щастію, Діогенъ?

Нѣтъ, Гликеріона! между щастіемъ и мною нѣтъ уже никакой связи — я былъ бы помѣхою твоему.

„Естьли это побудительная твоя причина, такъ выслушай меня, Діогенъ. — Я не желаю инаго щастія, какъ быть съ тобою; ты заслужи-

ваешь подругу, на лонѣ которой можешь забыть несправедливость щастія и людей. Не думай, что буду тебѣ въ тягость. Я могу ткать, вышивать, прясть —„ прекрасное твореніе.

Долго я противился — но Гликеріона твердо стояла въ своемъ намѣреніи: скажите теперь вы, которымъ дала Природа чувствительное сердце; ошибся ли я, думая, что вижу въ ея глазахъ знаки прекрасной души?

Съ клятвою утвердили мы союзъ вѣчной дружбы. Удалились изъ Аѳинъ. Свѣтъ ничего не зналъ объ насъ, и мы забыли свѣтъ. Три щастливые года — глаза мои не позволяютъ мнѣ продолжать. —

22.

Ея нѣтъ болѣе, нѣжной Гликеріоны — съ нею лишился я всего, чего могъ еще лишиться. Ея могила есть одно только мѣсто на свѣтѣ, которое удостоиваю называть своимъ. Никто кромѣ меня не знаетъ этого мѣста. Я насадилъ вокругъ его розоновъ, которые цвѣтутъ такъ пушисто, какъ ея грудь, и нигдѣ не издаютъ такого благовонія. Ежегодно въ мѣсяцѣ розъ (Іюнѣ) хожу я на это священное мѣсто — сажусь на ея могилу, скрываю розанъ — такъ нѣкогда разцвѣтала ты, думаю я, ощипываю розанъ, разсыпаю листочки по могилѣ. По томъ вспоминаю сладкой сонъ своей юности, и слеза, упадшая на ея могилу,

успокоиваетъ возлюбленную тѣнь. —

23.

Я не виноватъ въ томъ, естьли вы не тронуты; но прощаю васъ. Вы не лишились Гликеріоны, или не можете лишиться — или не заслуживаете имѣть — я знаю хорошую сказочку, которую сказывала мнѣ нянька, когда еще былъ я робенкомъ; — можетъ быть она васъ развеселитъ. Я охотно вамъ ее перескажу — но вотъ идетъ доброй Ксеніадъ и беретъ у меня записную книжку. —

24.

„Какой же ты доброй человѣкъ изъ смертныхъ! сказалъ Ксеніадъ, прочтя Исторію Гликеріоны. — Мнѣ не

сносно, что свѣтъ смотритъ на тебя съ дурной стороны „

А для чего смотритъ онъ на меня съ дурной стороны?

„Прости меня, другъ мой. Я почитаю тебя такъ сердечно, что желалъ бы самъ себя удостовѣрить, что въ тебѣ нѣтъ пороковъ?“ —

А на что это доброй Ксеніадъ? развѣ я не человѣкъ? развѣ мнѣ не можно имѣть глупостей и пороковъ также, какъ и другимъ.

„Ты не хочешь понимать меня, Діогенъ! — „

Я тебя совершенно понимаю, но не могу терпѣть нѣкотораго рода лицемѣрія, которое, вижу, господствуетъ въ нашемъ семействѣ, разумѣю семейство Девкаліона и Пирры. Когда рѣчь настоитъ вообще о слабостяхъ, погрѣш-

ностяхъ, недостаткахъ человѣческой природы — то каждой признается, что и у него есть свои, что ихъ много: назови сіи слабости, или погрѣшности, точнымъ ихъ именемъ, прочти всю роспись подробно и при каждой статьѣ сдѣлай перекличку — то никто не захочетъ ни въ одной изъ всѣхъ повиниться. Какая нескладица! Я сердечно ее ненавижу во многомъ, что кажется не значущимъ, отступаю я отъ правилъ обычая. За то называютъ меня чудакомъ — а кто не хочетъ быть такъ вѣжливъ, дуракомъ. Изрядно —; я на это согласенъ. Это мое дурачество, — вредно ли оно кому? — Я вижу, что весь Коринѳъ наполненъ глупостями и пороками, которые пагубны своимъ хозяе-

вамъ, другимъ честнымъ людямъ и самому обществу. На нихъ смотрятъ спокойно, а мнѣ не хотятъ позволить двухъ или трехъ прихотей, которыя не вредятъ ни одной живой душѣ, ни душѣ мясной мухи.

Однакожъ ты согласишься со мною и въ томъ, что превосходный человѣкъ былъ бы тѣмъ превосходнѣе, естьли бъ не имѣлъ никакихъ пороковъ?"

Хотя бъ это возможно было, Ксеніадъ, то настоитъ вопросъ: не самымъ ли вѣрнымъ средствомъ было бъ такое великое совершенство навлечь на себя общее омерзѣніе. Горе тому человѣку, которой былъ бы такъ уменъ, что ни въ какой слабости не уподоблялся бы прочимъ смертнымъ!

Статочное ли дѣло, чтобъ онъ показался имъ сноснымъ? Какъ могли бы они ему простить за такія преимущества. Свободу, наслаждаться ими безпрепятственно, долженъ онъ себѣ купить нѣсколькими дѣйствительными или мнимыми глупостями, которыми, такъ сказать, примирится онъ со всеобщимъ духомъ глупости сего подлуннаго свѣта и дастъ право прочимъ глупцамъ надъ нимъ веселиться. — Но право уступаю я тебѣ болѣе, нежели надобно, милый Ксеніадъ! соглашаясь съ тобою, что то, въ чемъ я чудакъ, должно быть неотмѣнно глупостію, или прихотію. — Я готовъ доказать тебѣ противное; естьли у тебя совсѣмъ нѣтъ инаго дѣла — скажи мнѣ по статьямъ, что Коринѳяне во

мнѣ охуждаютъ и что мнѣ на то отвѣчать?

Кс. Они говорятъ, на примѣръ, что Діогенъ хочетъ нарочно изъ гордости отличить себя отъ всѣхъ другихъ людей въ одѣяніи, образѣ жизни и поступкахъ.

Д. во всемъ этомъ поступаетъ онъ по своимъ правиламъ. Гдѣ же тутъ притворство? — и почему могутъ честные Коринѳяне такъ вѣрно отгадывать потаенныя пружины его поведенія? — Но не станемъ спорить о такомъ дѣлѣ, въ которомъ столь мало возможности убѣдить одному другаго — хотябъ они были и правы, то это значилобъ ни болѣе, ни менѣе, какъ только, что ихъ гордости не угодно, чтобъ моя носила иную, а не я, личину; — но го-

воря сущую правду объ этомъ дѣлѣ, не лучше ли поступилибъ ваши богатые сластолюбцы и для собственной своей выгоды, естьлибъ послѣдовали моему примѣру хотя въ умѣренности. Многіе ли изъ нихъ такъ здоровы отъ вкусной отравы своихъ поваровъ, какъ я отъ простой пищи, которую повсюду приготовляетъ для меня Природа? Кто изъ нихъ всѣхъ, ежели жертвовалъ Комусу только десять лѣтъ, могъ бы перевѣдаться со мною въ силѣ и гибкости, хотябъ опытъ сдѣланъ былъ играми, которыя увѣнчиваются въ Олимпѣ, или тѣми, въ которыхъ бываютъ судьями красавицы?

Эта крайняя умѣренность, къ которой я уже привыкъ, не имѣетъ болѣе ничего тя-

гостнаго для меня, а напротивъ того доставляетъ мнѣ такія выгоды, которыхъ конечно не льзя сравнить съ мѣлкимъ удовольствіемъ угождать моей гортани Ибо съ того времени, какъ веду сей образъ жизни, которой кажется вамъ такъ бѣднымъ, я всегда веселъ и ко всему расположенъ; мой духъ не помраченъ, разумъ дѣятеленъ, сердце чувствительно, всѣ мои силы мнѣ послушны, и не отъ желудка то зависитъ, чтобъ я былъ для себя и другихъ человѣкомъ умнымъ или болваномъ, пріятнымъ или несноснымъ собесѣдникомъ. Красоты Природы никогда не теряютъ для меня своихъ прелестей, а къ измѣненіямъ ихъ я привыкъ. Могу сносить зной и стужу, голодъ и жа-

жду, выдерживать вѣтръ и непогоду, пока можетъ то выдерживать природа человѣка; словомъ: я способнѣе къ перенесенію всякой работы и боли, да и прелестность роскоши чувствую тѣмъ живѣе, чѣмъ рѣже ее вкушаю. Пусть ваши изнѣженные, похожіе на дѣвушекъ, разслабленные, хмурливые, хворые и томные Сибариты, которымъ причиняетъ уже боль смятый розовой листъ на мягкой ихъ постелѣ; пусть они приползутъ и перевѣдаются во всемъ этомъ со мною: — впрочемъ весьма справедливо, милой мой Ксеніадъ, что это такъ. Любимцы случая имѣли бы надъ нами прочими очень много преимуществъ, естьлибы Природа не взяла на себя замѣнить намъ убытокъ. Скажи жъ

теперь самъ, долженъ ли я въ честь зубоскальства Коринѳянъ не слушаться голоса сей доброй матери? — Діогенъ, по дружбѣ къ себѣ, этого не сдѣлаетъ.

Кс. Въ существѣ дѣла ты, можетъ быть, не такъ неправъ, Діогенъ; но что сдѣлалось бы съ людьми, естьли бы каждой хотѣлъ жить по твоимъ правиламъ. И Природа, наполняя шаръ земный предметами удовольствія для насъ, и давъ человѣку остроту и способность изобрѣтать тысячу искуствъ, которыя занимаются единственно улучшиваніемъ нашей жизни — не сама ли тѣмъ дала знать, что ея намѣреніе не то только, чтобъ мы жили, но чтобъ жили пріятнѣйшимъ образомъ.

Д. Можно бы, кажется, много сказать противъ того воображенія, которымъ обыкновенно мы льстимъ себѣ, будто все на свѣтѣ сотворено для насъ. Заключеніе — „ я могу нѣчто употребить къ нѣкоторому намѣренію, такъ это для того и сдѣлано: совсѣмъ несправедливо; ибо я могу, на примѣръ, употребить стаканъ урильникомъ, хотя онъ назначенъ для питья. Все остается спросить: не употребляемъ ли уже во зло многаго однимъ только употребленіемъ, какое изъ того дѣлаемъ? Стоило бы только сдѣлать особенныя изслѣдованія, въ которыя теперь не станемъ вступать. Да этого мнѣ и не надобно, чтобъ отвѣтствовать на твое возраженіе. Хотя бы Природа

назначила къ нашему употребленію и удовольствію всѣ свои творенія со всѣми произведеніями искуства, которое въ нѣкоемъ смыслѣ можно бы назвать дщерію Природы; то въ семъ могли бы мы ее уподобить богатому человѣку, которой приготовилъ большой пиръ и звалъ на оный всякихъ гостей изъ всѣхъ земель, народовъ и языковъ, всѣхъ степеней состоянія, пола и сложенія тѣла. Натурально поступилъ бы онъ хорошо, представя столь многимъ и различнымъ гостямъ многія кушанья и все въ великомъ изобиліи. Теперь представь себѣ между тѣми гостями какого нибудь дюжаго мужичину, которой, не довольствуясь тѣмъ, что передъ нимъ стоитъ, захватилъ бы

къ себѣ и отдаленныя блюда, и не разсуждая, что не все приготовлено для него одного, и что у него одинъ только желудокъ, или что нѣкоторыя кушанья поданы только для слабыхъ и хворыхъ гостей, старался бы одинъ все сожрать, покабы такъ объѣлся, что излишнимъ сталобъ его рвать — что сказалъ бы ты о такомъ человѣкѣ? или какъ, думаешь, смотрѣлъ бы на него хозяинъ пира?

Кс. Отвѣтъ самъ по себѣ ясенъ.

Д. Таковъ же и прикладъ моего уподобленія. Ваши богачи, которые собираютъ свои ѣствы изъ всѣхъ стихій и климатовъ суть тотъ гость, которой хочетъ одинъ сожрать по меньшей мѣрѣ, сколько отъ него зависитъ, весь

пиръ Природы. Пусть каждой беретъ то, что лежитъ подлѣ него и ѣстъ не болѣе, какъ сколько надобно для утоленія его голода, то мы всѣ встанемъ изъ за стола Природы насыщены, всѣ будемъ здоровы, и никто не станетъ жаловаться на несваримость и безпокоить своихъ товарищей рыганіемъ и — вотъ все, что произошло бъ отъ того, естьлибъ каждой жилъ по моимъ правиламъ — но не заботься пожалуй, Ксеніадъ. Никогда не наберу столько послѣдователей, чтобъ нынѣшнее состояніе Свѣта подверглось отъ того опасности. А естьли положить и невозможной случай, что мой примѣръ имѣлъ бы довольно силы обратить цѣлую Націю къ моей системѣ — подумаешьли,

что для нее было бы тѣмъ хуже? — У меня есть охота — но что это, не слышишь ли жалобнаго вопля съ берегу? — я останусь тебѣ долженъ своею республикою, Ксеніадъ, — мнѣ надобно посмотрѣть, что это такое.

25.

Это было ничто иное, какъ маленькая барка, которая опрокинулась у подводнаго камня не далече отъ берега — между плавающими увидѣлъ я человѣка, у котораго, кажется, недоставало силъ доплыть до берега. — Въ мигъ скинулъ я съ себя епанчу на песокъ — бросился въ воду, — благопристойно, или не благопристойно — дѣло шло о спасеніи жизни человѣческаго творенія. Такъ, это была женщина?

Я въ томъ не виноватъ, что такъ случилось. Между тѣмъ вѣрьте мнѣ, или нѣтъ — думалъ я объ ней въ ту пору не болѣе, какъ о лунномъ человѣкѣ Я взвалилъ ее себѣ на спину и добрался съ нею до берега. Положить ее на песокъ и уйти, было бы не хорошо. — Никакого добра не надобно дѣлать въ полы; и такъ я донесъ — ее до ближней полянки, на ней росло нѣсколько кустарниковъ — вы можете себѣ представить, что во все то время имѣлъ я случай сдѣлать открытіе, что эта женщина была пригожая женщина. Меньше ли вы теперь объ ней заботитесь; когда узналъ я это — со мною тоже случилось, что и съ вами — Между тѣмъ все еще былъ я безъ

епанчи. — Пригожая женщина, и попеченіе привести ее вЪ чувство, занимали меня такЪ много, что я не могЪ на себя оглянуться — до самой той минуты, вЪ которую открыла она глаза. Я ударился бы обЪ закладЪ, что не много могла она видѣть, такЪ скоро закрыла она опять глаза. Смущеніе, сЪ какимЪ она это сдѣлала и маленькое восклицаніе, каковымЪ его сопроводила, привели меня вЪ робость, и теперь лишь примѣтилЪ я, что на мнѣ нѣтЪ епанчи: разсказываю вамЪ обЪ этомЪ со всѣми подробностями, какЪ было безЪ малѣйшей прикрасы. — Отдохни здѣсь между тѣмЪ на солнцѣ и обсушись, сколько можно. Я пойду на минуту за епанчею; ибо хочу и долженЪ видѣть твои глаза

и слышать къ чему еще впредь могу быть тебѣ годенъ. — Я побѣжалъ прочь; въ десять минутъ досталъ опять свою епанчу и пришелъ назадъ. Между тѣмъ выжала она свое верхнее платье — разостлала на солнцѣ и сбиралась за кустарникомъ скинуть съ себя и прочее. Большой кустъ мѣшалъ ей меня увидѣть, хотя она оглядывалась робко. Я остановился и смотрѣлъ на нее — не скажу вамъ болѣе о семъ, кромѣ того, что изо ста молодыхъ людей хотѣлъ бы я совѣтовать девяносто-четверымъ, и одному смотрѣть въ иное мѣсто, или паче совсѣмъ итти прочь; но пятидесятилѣтнему человѣку, которой болѣе двадцати лѣтъ питается салатомъ, бобами и водою, можно смотрѣть на каждую

хорошую статую; хотябЪ она вышла изЪ рукЪ Ѳидiаса, или самой Природы. НапослѢдокЪ верхнее платье просохло, она окуталась вЪ него, сѢла на солнцѢ, которое склонялось уже кЪ захожденiю и, казалось, осматривалась, куда я дѢвался? — Почему я и явился; она закраснѢлась, потупила глаза и походила на человѢка, которой вЪ затрудненiи. Я пришелЪ, прекрасная незнакомка, сказалЪ я — тутЪ лице ея стало нѢсколько веселѢе, но краски прибавилось — за тѢмЪ, чтобЪ узнать, вЪ чемЪ могу тебѢ еще служить. Она помолчала. СодѢлаешь ли мнѢ одолженiе, напослѢдокЪ сказала она, посмотрѢть, что сталося сЪ старою женщиною, которая была со мною вЪ баркѢ, она была мнѢ кормили-

цею; надѣюсь, что она спасена — Я бросился на берегъ — все было спасено, только о старой кормилицѣ никто не могъ подать вѣсти. Прекрасная дама заплакала, когда я принесъ ей эту вѣдомость. Она побѣжала сама на берегъ, просила судовщиковъ объ отъисканіи своей кормилицы, обѣщала награжденіе и плакала бы можетъ быть еще, естьли бы сундукъ, которой не далече отъ нее стоялъ на пескѣ, не далъ инаго направленія ея вниманію. Онъ принадлежалъ ей, и былъ съ платьемъ и премногими хорошими вещами, къ наряду пригожей женщины принадлежащими. Къ щастію все было въ цѣлости, лучь радости вдругъ прогналъ туманъ со всего ея лица — это было премилое лице, въ томъ

васъ увѣряю. Кормилицы нигдѣ не найдено, и солнце закатилось. Прекрасная женщина, утѣшась нарочито тѣмъ, что хотя сундукъ свой нашла, сказала мнѣ имя одной пріятельницы, къ которой долженъ я былъ отвести ее. Судовщикъ, взваля на себя ея сундукъ, показывалъ намъ дорогу. Мы прибыли. Прекрасная женщина благодарила меня, а я пожелалъ ей доброй ночи — впервые, казалось, посмотрѣла на меня со вниманіемъ и нѣкоторымъ изумленіемъ. Почивай спокойно прекрасная незнакомка, сказалъ я, и пошелъ прочь.

26.

Теперь спрошу всѣхъ честныхъ людей, Грековъ и Варваровъ, мущинъ и женщинъ

включаю тутъ обоеполыхъ и кастратовъ, естьли что соблазнительное въ той исторіи, которую я теперь лишь разсказалъ. По чести, я ничего того не понимаю, предположа всѣ обстоятельства, такъ какъ онѣ дѣйствительно были. Не вижу, какъ бы иначе должно было поступить мнѣ самому, или прекрасной женщинѣ, или обоимъ вмѣстѣ, нежели какъ мы сдѣлали.

Между тѣмъ послушайте, что случилось. На другой день дѣло было гласно во всемъ Коринѳѣ. Цѣлые три дни не говорили ни о чемъ иномъ, какъ только о Діогенѣ и прекрасной женщинѣ, пересказывали одинъ другому эту исторію съ нѣкоторыми прикрасами, или дополняя не-

достающее обстоятельство другимъ собственнаго изобрѣтенія; положили ее даже на стихи, и вчера ввечеру слышалъ я, какъ пѣли на улицѣ — но это еще ничего. Также и судили о томъ и разсматривали, что Діогенъ и прекрасная женщина дѣлали, чего не дѣлали, по какимъ тайнымъ побудительнымъ причинамъ, и на какой конецъ то дѣлали, что при сихъ или другихъ данныхъ обстоятельствахъ могли или должны они были дѣлать. Говорили о томъ со всѣхъ сторонъ, и голоса остановились единодушно на томъ. — Что Діогенъ поступилъ во всемъ этомъ дѣлѣ не такъ, какъ умной и добродѣтельной человѣкъ. — „

Одна старая дама сердилась очень за то, что онъ такъ поздо ходилъ за епанчею. Какая неосторожность, ежели употребить и самое легкое выраженіе? Возможно ль было забвеніе самаго себя простирать такъ далече? Ему должно было положить на берегу ту женщину, пока она еще не опомнилась, а отнесть въ удобнѣйшее мѣсто, надѣвъ уже на себя епанчу.

Вы очень добросердечны, сударыня, сказала другая, развѣ не видите, что можно забыть нѣчто умышленно? — и что на этотъ разъ польза его требовала подумать о нужнѣйшемъ, когда уже поздо было? —

Третья клялась Елевзинскими богинями, что не пустила бы его болѣе къ себѣ на

глаза, естьлибъ она была тою незнакомкою.

Чаятельно, подхватила четвертая, была та дама изъ такой земли, гдѣ живутъ еще въ первобытномъ состояніи Природы. —

Или почла она его за Сатира — сказала пятая, — большая, толстая женщина, которая, казалось, не страшилась десятерыхъ Сатировъ. —

Не знаю, за чемъ хочется вамъ отгадывать, говорила шестая. Я думаю, что дѣло само по себѣ ясно. А естьли вкусъ этой женщины таковъ? По всѣмъ обстоятельствамъ была эта дама изъ тѣхъ, которымъ не много въ томъ нужды, по всѣмъ ли правиламъ съ ними поступаютъ или нѣтъ. —

Такъ судятъ дамы перваго и втораго класса въ Коринѳѣ, кромѣ жрицъ, которыя совсѣмъ не судили, а освѣдомясь только обо всѣхъ обстоятельствахъ, и услыша, что онъ былъ безъ епанчи, когда та дама впервые отворила глаза и закраснѣлась, закрыли лицо руками и не хотѣли слышать ничего болѣе.

Въ мужскихъ обществахъ рѣшили это дѣло по другому уваженію.

За чемъ простиралась его услужливость только къ пригожей женщинѣ? за чемъ далъ онъ потонуть честной кормилицѣ? а она, какъ послѣдствіе показало, имѣла столько же нужды въ его пособіи?

Этотъ вопросъ тѣмъ основательнѣе, присовокупилъ другой, поелику вѣроятно, что

пригожая женщина доплыла бы до берегу и безъ его помощи. —

Вы строги, государи мои, сказалъ трeтiй, какъ будто бы не натурально хотѣть лучше подслужиться пригожей, молодой женщинѣ, нежели старой ея кормилицѣ, ха, ха, ха, — Этотъ человѣкъ смѣялся хорошей своей мысли, ха, ха, ха. —

А особливо, присовокупилъ четвертой съ лукавымъ видомъ, потому что не всякой день найдешь благопристойной предлогъ спрятаться за кустарникъ съ пригожею Нимфою in puris naturalibus (какъ мать родила).

Я знаю на вѣрно, отозвался пятой, которой недавно сдѣлался совѣтникомъ, что болѣе двухъ часовъ проводили они на единѣ въ кустарникѣ,

и можно бы представить свидѣтелей, которые видѣли его епанчу на берегу, а платье дамы развѣшенное на сухомъ сукѣ, на солнцѣ.

Я не люблю толковать въ худую сторону, говорилъ Юпитеровъ жрецъ, степенной сорокалѣтній старикъ, поглаживая съ великою важностію двойной свой подбородокъ. Но смотря по свойству людей, непріятно мнѣ слышать, когда говорятъ о великодушныхъ поступкахъ, когда тутъ замѣшана женщина, а особливо молодая и пригожая женщина. Очень видно, для чего такъ охотно стараются, какъ уже упомянуто мною, услуживать этому послѣднему классу. Желалъ бы я знать, естьли говорить важно о семъ дѣлѣ, для чего бъ пригожей

женщинѣ, поколику она пригожая женщина, быть любезнѣе своей кормилицы? Развѣ кормилица не такое же человѣческое творенiе? не тѣже ли обязанности мы имѣемъ къ нимъ? Не стольколи же надобна въ предлежащемъ случаѣ помощь одной, какъ и другой? Не благочестiе ли и непорочность нравовъ опредѣляетъ истинную цѣну людей; и развѣ молодая или пригожая женщина имѣетъ по симъ случайнымъ качествамъ болѣе права на благочестiе и добродѣтель, нежели старая или дурная? — Натурально скорѣе должно думать противное.

Добродѣтельной человѣкъ, естьли онъ уменъ, а ему надобно быть таковымъ, или же добродѣтель его подвергается всечасно опасности по-

ползновенія — тѣмъ скорѣе рѣшился бы въ такомъ случаѣ, въ которомъ должно бы избирать изъ двухъ, въ пользу кормилицы, чѣмъ чище моглибъ быть побудительныя въ разсужденіи ея причины, чѣмъ назидательнѣе былъ бы примѣръ, которой бы онъ тѣмъ подалъ, и чѣмъ меньше должнобъ ему было тутъ опасаться для своей собственной, или ея добродѣтели. — — —

Прости меня отче боговъ и человѣковъ! Но мнѣ не возможно болѣе слушать, какъ твой жрецъ толь важно — безумствуетъ. — Будь ты правъ, жрецъ Юпитера; непонятно для чего пригожей молодой женщинѣ быть любезнѣе своей кормилицы — она совсѣмъ не любезна — добродѣтель старой кормилицы. Вотъ

главное дѣло; какой Клейнодъ! его надобноб было спасти, пусть пригожія женщины всѣ утопают! какая въ томъ нужда. Добродѣтель тутъ выиграетъ; искушенія уменьшатся: а какіе примѣры подалибъ мы, естьлибъ остались на свѣтѣ только старыя кормилицы? — Діогенъ не поступилъ какъ умной и добродѣтельной мужъ, уступаю тебѣ во всемъ, чего ты хочешь, жрецъ Юпитера — только молчи! —

27.

Безъ похвальбы предыдущая глава есть одна изъ самыхъ поучительныхъ, какія когда либо были писаны — и я совѣтую вамъ добросердечно пройти ее въ умѣ не однократно со всевозможнымъ вни-

маніемъ. И посредственно остроумному читателю можно будетъ съ малымъ трудомъ извлечь изъ нея правила разныхъ весьма надобныхъ и преполезныхъ искуствъ — на примѣръ: искуства злословить остро — искуства криво толковать произшествія, не перемѣняя въ обстоятельствахъ ничего инаго, кромѣ времени и мѣста — искуства представлять въ соблазнительномъ видѣ дѣло ничего незначущее и невинное — искуства — частную ложь подкрѣплять общими истиннами — все такихъ искуствъ, которыя имѣютъ преобширное вліяніе на общественную жизнь и суть такого рода, что тѣ, которые много въ нихъ успѣли, скрываютъ ихъ вообще, такъ какъ нѣкіе врачи свои Арканы (лѣ-

карства, коихъ составъ неизвѣстенъ) потому что хотятъ удержать для себя произрастающій отъ того прибытокъ — повторяю, что можно оттуда многому научиться.

28.

Признаюсь тебѣ, Ксеніадъ, что я не могъ противиться искушенію отомстить той большой, толстой женщинѣ, которая примѣнила меня къ Сатиру. Ты конечно знаешь Лизистрату, супругу полуумнаго Фоки. — На сихъ дняхъ ходилъ я къ ней въ часъ полуденнаго отдохновенія. Духота была очень велика. Я засталъ, что она лежала на софѣ въ маленькой залѣ своего саду. Молодой рабъ, ни отрокъ, ни юноша, которой подалъ бы

живописцу идею кЪ прекраснѣйшему Бахусу, стоялЪ подлѣ нее на колѣняхЪ сЪ большимЪ опахаломЪ, и удалился когда я вошелЪ. Я сказалЪ ей, что пришелЪ для того, чтобЪ подать ей мнѣніе о нѣкоторой дамѣ изЪ моихЪ пріятельницЪ лучшее того, вЪ какомЪ она имѣетЪ нещастіе находиться у нее невѣдомо за что.

Казалось, что она не понимала, чего мнѣ хотѣлось. Я ей припомнилЪ, сказавЪ, что означенная дама не думала, чтобЪ заслужила такой строгой приговорЪ, каковЪ послѣдовалЪ недавно обЪ ней вЪ нѣкоторомЪ обществѣ. ВЪ самомЪ дѣлѣ, присовокупилЪ я, желалЪ бы знать, какЪ поступила бы иначе Лизистрата,

естьлибъ была въ тѣхъ же обстоятельствахъ? —

„Я невиновата, что законы благопристойности такъ строги, сказала она. — „

О той ли благопристойности ты говоришь, которая происходитъ отъ внутренней изящности чувствованій и поступковъ, или о мнимой благопристойности, которая зависитъ только отъ мнѣнія людей.

Я совсѣмъ неискусна въ вашихъ различеніяхъ, возразила дама — всякъ знаетъ, что значитъ благопристойность, и всѣ согласны, думаю, въ томъ, что есть нѣкія правила, отъ которыхъ не льзя отступить, не подвергаясь суду свѣта. „

Ты чаятельно намѣкаешь на то обстоятельство, что

я былъ безъ епанчи, когда дама впервые отворила глаза. Признаюсь, что это было неправильно, но обстоятельства должны меня извинить, и я право не имѣлъ ничего худаго на умѣ.

„Не о томъ рѣчь, что у тебя было на умѣ, а что ты дѣлалъ," сказала она, улыбаясь. —

Я бы ни за что не ручался, прекрасная Лизистрата, естьли бы находился въ такихъ странныхъ обстоятельствахъ съ женщиною толь прелестною, какъ теперь вижу передъ собою.

„Я не вижу за чемъ ты меня тутъ замѣшиваешь —" отвѣчала она закраснѣвшись, и оправляя свою косынку, которая была нѣсколько въ безпорядкѣ, такъ нерадиво, что

этотъ безпорядокъ сталъ примѣтно хуже прежняго.

Но вправду, прекрасная Лизистрата, былаль бы ты въ состоянiи простить такую малость человѣку, которой спасъ бы тебѣ жизнь? въ существѣ однакожъ это дѣло было самое не значущее.

„Не такъ, какъ ты себѣ воображаешь. —"

А для чегожъ это — надобно бы мнѣ имѣть мѣлкое понятiе о добродѣтели женщины, естьлибъ думалъ, что приключенiе такого роду, при которомъ не было нималѣйшаго намѣренiя ни съ одной, ни съ другой стороны, могло привесть ее въ смущенiе. —

„Да кто это и говоритъ? Я не хотѣлабъ, чтобъ вы прочiе почитали себя такъ опасными; но куда дѣвалось

бы должное къ намъ уваженіе, естьлибъ мы были такъ склонны, какъ твоя незнакомка, прощать такія вольности, хотябъ и не было въ нихъ намѣренія? — "

Можетъ быть почитала она своего избавителя за Сатира, прекрасная Лизистрата?

Она въ другой разъ покраснѣла — Ты коваренъ, Діогенъ, сказала она. За тѣмъ оборотилась нѣсколько болѣе на мою сторону, не примѣчая, что это движеніе причинило въ одѣяніи лѣвой ея ноги нѣкій безпорядокъ, которой хотя давалъ всей ея фигурѣ, такъ какъ она лежала на софѣ, видъ тѣмъ болѣе живописной, однакожъ могъ произвести такія впечатлѣнія, которыхъ чаятельно, по мнѣнію су-

ществующему въ пользу добродѣтельной дамы, не намѣрена она была сдѣлать.

Въ самомъ дѣлѣ, Лизистрата, сказалъ я, Сатиру позволено многое, что другому не былобъ прощено — черта направленія моихъ глазъ должнабъ была сдѣлать ее внимательною, естьлибъ она была менѣе развлечена — не совѣтовалъ бы тебѣ, прекрасная Лизистрата, продолжалъ я по маломъ молчаніи, приводить себя умышленно въ такое положеніе, въ которомъ вижу тебя теперь, естьлибъ ты почитала себя въ малѣйшей опасности, что Сатиръ тебя застанетъ —

„Ктобъ подумалъ, сказала она, закутываясь съ принужденнымъ смятеніемъ, чтобъ у Философовъ были глаза для

такихъ мѣлочей — повѣрь мнѣ однакожъ, что я не думала доставить развлеченія твоей премудрости. — "

Я не знаю что ты думала, но знаю, что я сдѣлалъ бы, естьлибъ могъ тебя убѣдить, позволить мнѣ преимущества Сатира.

Дама взглянула на меня съ маленькимъ удивленіемъ, которое не имѣло ничего устрашительнаго — это былъ такой взглядъ, которой, кажется, искалъ въ моихъ глазахъ, дѣйствительно ли я столько чувствую, какъ сказалъ?

Поелику всему есть предѣлы, продолжалъ я съ большимъ вздохомъ, то не должно ли и добродѣтели имѣть своихъ? я это чувствую

столько, прекрасная Лазистрата, что не льзя мнѣ не желать, чтобъ могъ тебя въ томъ удостовѣрить —

Въ это время смотрѣлъ я на свою епанчу не болѣе, какъ дама нѣсколько минутъ на свою тунику — глаза ея были почти сомкнуты, а грудь, на которой нѣсколько дюжинъ боговъ любви могли составить хороводы, вздымалась такъ сильно, что я самъ чуть было не пришелъ въ смущеніе. —

О прелестная Лизистрата! вскричалъ я, подходя къ ней съ такимъ движеніемъ, будто едва могу удержаться обнять ее, за чѣмъ не могу тебѣ внушить кротчайшаго образа мыслей. Строгая добродѣтель, которою ты предъ всѣми хвалишься — я почи-

талъ ее — она принуждаетъ меня къ тому — какъ любилъ бы я тебя, естьлибъ ты была способна простить бѣдной незнакомкѣ ту маленькую погрѣшность, которая была тебѣ самой такъ соблазнительною? Какъ скоро могла бы ты это сдѣлать, естьлибы сама была способнѣе предаться слабости. —

„Я право тебя не разумѣю, сказала она; но ты сдѣлалъ бы угодное, естьлибы оставилъ меня одну. —"

Можешь ли вправду имѣть такую жестокую мысль, вскричалъ я, ухватя ее за руку и сѣвши ближе на край ея софы —

Она отдернула свою руку такъ неосторожно, что моя, послѣдуя за нею, очутилась

на ея груди — я не дамъ играть собою, сказала она.

Это-то и доводитъ меня до отчаянія — я чуть не безъ ума отъ того, что самъ подвергъ себя такой опасности, имѣя столь много причинъ страшиться твоей добродѣтели —

Она надувалась отъ ярости, не зная, какъ бы съ благопристойностію обнаружить свои чувства.

Ты видишь, прелестная Лизистрата, сколь много недостаетъ мнѣ еще быть таковымъ Сатиромъ, каковымъ кажусь; но признайся, не была ль бы ты также обманута, какъ и моя незнакомка —

Она съ досады начала плакать.

Я чувствовалъ, что начиналъ становиться слабъ. Всталъ, ибо не могъ ни на минуту болѣе за себя ручаться. Въ это время вошелъ рабъ, шепнулъ дамѣ нѣчто на ухо — сколь я ни чутокъ, однако услышалъ только имя Діофанта — того жреца, которой понять не могъ, за чѣмъ пригожая женщина любезнѣе своей кормилицы. Мальчикъ побѣжалъ опять съ приказаніемъ, котораго я отнюдь не могъ понять. Мнѣ не надобно было инаго напоминанія. Надѣюсь, Лизистрата, сказалъ я, что могу оставить тебя съ тѣмъ удостовѣреніемъ, что вперилъ тебѣ лучшее мнѣніе о себѣ и прекрасной незнакомкѣ. Честной Діофантъ пришелъ такъ впору поддержать то разполо-

женіе, въ которомъ тебя оставляю, что несправедливобъ было задерживать его и на минуту. Прости прекрасная, неумолимая — и съ тѣмъ я ушелъ, не бывъ удостоенъ взоромъ, или отвѣтомъ. —

Не понимаю, сказалъ Ксеніадъ, какъ ты могъ имѣть столько власти надъ собою, производя такое мщеніе, которое конечно было тебѣ по меньшей мѣрѣ также тягостно, какъ и самой дамѣ.

Ты не можешь повѣрить, Ксеніадъ, сколько я ненавижу эту лицемѣрку — столько, сколько почитаю невинность и истинную добродѣтель. Желаніе, дать ей почувствовать все то презрѣніе, которое она заслуживала, сдѣлало меня ко всему способнымъ, хотя признаюсь тебѣ, что

родъ добросердечія раза два чуть не съиграль мнѣ шутки, которой никогдабъ я себѣ не простилъ.

29,

Кто самъ не испыталъ этого, или же чего подобнаго, тотъ не пойметъ, какая разность итти на пристань за дѣломъ или же и не за дѣломъ, и принуждену быть итти на пристань для того, чтобъ на десять лѣтъ приковали его къ галерѣ.

Я самъ никогда не чувствовалъ этой разности такъ живо, какъ на сихъ дняхъ, зашедши на бродящей своей прогулкѣ въ рощу, которая простирается вдоль берега, не далече отъ Нептунова храма и, какъ вамъ извѣстно, посвящена Нереидамъ.

Не думая нимало найти стараго знакомца въ сей дикой сторонѣ, увидѣлъ я человѣка лѣтъ придцати пяти худо одѣтаго, нечесаннаго, сухощаваго, блѣднаго, со впалыми глазами, словомъ: со всѣми признаками скорби и бѣдности, поверженнаго подъ деревомъ. Онъ сбирался ужинать горстью картофелей, которые только что вырылъ изъ земли, и нѣсколькими кусками сухарей, размоченныхъ въ водѣ: мнѣ показался этотъ человѣкъ знакомымъ, а подошедши ближе, увидѣлъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ, что это былъ Вакхидъ изъ Аѳинъ, которому предъ самымъ тѣмъ временемъ, какъ въ послѣдній разъ оставилъ я тотъ городъ, досталось въ наслѣдство имѣнія по меньшей мѣрѣ на восемь

сотъ Аттическихъ талантовъ отъ стараго ростовщика, у котораго по щастію былъ онъ одинъ только сынъ.

Какъ! это щастливой Вакхидъ? и одинехонекъ за такимъ скуднымъ столомъ? сказалъ я. —

Щастливъ! ахъ Боги! вскричалъ онъ, вздыхая. Это время миновалось, Діогенъ; — ибо это ты, естьли не обманываютъ меня глаза мои.

Желаю, чтобъ никогда не обольщали они тебя болѣе, отвѣчалъ я.

„Ты очень кстати пришелъ. Я хотѣлъ тебя искать, ибо иду изъ Аѳинъ въ твое училище. —

Напрасно предпріялъ ты это путешествіе, ибо у меня нѣтъ училища.

Такъ я буду у тебя первой ученикъ. Хочу научиться у тебя, какъ быть щасливымъ въ этомъ скудномъ состояніи, въ которомъ живешь ты уже столько лѣтъ? —

А на что тебѣ эта наука?

„На что? — мнѣ кажется, что одинъ мой видъ рѣшитъ этотъ вопросъ.

Вижу, что въ обстоятельствахъ твоихъ произошла нѣкоторая перемѣна. —

Очень большая, свидѣтели тому Боги, очень большая! Ты зналъ еще меня, когда у меня были домы, помѣстья, рудокопные заводы, фабрики, корабли, словомъ: было столько достатка, что большая часть моихъ согражданъ завидовала мнѣ. —„

Безъ сумнѣнія были у тебя и статуи, картины, Пер-

сидскіе ковры, золотые бакалы, хорошія рабыни, танцовщицы, пантомимы. —

„Все это было, клянуся Юпитеромъ. и лучшее, нежели у кого либо въ Аѳинахъ. —„

„Жалѣю объ этомъ. —

А мнѣ кажется, жаль только, что этого нѣтъ уже.

О томъ и другомъ — но по какимъ нещастіямъ. —

„Скажу тебѣ правду, Діогенъ — и тѣмъ только утѣшаюсь, что наслаждался своимъ богатствомъ — нещастій не было, имѣніе мое потрачено на великолѣпіе, пышность, праздники, пиры, на любовницъ; десять лѣтъ щастливыхъ — могуль безъ отчаянія думать о томъ. „Десять лѣтъ щастливыхъ провождалъ я безпрерывно съ Комусомъ, и Бахусомъ, и Амура-

ми, и съ смѣющеюся Венерою, и со всѣми богами радости.

И сіи ласковые боги помогли тебѣ проѣсть въ десять лѣтъ восемь сотъ талантовъ имѣнія?

Хотябъ было вдвое противъ того, я нашелъ бы съ ними средство промѣнять его на радости и роскоши. Признаюсь, я былъ безразсудной человѣкъ; не мыслилъ о будущемъ. —

А теперь, когда принужденъ о томъ помышлять, какія у тебя намѣренія?

„Никакихъ нѣтъ, Діогенъ. Не знаю какъ быть.„

Однакожъ, разсоря такъ много денегъ на столь многіе праздники и пиры, конечно нажилъ ты себѣ друзей?

„Друзей, сколько изволишь — но съ того времени

какъ не могу ничего такого давать, никто уже меня не знаетъ. —

Этому могъ бы ты научиться, не подвергаясь опыту, въ Академіи — или не любя, чаятельно, сѣдобородаго общества, у двадцати прежнихъ щастливцевъ, которые конечно къ тебѣ собирались; — но тѣхъ попрековъ, которые уповательно дѣлаешь ты самъ себѣ, не стану я умножать своими. Вопросъ о томъ, что намъ теперь начать. Ты былъ бы однакожъ доволенъ, естьлибъ какое благотворное божество возвратило тебѣ потерянное имѣніе. —„

„Какой вопросъ! — къ нещастію не знаю такого щедраго существа. —„

„Ошибаешься, Вакхидъ: прилѣжаніе есть этотъ много

помощной богъ. Работа и умѣренность суть обильные и неизчерпаемые золотые рудники, гдѣ самой бѣдной сынъ земли можетъ добывать, сколько хочетъ. —

„Но я не люблю копать, доброй Діогенъ; а естьлибъ и хотѣлъ, такъ не умѣю. Всякой работѣ надобно научиться, а я — я ничему не учился. —“

„Положимъ, что ты не знаешь никакого искуства, которое могло бы тебя кормить; но у тебя есть разумъ, ты можешь говорить — посвяти себя Республикѣ; старайся пріобрѣсть довѣренность Аѳинянъ. —

„Ты шутишь очень больно, Діогенъ — возможноль убѣдить Аѳинянъ ввѣрить свою безопасность, благоденствіе,

общественные доходы такому человѣку, который не умѣлъ сохранить собственнаго наслѣдія? — „

„Это было бы можетъ быть трудно — „

„Сверьхъ того надобно знать множество вещей, о которыхъ я никогда не заботился, когда кто хочетъ быть государственнымъ человѣкомъ. — — “

„Въ твоихъ обстоятельствахъ по меньшей мѣрѣ безъ достатка не льзя конечно возвыситься иначе, какъ достоинствами — мы оставимъ это предложеніе — но ты можешь вступить въ военную службу. — „

„Рядовымъ? лучше наняться на галеру; — офицеромъ? на то надобны деньги, или покро-

вительство, или достоинство личное. — "

„Ну, естьли изо всего этого ничто тебѣ не нравится, такъ остаются еще другіе извороты — они приносятъ не такъ много чести, но гдѣ такъ мало выбора — на примѣръ: богатыя пожилыя госпожи такихъ лѣтъ, въ которыхъ либо должно отказаться отъ прихотей золотой венеры, или покупать своихъ любовниковъ — ты качаешь головою. —„

„Ахъ! Діогенъ, и эта бѣдственная дорога мнѣ преграждена — дамы, о которыхъ говоришь, требуютъ очень многаго — а ты можешь себѣ вообразить, что человѣкъ, которой въ десять лѣтъ промоталъ восемь сотъ талантовъ, не годится ни въ какую долж-

ность, которая требуетъ такихъ трудныхъ услугъ. —,,

,,О выгоды богатства! признаюсь тебѣ, что я ничего болѣе придумать не могу. —

,,Всего этого не надобно. Ежели научишь меня, какъ быть также щастливымъ, каковымъ ты по крайней мѣрѣ кажешься въ такихъ же скудныхъ обстоятельствахъ, каковы твои. —,,

,,Я въ самомъ дѣлѣ щастливъ, Вакхидъ; но позволь себѣ сказать, что ты ошибаешься, естьли почитаешь меня въ скудныхъ обстоятельствахъ. Тебя обманываетъ въ томъ наружность. Я богатъ — богаче, думаю, Царя Персидскаго — ибо мнѣ надобно такъ мало, что надобное мнѣ нахожу повсюду, и не примѣчаю, чтобъ мнѣ чего

нибудь недоставало. Отъ этой умѣренности я такъ здоровъ и крѣпокъ, какъ ты меня видишь. Часто изъ шалости, или чтобъ дать себѣ движеніе, вырываю я изъ рукъ у потѣющаго раба мѣльницу и мѣлю за него. — „

„Странной человѣкъ! вскричалъ Вакхидъ — „

„Ты не повѣришь, Вакхидъ, сколь много зависитъ отъ того, чтобъ инструментъ, на которомъ должна играть наша душа, былъ хорошо настроенъ; здоровъ тѣломъ, здоровъ духомъ, здоровъ головою, — исключая нѣсколько грановъ глупости, отъ которой мнѣ ничуть не хуже — безъ печали, безъ страстей, безъ тягостныхъ связей, безъ зависимости, мнѣль не быть щастливу? не всяль Природа

моя, поколику я наслаждаюсь ею? Какой источникЪ наслажденія заключается вЪ одномЪ только сострастномЪ ощущеніи. — Опасаюсь, что ты не знаешь этого источника, ВакхидЪ, — а сверьхЪ всего этого есть у меня другЪ. — „

„ОднакожЪ ты питаешься бобами и кореньями, одѣтЪ дерюгою и живешь, какЪ говорятЪ, вЪ бочкѣ — — „

„Естьли хочешь быть мнѣ товарищемЪ, то станемЪ жить вЪ лѣтнемЪ моемЪ домѣ; онЪ не далече отЪ берега; — какой превеликолѣпный изЪ него видЪ - ибо намЪ двумЪ тѣсно будетЪ вЪ моей бочкѣ. — Правда, это только родЪ пещеры, изрытой самою Природою, но вЪ ней есть всѣ нужныя удобности: сухіе древесные

листья для постели, и широкой, гладкой камень для стола. —„

„Я принимаю твое предложеніе въ той надеждѣ, что по великодушію своему не скроешь отъ нещастнаго той тайны, которую ты конечно имѣешь, что можешь себѣ воображать, будто ты богатъ и щастливъ. —„

„Я не могъ удержаться отъ смѣха. Ты говоришь, какъ будто бы себѣ воображалъ, что я ношу на себѣ ладонки, или волшебные знаки, которые имѣютъ эту силу. Не льстя тебѣ, Вакхидъ, моя тайна очень проста, но ее не льзя такъ легко сообщить. Моимъ правиламъ можно научить; но чтобъ почувствовать ихъ истинну такъ, какъ я чувствую, и быть ею щастливымъ,

такъ какъ я, надобно, чтобъ Природа намъ дала нѣкоторое расположеніе — котораго можетъ быть въ тебѣ нѣтъ — однакожъ все попытаемся! Естьли тебѣ понравится у меня. Изрядно — естьли не полюбится, то случай можетъ быть покажетъ намъ другую дорогу.

30.

Помоги мнѣ смѣяться, доброй Ксеніадъ: я вдругъ потерялъ своего гостя и ученика.

Въ первую ночь, которую проводилъ онъ въ моей пещерѣ, не могъ онъ спать. Однакожъ и Гомеровъ Улиссъ, когда былъ выброшенъ на Феакской берегъ, не имѣлъ ночлега лучше того, которой я ему приготовилъ. Примѣтно было, что

этотъ человѣкъ привыкъ почивать на мягкихъ подушкахъ и лебединыхъ кожахъ. — Соловей пѣлъ восхитительно не далече отъ нашей пещеры. Послушай, сказалъ я, ласковаго пѣвца, какую прекрасную усыпительную пѣснь поетъ онъ намъ! — Онъ ничего не слушалъ, или же не чувствовалъ ничего при томъ, что слышалъ.

Въ слѣдующее утро позавтракали мы слегка ежевики, которой нарвали въ кустарникахъ; сверьхъ того я далъ ему изъ котомки нѣсколько хлѣба. Въ самомъ дѣлѣ завтракъ мой показался ему очень легокъ, и онъ съ воздыханіемъ помышлялъ о столахъ щастливаго своего состоянія и о малой вѣроятности,

что ужинъ будетъ лучше завтрака.

Я началъ съ нимъ философствовать; доказывалъ ему, что человѣкъ въ теперешнихъ его обстоятельствахъ можетъ, коль скоро захочетъ, быть щастливѣе всѣхъ на свѣтѣ. Казалось, что онъ слушалъ меня внимательно. Доводы мои казались ему безпрекословными; но они его не убѣждали. Въ продолженіе сего разговора дошли мы до такого мѣста, гдѣ попались ему на глаза предметы, которые занимали его совсѣмъ иначе, нежели моя Философія.

Не далече отъ моей пещеры стоитъ хижина стараго рыбака. У него три молодыя дочери, которыя въ худомъ своемъ нарядѣ показались моему Аѳинянину, топ-

кому знатоку въ пригожихъ лицахъ, примѣчанія достойными, и ему захотѣлось обозрѣть ихъ вблизи. Дѣвушки сидѣли передъ шалашемъ подъ деревомъ, и вязали невода. Вакхидъ нашелъ, что у одной прекрасныя руки, какъ у Юноны, у другой ростъ, какъ у Нимфы, а у третей много обѣщающіе глазки. Я никогда этого не примѣчалъ. —,,

,,Ты улыбаешься, Ксеніадъ! скрывалъ ли я отъ тебя когда нибудь такую слабость, которую имѣлъ. —,, У старaго рыбака есть и жена, которая въ случаѣ нужды нехудо могла бы представить Цереру, но тогда не была она тутъ.

Подъ вечеръ понуждалъ меня Вакхидъ отвести его въ городъ. Казалось, что съ зоркостію ястреба выхо-

дитъ онъ на добычу, но не сказавъ мнѣ ничего о тѣхъ примѣчаніяхъ, которыя сдѣлалъ, нечаянно ушелъ онъ отъ меня. Спустя нѣсколько времени видѣлъ я, что онъ говорилъ съ рабомъ. Усмотрѣвъ меня, бросился ко мнѣ. Я нашелъ находку, сказалъ онъ мнѣ съ такимъ выраженіемъ радости и надежды, которое возвратило его лицу живость и цвѣтъ. А какая это находка? спросилъ я. Молодой человѣкъ, сказалъ онъ, любящій удовольствіе, или что все равно, молодой человѣкъ хочетъ нынѣшнимъ вечеромъ скрытно повеселиться съ своими друзьями, а его отецъ, богатой скряга, не долженъ ничего о томъ вѣдать. Онъ послалъ довѣреннаго раба сыскать ему удобное мѣсто; но

всѣ предложенія имѣли свои затрудненія —

Я сказалъ рабу, что знаю прекрасное приволье, и теперь пошелъ онъ обьявить о томъ своему господину.

„Ты здѣсь пробылъ только сутки, вскричалъ я, а знаешь уже приволье, смѣю ли спросить. — „

„За чѣмъ нѣтъ, говорилъ онъ. Я надѣюсь, что ты не будешь столь глупъ, чтобъ захотѣлъ пропустить такой случай наѣсться и повеселиться. Хижина нашего рыбака довольно велика для нашего предпріятія. Старикъ ушелъ невѣдома куда продавать рыбу. Дѣвушка съ обѣщающими глазами сказала мнѣ на ухо, что онъ воротится лишь послѣ завтра. — „

,,А гдѣ ты видѣлся съ ними? спросилъ я. — „

„Я улучилъ къ тому время, когда въ полдень легъ ты на минуту отдохнуть на своей подстилкѣ. Дѣвушки такъ живы, какъ стихія, при которой онѣ родились. Прямыя Нимфы, и, думаю, весьма снисходительнаго рода, да и мать, кажется, не совсѣмъ отказывалась отъ радости. — "

,,Ты хорошій примѣчатель, Вакхидъ, сказалъ я, и теперь вдругъ открыли мы твой талантъ сыскивать пропитаніе въ такомъ мѣстѣ, каковъ Коринѳъ. Не безприбыльное ремесло, и дѣйствительно одно только которое остается человѣку твоего рода. Вижу, что я тебѣ впредь уже ненадобенъ. Я пущу тебя одного по той дорогѣ, которою хочешь итти -

будь здоровЪ ВакхидЪ — но едва могу тебя простить, что новыми своими любовными затѣями отнимаешь у меня лѣтній мой домЪ. ОнЪ имѣлЪ такое прекрасное положеніе — теперь не увижу его болѣе; ибо не все то прилично Діогену, что пристойно Вакхиду. —„

31.

„Конечно, ФиломедонЪ, я это утверждаю. Самой бѣдной водоносецЪ вЪ Коринѳѣ достойнѣе тебя! — Ты мнѣ простишь мою вольность — или, естьли бЪ на то разсердился, позволишь мнѣ того не уважать. —„

„ПосмотримЪ, сказалЪ ФиломедонЪ, сЪ угрюмымЪ видомЪ. —„

„Я могу такъ мало терять„ молодой человѣкъ, что не стоило бы труда кого-либо бояться. Тьфу, кто сталъ бы за то сердиться, что ему скажутъ правду. — Безстыдникъ! —„

„Ты шутишь, Филомедонъ. Справедливость того, что я сказалъ, столь ясна, что не могу сдѣлать всего твоего самолюбія столько слѣпымъ, чтобъ ты ее не видѣлъ. Водоносецъ, сколь ни бѣдной, презрѣнной человѣкъ, полезенъ однакожъ обществу; — но ты какую приносишь пользу? — Ну, оставь дѣтскую угрюмость. — Станемъ дружески говорить объ этомъ дѣлѣ — ты проѣдаешь повсегодно тридцать талантовъ. Это составляетъ почти полмины на каждой день. —„

„А мнѣ досадно, что и ты, Діогенъ, не можешь того же дѣлать, не правда ли? — ты могъ бы по меньшей мѣрѣ быть застольнымъ моимъ товарищемъ, естьли бы хотѣлъ — но для этого ты слишкомъ гордъ. — “

„Не такъ то гордъ, Филомедонъ, а покоенъ. Съ того времени какъ вкусилъ я тягости рабства, не хотѣлъ бы на всѣ сокровища Азіи промѣнять щастія быть собственнымъ своимъ господиномъ.—„

„Точно также думаю и я, Діогенъ. Я богатъ, наслаждаюсь своимъ богатствомъ, и другіе наслаждаются имъ со мною; оно доставляетъ мнѣ уваженіе, а часто и вліяніе. Мнѣ не надобно пріобрѣтать сперва того, что щастіе добровольно мнѣ подкинуло. Для

чегожъ не льзя мнѣ, такъ какъ и тебѣ, быть собственнымъ своимъ господиномъ? — „

„Заключенія по мнѣ о тебѣ не льзя сдѣлать: разность между нами очень велика. Ты получаешь ежегодно отъ Государства тридцать талантовъ Аттическихъ, а я ничего. — „

„Я получаю свои доходы не отъ Государства; они собственно мнѣ принадлежитъ. — „

„И то и другое справедливо. Они тебѣ принадлежатъ, это правда; но только въ силу договора, постановленнаго между основателями Республики, получили предки твои, при первомъ раздѣлѣ имѣній, свою долю съ тѣмъ условіемъ, чтобъ по мѣрѣ силъ своихъ способствовали къ пользѣ Государства. Этотъ договоръ все еще продолжается,

Кто получаетъ выгоды отъ Государства, тотъ обязанъ ему и службою. —„

„Развѣ ты не получаешь никакихъ выгодъ отъ Государства?„

Какія, на примѣръ?

„Ты живешь однакожъ, а воздухомъ не живутъ; ты ходишь безпрепятственно и безопасно подъ защитою законовъ — развѣ это ни за что щитаешь? —„

„Это нѣчто, Филомедонъ, однакожъ только такое, чѣмъ неотмѣнно обязаны мнѣ Коринѳяне. По закону Природы не могу я отъ нихъ меньше того требовать, чтобъ они позволили мнѣ жить безобидно по крайней мѣрѣ, пока я не причиню имъ никакого зла.

„Для чего не былибъ они тѣмъ обязаны мнѣ также, какъ и тебѣ, не требуя себѣ болѣе услугъ отъ тебя, нежели отъ меня. —„

„Они и обязаны; но ты былъ бы недоволенъ, естьлибъ тѣмъ отдѣлались они отъ тебя. Ты требуешь отъ нихъ еще гораздо болѣе. Иные должны пахать твои нивы, иные стеречь твои стада, другіе работать на твоихъ фабрикахъ, другіе ткать платья, которыя носишь, или ковры, которыми устилаешь свои комнаты, другіе готовить тебѣ кушанья, другіе разводить виноградъ, котораго сокъ ты пьешь, словомъ: все, что тебѣ надобно — а сколько у тебя надобностей — это должны тебѣ другіе доставлять. Ты одинъ, валяясь, ничего не дѣ-

лаешь — отнюдь ничего инаго, какъ ѣшь, пьешь, танцуешь, цѣлуешь, спишь и велишь себѣ служить — и все это по силѣ твоихъ тридцати талантовъ Аттическихъ, на которые не имѣешь инаго права, кромѣ того, которое даетъ тебѣ общественной договоръ и произтекающіе оттуда Гражданскіе законы — право, которое, какъ я сказалъ, предполагаетъ съ твоей стороны нѣкоторыя обязанности, о свойствѣ коихъ чаятельно не размышлялъ ты никогда въ своей жизни такъ прилѣжно, какъ разсматриваешь всякое утро съ своимъ дворецкимъ поваренную записку. — „

„Мнѣ кажется, Діогенъ, ты забываешь, что все это дѣлаютъ для меня или рабы, которыхъ я за то кормлю,

или вольные, которымъ за то плачу. — „

„Это отнюдь не оправдываетъ еще тебя, милый мой Филомедонъ — Кто даетъ тебѣ право почитать своею собственностію людей, которые отъ природы тебѣ равны? — „законы,„ скажешь ты; — но конечно не законъ Природы, а тѣ законы, которые одолжены своею обязательностію тому же ясному или доразумѣваемому договору, на которомъ утверждается вся Гражданская конституція. Ибо что иное понуждаетъ твоихъ рабовъ къ повиновенію, отъ котораго отказались бы они скоро, естьлибъ не удерживала ихъ толь страшная власть? — и можешь ли себѣ вообразить, чтобъ изъ всѣхъ свободно рожденныхъ, кото-

рые работаютъ на тебя изъ платы, былъ хотя одинъ, которой не желалъ бы отъ того освободиться, естьли бы не дѣлали ихъ добровольными рабами крайнія надобности, или желаніе обогатиться? Не думаешь ли, что большая часть изъ нихъ, вмѣсто того, чтобъ тяжкою работою нѣсколькихъ дней выслуживать у тебя едва десятитысячную часть твоихъ доходовъ, согласились бы гораздо скорѣе почивать на твоемъ мѣстѣ между улыбающеюся Венерою и Бахусомъ, подателемъ радости, на роскошной софѣ, и затридцать талантовъ, которые моглибъ они получать ежегодно безъ малѣйшаго труда — ибо и этотъ трудъ слагаешь ты на своего управителя — нанимать къ

себѣ въ работу десять тысячь другихъ человѣковъ? конечно нѣтъ сумнѣнія, чтобъ большая часть, буде бы смѣли, не сдѣлали того самаго простаго разсужденія, что моглибъ избавить себя отъ этого труда, естьли бы нѣсколько изъ нихъ, согласившись, захватили твое имѣніе насильно. Что иное предохраняетъ тебя отъ сей опасности, кромѣ гражданскаго порядка и покровительства законовъ, отъ соблюденія которыхъ зависитъ вся дѣйствительность того договора. Я работаю на тебя для того, чтобъ ты мнѣ платилъ: — а хотябъ ты и не долженъ былъ опасаться никакого насилія, то тѣ самые люди, у которыхъ вымѣниваешь на малую часть своихъ

денегъ надобности, покойности и роскоши, сталибъ продавать свои товары или работы такою неумѣренною цѣною, что тридцати талантовъ твоихъ едва стало бы на недѣльной обиходъ — естьлибъ не было то опять дѣйствіемъ порядка городскаго, что цѣны работъ и товаровъ не зависятъ отъ воли работниковъ или продавцовъ. И такъ признайся, Филомедонъ, что отъ Гражданскаго общества, котораго ты членъ, получаешь такъ великія, такъ существенныя выгоды, что безъ нихъ мало пользы принесло бы тебѣ все золото Царя Мида. Естьли же это справедливо, то не надобно уже намъ инаго доказательства, что всякой дрягель въ Коринѳѣ имѣетъ болѣе тебя

достоинства. Ибо за скудное содержаніе, которое доставляетъ ему Общество, работаетъ онъ для него; напротивъ того ты, которому даетъ оно на расходы тридцать талантовъ ежегодно, не дѣлаешь для него ничего, или по меньшей мѣрѣ вся твоя услуга Государству есть услуга трутня, съѣдающаго лучшую часть меда, которой съ трудомъ собираютъ работящія пчелы, не дѣлая за то ничего инаго, кромѣ того, что доставляетъ молодыхъ жителей; — и позволь мнѣ сказать, что не дѣлалъ бы ты и этого, естьлибъ прелесть удовольствія не дѣйствовала надъ тобою сильнѣе чувства твоихъ обязанностей къ Обществу. Положимъ, Филомедонъ, еще одинъ случай,

которой такъ возможенъ, что въ самомъ дѣлѣ мы ни на одинъ часъ не увѣрены совершенно, чтобъ онъ не сбылся — удесяти тысячь человѣкъ безспорно девятнадцать тысячь восемь сотъ рукъ болѣе, нежели у ста человѣкъ. Нѣтъ же ничего вѣрнѣе того, что на каждую сотню тебѣ подобныхъ во всей Ахаіи есть по меньшей мѣрѣ десять тысячь такихъ, которые отъ перемѣны въ Государствѣ моглибъ болѣе выиграть, нежели потерять. Итакъ положимъ, что симъ десяти тысячамъ вздумалось бы щесть число своихъ рукъ, и произведеніе ихъ щета было бы то, что превосходствомъ своей силы выгналибъ они васъ изъ вашихъ помѣстьевъ и предприняли бъ новой раздѣлъ. Съ

прекращеніемъ Республики настаетъ опять состояніе Природы. Все возвращается въ первобытное равенство, и словомъ, ты не получилъ бы большаго участка передъ тѣмъ честнымъ ремесленникомъ, которой тебя обуваетъ. Одно это маленькое обстоятельство привело бы тебя въ необходимость либо работать или — довольствоваться такъ малымъ, какъ Діогенъ — и чаятельно одно показалось бы тебѣ также необыкновеннымъ, какъ и другое.

Правда, я положилъ такой случай, котораго, сколь — онъ ни возможенъ, кажется однакожъ по многимъ причинамъ не очень должно опасаться. Но развѣ нѣтъ еще много другихъ случаевъ, которые могутъ тебя лишить

твоего имѣнія. Не видимъ ли мы вседневно примѣровъ такихъ перемѣнъ. Чтожъ сталъ бы ты дѣлать въ такомъ случаѣ? —

По всему этому ясно, что твоя безполезность есть также великое зло для тебя самаго, какъ несправедливость противъ Государства, которому за выгоды, доставляемыя тебѣ отъ него, долженъ ты соразмѣрными услугами, не заботясь о заплатѣ своего долга. — Словомъ, съ какой стороны ни посмотримъ на это дѣло, то сравненіе между тобою и водоносцемъ обращается все въ пользу послѣдняго. —„

32.

„При всемъ томъ, Діогенъ, едва захотѣлъ бы ты быть

лучше водоносцемЪ, нежели ФиломедономЪ. —„

„Ежели сказать тебѣ правду, не желалЪ бы я быть ниоднимЪ, ни другимЪ. —„

„Но поелику уважаешь ты равенство столь много, то за чѣмЪ требуешь отЪ меня столь много, а отЪ самаго себя отнюдь ничего? — Я не вижу, какую услугу дѣлаешь ты Государству. Не упражняешься ни вЪ художествѣ, ни вЪ ремеслѣ, ни вЪ наукахЪ, не пашешь и не насаждаешь, не отправляешь никакой должности: ничего не дѣлаешь, ниже того, что напослѣдокЪ и мнѣ позволилЪ. Ты и не трутень вЪ Обществѣ? ЧѣмЪ оправдаешь свою безполезность? — „

„ЧеловѣкЪ не доложенЪ никому болѣе того, сколько отЪ

него требуется. Я не требую отъ Коринѳянъ и отъ всѣхъ Грековъ и Варваровъ вмѣстѣ ничего болѣе, кромѣ того, какъ тебѣ уже сказалъ, чтобъ позволили мнѣ жить; а по этому и я не долженъ имъ ничего болѣе. У меня нѣтъ помѣстьевъ, нѣтъ доходовъ; мнѣ ненадобны покровительства. Итакъ не вижу, чего могъ бы требовать отъ меня Коринѳъ, или иное какое частное общество на Свѣтѣ. —„

„По меньшей мѣрѣ Синонъ, твоя родина, имѣетъ преимущественное право на твои услуги. —„

„Равнехонько столько, какъ Вавилонъ и Карѳагенъ. — Природѣ угодно было, чтобъ я родился. Итакъ надобно было гдѣ нибудь родиться, все равно на какомъ бы то мѣстѣ

ни было. Господа Синопцы были бы очень неучтивы, естьлибъ не захотѣли позволить моей матери, которая была честная женщина, разрѣшиться мною въ ихъ городѣ. —„

“Но ты получилъ однакожъ воспитаніе въ Синопѣ — развѣ воспитаніе не выгода? — „

„Когда оно хорошо; а я не очень могу хвалиться своимъ. Настоящее воспитаніе получилъ я въ Аѳинахъ у Антисѳена; но за то не большею благодарностію обязанъ Аѳинянамъ; ибо онъ имѣлъ отъ нихъ не болѣе, какъ я отъ Коринѳянъ. Прочимъ и, правду сказать, лучшимъ обязанъ я опыту и себѣ самому. —

“Но развѣ не Синопцы были твои предки? за чѣмъ бы отечеству не имѣть пре-

имущественнаго права на своихЪ ГражданЪ? —"

„На своихЪ гражданЪ? безспорно — но рожденіе не дѣлаетЪ меня гражданиномЪ особливой области, естьли я не хочу тѣмЪ быть. Свободными, независимыми, равными вЪ правахЪ и обязанностяхЪ производитЪ Природа своихЪ дѣтей на свѣтЪ безЪ всякаго инаго обязательства, кромѣ естественнаго сЪ тѣми союза, которыми она даетЪ намЪ жизнь, и того сострастія, которымЪ сводитЪ она людей сЪ людьми. Гражданскія отношенія моихЪ родителей не могутЪ меня лишить естественнаго моего права. Никто невластенЪ меня принудить, чтобЪ я уступилЪ его, пока не требую себѣ выгодЪ отЪ особли-

ваго общества: словомъ, зависитъ отъ моего выбора, хочуль я быть гражданиномъ какого нибудь особаго Государства, или гражданиномъ свѣта? "

„А кого называешь ты гражданиномъ свѣта? — "

„Такова человѣка, какъ я, которой, не имѣя особенной связи съ какимъ либо частнымъ обществомъ, почитаетъ земной шаръ за свое отечество, а всѣхъ тварей его рода, не смотря на случайную разность, происходящую между ими отъ мѣстоположенія, воздуха, образа жизни, языка, нравовъ, градоустройства и собственной пользы, за своихъ гражданъ, или паче за своихъ братьевъ, которые имѣютъ врожденное право на его помощь, когда страждутъ, на его сострада-

ніе, буде онъ не можетъ имъ пособить, на его наставленіе, когда увидитъ ихъ заблуждающихъ, на его сорадованіе, когда они наслаждаются своимъ бытіемъ.

Предразсудки, изключительныя склонности, корыстолюбивыя намѣренія, страсти, увлекающія все въ собственной вихрь, суть обыкновенныя пружины нашихъ дѣяній, пока почитаемъ мы себя только членами какого либо особеннаго общества, и дѣлаемъ свое щастіе зависимымъ отъ того мнѣнія, которое имѣетъ оно объ насъ. Да и то, что въ сихъ особенныхъ обществахъ называютъ добродѣтелію, бываетъ предъ судилищемъ Природы только блестящій порокъ, а тотъ, кому Аѳины или Спарта ста-

вятѣ статуи, будетъ можетъ быть въ лѣтописяхъ Аргоса или Мегары преданъ потомству на омерзѣніе, какъ человѣкъ неправедной и наглой.

Одинъ только гражданинъ міра можетъ имѣть ко всѣмъ людямъ склонность чистую, безпристрастную, неиспорченную незаконною примѣсью. Горячее его сердце, не ослабѣвая отъ частной наклонности, бьется тѣмъ сильнѣе при каждомъ побужденіи на поступокъ человѣчества и благости. Его приверженность, чувствительность распространяется на всю Природу. Съ нѣкимъ родомъ нѣжнаго ощущенія смотритъ онъ на источникъ, утоляющій его жажду, и на дерево, въ тѣни котораго онъ отды-

хаетъ, и первой, кто къ нему подсядетъ, хотябъ онъ происходилъ отъ Гарамантовъ, есть его соотчичь, а естьли по сердцу своему любви достоинъ, другъ.

Сей образъ мыслить и чувствовать изобильно замѣняетъ ему тѣ выгоды, которыхъ онъ лишается, отъ того, что не входитъ въ страсти и намѣренія какого либо особеннаго общества.

Поелику привыкъ онъ, кромѣ необходимаго, чего требуетъ Природа, находить ненужнымъ все прочее, что здѣлали необходимою надобностію любимцамъ щастія покойность и сладострастіе; то ему не трудно жить вездѣ, не отягощая никого. Въ случаѣ нужды работа одного дня доставляетъ ему содержаніе

на цѣлую недѣлю; и Коринѳяне, или Аѳиняне не будутъ никогда столь суровы, чтобъ человѣку безвредному, которой никому не помѣха, возбранили жить въ шалашѣ, или хотя въ пустомъ деревѣ.

Въ самомъ дѣлѣ гражданинъ міра, каковымъ я его изображаю, человѣкъ не такъ безполезной, какъ обыкновенно мечтаютъ. Это ваша вина, естьли вы имъ не пользуетесь; ему нѣтъ выгоды вамъ льстить, заводить васъ въ заблужденіе, укрѣплять въ вашихъ глупостяхъ; отъ паденія вашего нѣтъ ему никакой пользы; кому приличнѣе былобъ говорить вамъ истинны, которыя вамъ наиболѣе нужны — и естьлибъ вы были столь благоразумны, что принималибъ доброй со-

вѣтъ, то часто можнобъ было тѣмъ оказать вамъ важнѣйшую услугу.

На примѣръ, чтобъ ты не совсѣмъ потерялъ у меня свой часъ, хотѣлось бы мнѣ отпустить тебя домой съ маленькимъ наставленіемъ, которое стоитъ по меньшей мѣрѣ десяти талантовъ. Отъ меня могъ бы ты его имѣть ни за что. —„

„Послушаемъ, Діогенъ.

„Тебѣ, Филомедонъ, не болѣе тридцати пяти лѣтъ, ты еще не столько устарѣлъ, чтобъ не могъ сдѣлаться добрымъ человѣкомъ. Отпусти тѣхъ сумазбродныхъ собесѣдниковъ, которые удивляются всему, что ты говоришь, и все одобряютъ, что дѣлаешь, для того, чтобъ раза два или три въ недѣлю наѣсться у

тебя до сына. Употреби только шестую часть дня на пріобрѣтеніе тѣхъ познаній, которыми могъ бы ты сдѣлаться полезнымъ общеспиву. Какъ ты одинъ изъ самыхъ богатыхъ гражданъ, то тебѣ нужнѣе многихъ другихъ, чтобъ то государство процвѣтало, отъ котораго ты получаешь толь большія выгоды, или естьли столько не надѣешься на свою голову, то разсуди, что Природа, раздѣляющая прочіе свои дары: красоту, крѣпость, умъ, дарованіе, какъ и кому хочетъ — предоставила на собственную волю доброту сердца. Благотворительное употребленіе твоего богатства — а случаевъ къ тому найдешь очень довольно, — привело бы тебя въ любовь у твоихъ сограж-

данъ и сдѣлалобъ твое сохраненіе предметомъ общихъ желаній — сталъ ли бы кто еще долго размышлять; купить ли такъ большую выгоду за горсточку золота.

33.

Умный человѣкъ отнюдъ не ненавистникъ радости — пошлите угрюмыхъ, имѣющихъ ввалившіеся глаза, Ипохондріею одержимыхъ негодяевъ, которые утверждаютъ тому противное, къ Демокриту и Иппократу — имъ надобны не опроверженія, а чихательной корень и кровочистительные напитки.

За чѣмъ бы ненавидѣть намъ радости? далиль намъ боги что лучшее, и на что дали они намъ особливо это преходящее существованіе? —

Естьли не было ихъ мнѣнія; чтобъ мы наслаждались имъ вмѣстѣ, — то, говоря чистосердечно — сдѣлалибъ они намъ самый незначущій подарокъ.

Премудрость — добродѣтель — которыя въ устахъ большей части людей имѣютъ толь мало значенія — иное ли что вы, какъ ты вѣрнѣйшій путь къ радости — и ты лучшій способъ наслаждаться ею?

Чего требуетъ строжайшій долгъ отъ верховной Власти въ Государствѣ? кромѣ того, чтобъ она сдѣлала свой народъ благополучнымъ, и естьли она столь щастлива, что можетъ доставить ему безопасность и тишину; ежели ободряетъ раченіе и художества, чтитъ науки, награждаетъ заслуги; естьли благо-

разумными распоряженіями печется о наученіи тѣхъ, въ которыхъ должно воскреснуть вымирающее Государство; естьли она прилагаетъ стараніе о здоровьи народа; естьли во времена изобилія упреждаетъ будущій недостатокъ; естьли опредѣляетъ честныхъ людей блюстителями Закона и чиновниками; естьли тщится сдѣлать общими разумъ, нравы, вкусъ и обходительность — словомъ, естьли не пренебрегаетъ ничего, что можетъ и долженъ дѣлать прямый Отецъ Отечества — и естьли бъ она имѣла столько мудрости, силы, доброй воли и щастія, чтобъ исполнить все это въ вышшей степени совершенства, какую можно себѣ вообразить, то есть, естьли бъ ей возможно

было отвратить отъ своихъ дѣтей все зло, и доставить имъ наслажденіе всякаго добра, которое удѣлили Боги смертнымъ вообще — то что иное сдѣлалабъ сія верховная Власть, какъ привелабъ нѣсколько сотъ тысячь или миліоновъ людей въ такое состояніе, въ которомъ моглибъ они наслаждаться жизнію?

Предметъ каждой общенародной, или частной, добродѣтели тотъ, чтобъ поспѣшествовать какому нибудь добру, или отвратить какое ни есть зло, или удовлетворить за оное — и естьли разберете это зло и добро, то первое превратится всегда въ скорбь, а послѣднее въ удовольствіе. — За чѣмъ трудолюбивый хозяинъ дома потѣетъ цѣлыя недѣли надъ своею работою

съ тяжкимъ трудомъ? — Для того, чтобъ въ праздничной день совершенно предаться радости съ своими домашними.

Утомленный поденщикъ пропѣваетъ, надрываясь, чувство бѣдственной своей жизни — съ роскошью, неизвѣстною любимцамъ Плутона, открываетъ онъ, повалясь подъ тѣнистое дерево, загорѣвшую отъ солнца грудь свою, прохлаждающему Зефиру, и буде нечаянно подойдетъ къ нему смуглая дѣвушка, питающаяся собираніемъ кореньевъ, то оба забываютъ въ шуткахъ, невиннѣе можетъ быть вашихъ, знатоки самаго вѣжливаго рода жизни; — что есть люди, которые кажутся щастливѣе, нежели они чувствуютъ себя въ тѣ минуты.

Непенөа, съ которою пьемъ мы сладкое забвеніе всей настоящей скорби, всей прошедшей горести, всѣхъ заботъ о будущемъ — есть радость.

Сколь нещастны были бъ девяносто девять изо ста частей человѣческаго рода, естьли бы сострадательная Природа не вмѣшивала отъ времени до времени въ тягости ихъ жизни по нѣскольку капель изъ этого волшебнаго кубка.

Мы Греки такъ увѣрены въ томъ, что радость есть высочайшее добро смертныхъ, что когда ни встрѣчаемся между собою, не умѣемъ ничего лучшаго желать, кромѣ радости.

Итакъ какой тотъ человѣкъ, которой не хочетъ терпѣть, чтобъ мы жертвовали

этой благотворительной богинѣ? Онъ боленъ, какъ я сказалъ, или — что нибудь еще хуже — плутъ.

Естьлибъ могъ я подавать совѣты Князю, то не препоручалъ бы ему ничего усерднѣе, какъ — привести свой народъ въ веселое расположенiе. Недальновидные люди не понимаютъ, сколь много зависитъ отъ этого одного обстоятельства.

Веселой народъ дѣлаетъ все, что должно дѣлать, бодрѣе, съ большею охотою, нежели глупой — или унылой и — (между нами сказано: вы Пастыри Народовъ) — терпитъ въ двадцать разъ болѣе, нежели другой; Ваши Величества можете смѣло сдѣлать тому опытъ. —

Когда Аѳиняне въ духѣ, то занимаясь комедіею, или новою танцовщицею, или новою веселою пѣсенкою, забываютъ досаду о проигранной баталіи, или худомъ управленіи общественныхъ доходовъ. Алкивіадъ дѣлалъ съ ними, что хотѣлъ, знавъ уловку забавлять ихъ ежечасно новыми шутками, которыми занявшись забывали они то зло, которое онъ имъ причинялъ — тѣсните насъ все понемножку — мы сдѣлалибъ тоже на вашемъ мѣстѣ; но не раздражайте нашего терпѣнія, запрещая намъ прогонять шутками часть нашихъ хлопотъ. Это значилобъ сугубить наше бремя безъ малѣйшей выгоды съ вашей стороны; а это былобъ, давая тому на-

званіе самое мягкое, очень сурово.

Веселой народъ, народъ чувствительной къ остротѣ и забавной шуткѣ, можно управлять гораздо легче, нежели унылой; и несравненно менѣе склоненъ онъ къ смятеніямъ, непокорству и государственнымъ перемѣнамъ. Изувѣрство и политическое бѣснованіе, сіи чудовища, кои могутъ причинить въ народѣ преужасное нещастіе, не найдутъ свободнаго доступа къ такому народу, или потеряютъ у него всю свою силу вредить. Естьли какой угрюмецъ возметъ себѣ въ голову человѣконенавистныя бредни, то прогонятъ ихъ шутками, насмѣшками — и забудутъ. Тѣже бредни въ народѣ стра-

ждущемъ селезенкою, при умѣренномъ стеченіи поспѣшествующихъ обстоятельствъ, произвели бы въ умахъ всеобщее волненіе, причинилибъ неустройства и раздоры, подвергнулибъ опасности Конституцію Государства, и похитилибъ по меньшей мѣрѣ полдюжины лучшихъ головъ. —

„Это худой знакъ, сказалъ старой Демокритъ, когда добродѣтель въ народѣ приметъ на себя видъ степенной и брюзгливой; какой нибудь непріязненной Демонъ паритъ надъ нимъ, распростерши крылья обремененныя нещастіемъ. Я не Терезій, присовокупилъ онъ къ тому, но прорицаю такому народу съ надежнѣйшимъ удостовѣреніемъ, что будущее не об-

личитѣ меня во лжи. Бѣдной народѣ! ты будешь глупѣ, и вѣ варварствѣ станешь питаться гущею и волчцемѣ, и принужденѣ будешь терпѣть то, отѣ чего ужасается Природа и разумѣ — и когда увидишь, что обольстители, которыхѣ лицемѣрнымѣ видомѣ былѣ ты обманутѣ, проживаютѣ дни свои вѣ праздности и сластяхѣ, высасываютѣ тукѣ твоей земли, и развращаютѣ твоихѣ женѣ и дочерей; то сомкнешь глаза и будешь молчать, или же станешь открывши глаза смотрѣть, однакожѣ молчать, и принужденѣ будешь согласиться, что ты ничего не видѣлѣ. —

Повѣрьте мнѣ добрые люди: но какая мнѣ вѣ томѣ нужда? повѣрьте своему чув-

ству; естьли попустите его усыпить, то не моя въ томъ вина — добродѣтель, она, мать лучшихъ радостей, непротивна никакой безвинной радости.„

„А какія радости безвинны? —

Ты о томъ меня спрашиваешь, Діофантъ? развѣ у тебя нѣтъ чувствъ, остроты, сердца, сострастнаго ощущенія? развѣ ты несроденъ къ безкорыстной склонности? развѣ не можешь ничего любить, кромѣ себя? Такъ скажу по меньшей мѣрѣ, какія радости невинны. За чѣмъ ты краснѣешь? не боишься ли, что припомню тебѣ о софѣ добродѣтельной Лизистраты? не опасайся ничего! — Желалъ бы я, чтобъ слѣдующія изъ твоихъ тай-

ныхъ радостей были самыя виновныя. — Радость о вредѣ ближняго, Діофантъ, радость видѣть, какъ нещастной, котораго ты гонишь, валяется у ногъ твоихъ, радость, что удалось тебѣ подавить въ самомъ началѣ достоинство, которому ты завидуешь, оклеветать добродѣтель, которая тебя помрачаетъ, радость, что низкими уловками вошелъ въ довѣренность вельможи, или что хитростію унесъ наслѣдство старой дуры изъ передъ голоднаго рта неимущихъ родственниковъ, радость дѣлать зло, дабы, какъ ты хочешь, увѣрить, послѣдовало изъ того добро. Клянусь тебѣ, Діофантъ, всѣми богами и богинями, что сіи радости, хотя бы онѣ были твои, гораздо менѣе невинны, нежели была

радость тѣхъ молодыхъ Вакхантовъ, которыхъ сего дня поутру застало восходящее солнце за пляскою и музыкою, съ полными стаканами и утомленными дѣвушками.

34.

Ты не понимаешь, Еврибадъ, что значитъ эта апологія радости, которой не ожидалъ ты изъ устъ Діогена. Тебѣ кажется, что мнѣ было бы отъ того весьма мало убытку, естьли бъ самые степенные люди, которые ставятъ себѣ въ заслугу то, что никогда въ своей жизни не смѣялись, взяли верхъ на свѣтѣ.

Ошибаешься можетъ быть, Еврибадъ — ибо они захотѣли бы меня лишить моей веселости. А естьли бъ могли

они это сдѣлать, то пусть лишили бы меня еще и жизни; я бы не далъ за нее уже бобовины.

Но въ самомъ дѣлѣ [я думалъ при томъ не столько о себѣ самомъ, какъ о вашихъ дѣтяхъ и внукахъ — я размышлялъ самъ въ себѣ, что послѣдовало бы изъ того, естьли бы нѣкоторая партія сѣдобородыхъ въ вашемъ Совѣтѣ поставила на своемъ, которая денно и ночно жалуется на порчу нравовъ и, какъ слышу, что сдѣлала недавно предложеніе изгнать изъ Коринѳа всѣхъ людей обоего пола, которые питаются тѣмъ, что доставляютъ удовольствіе другимъ. Всѣ храмы и капища, гдѣ приносится жертва богамъ радости, должны быть заперты; всѣ комедіанты и

мимики, танцовщицы, свирѣльницы высланы въ одинъ день изъ города, естьлибъ послѣдовать въ томъ строгому мнѣнію сихъ господъ, которые не любятъ уже воспоминать о собственной своей молодости, и можетъ быть несправедливо возненавидѣли такія увеселенія, къ которымъ сдѣлала ихъ неспособными старость, или прежняя неумѣренность.

Признаюсь тебѣ, Еврибадъ, что я изгналъ бы такія веселыя труппы изъ моей Республики, или паче не впустилъ бы ихъ, коль скоро найду случай учредить Республику по своей волѣ — но должно ли вамъ изгнать ихъ изъ Коринѳа? это иной вопросъ.

Периклы и Сократы, самые умные и лучшіе люди въ Аѳинахъ, собирались по вечерамъ

у прекрасной Аспазіи; говорили о важныхъ дѣлахъ съ тѣмъ веселымъ тономъ, которой прогоняетъ скуку и бездѣлки; становились важными отъ острыхъ мыслей и веселаго духа. Прекраснѣйшія идеи, преумныя намѣренія изобрѣтали въ этомъ обществѣ, котораго предметомъ было, кажется, только отдохновеніе и препровожденіе времени, и Аспазія часто находила средства непримѣтно соединять отдаленныя сердца, или прекращать маленькія несогласія, которыя моглибъ со временемъ обратиться во вредъ Республики. Вкусной ужинъ совершенно располагалъ сердца къ обходительности и радости; маленькіе покалы, увѣнчанные розанами, поощряли къ Аттическимъ шуткамъ и пріятно-

му смѣху; Философія научалась у Граціи шутить; говорили о такихъ дѣлахъ, которыя достойны были, чтобъ Ксенофонтъ ихъ написалъ, пока Музы въ образѣ милыхъ молодыхъ дѣвушекъ оканчивали сцену пѣніемъ и танцами. — —

Скажи мнѣ теперь, Еврибадъ, лучше ли — былобъ въ Аѳинахъ, естьлибъ выслали прекрасную Аспазію съ ея дѣвушками, и принудили Перикловъ и Сократовъ провождать вечера степеннѣе.

Думаешь ли, что Греція была бы столь изобильна хорошими статуями и картинами, тѣми мастерскими произведеніями идеальныхъ красотъ, которыя возводятъ умъ къ понятіямъ о надземномъ совершенствѣ; естьли бы не бы-

ло Өеодотъ, Фринъ, Данай и подобныхъ имъ, которымъ не возбраняла благопристойность способствовать красотою своею къ приращенію искуства?

А изгнавъ изъ предѣловъ нашихъ Музъ и веселыхъ Грацій, какими забавами замѣнимъ ихъ увеселенія? Отнюдь никакими. — Такъ надобно бы, чтобъ мы могли передѣлать человѣческую природу. Скиөскіе пиры и Өракійскія радости займутъ мѣсто прогоняемыхъ вами.

Острота ваша скоро притупится; нравъ сдѣлается суровымъ и необходительнымъ; добродѣтель ваша будетъ дика, угрюма и нелюдима. Вы преградите вашему юношеству случай къ распутствамъ; но не повинуясь вашимъ Нравоучителямъ, станетъ оно по-

мышлять о замѣнахъ, которыя будутъ въ десятеро пагубнѣе вамъ и Государству. Иностранцы выѣдутъ изъ вашего города, въ которомъ не будетъ уже ничего приманчиваго для нихъ, а праздная часть вашихъ гражданъ, у которой отнимите самыя безвредныя средства занимать свою безполезность, станетъ тайно собираться въ маленькія частныя общества, и начнетъ отъ скуки критиковать Правленіе по ложнымъ понятіямъ; будетъ заводить ковы и бредить о Государственныхъ перемѣнахъ.

Мнѣ, какъ ты сказалъ, нѣтъ никакого убытка отъ всего этого, но обдумавъ все, кажется лучшебъ вамъ удержать своихъ комедіантовъ, мимиковъ, фигляровъ, пѣвицъ

и — съ маленькими неудобствами, каковыми сопровождается ихъ существованіе. Есть двадцать средствъ положить предѣлъ тѣмъ распутствамъ, въ которыя заводитъ любовь къ увеселеніямъ; но къ отвращенію тѣхъ золъ, которыя найдутъ на васъ, когда сошлете въ ссылку Музъ и Грацій съ ихъ свитою боговъ любви, шутокъ и радостей, не знаю инаго средства, развѣ — должно бы вамъ согласиться передѣлать свою Республику по образцу Спартанской, — или Платоновой, — или моей; — и въ томъ нашлибъ вы нѣкоторыя затрудненія.

35.

Что я думаю о тѣхъ людяхъ, которые все рѣшатъ

въ умозрѣніи, никогда не сумнѣваются, и не хотятъ признаться, что о нѣкоторыхъ вещахъ знаютъ не болѣе насъ — о тѣхъ людяхъ, которые бесѣдуютъ съ вами по цѣлой недѣли о сущесшвахъ и естесшвахъ, объ атомахъ и одночастностяхъ, о полнотѣ и пустотѣ, о духѣ и веществѣ, о причинахъ и намѣреніяхъ, и описываютъ вамъ неизвѣстныя земли; ихъ положеніе, величину, длину, ширину, состояніе воздуха, теплоту и стужу, ихъ произведенія: растѣнія, звѣрей, жителей, образъ ихъ жизни, устройство, прежнія и будущія приключенія и проч. съ такою точностію и смѣлостію, какъ будто бы теперь лишь прибыли оттуда на кометѣ, или богъ вѣдаетъ на

какой другой чудесной повозкѣ? — Что я объ нихъ думаю.

Нѣкогда слышалъ я, какъ въ пестрой Аѳинской палатѣ говорилъ такой много знающій пустомѣля цѣлые два часа о таинственныхъ числахъ Пиѳагора. Мы всѣ слушали съ великимъ благоговѣніемъ, не понимая ничего; однакожъ Пиѳагорецъ не остался безъ большаго одобренія, онъ обѣщалъ говорить на другой день также долго и также учено о семи сферахъ, и объ осьмой сферѣ, и удивительныхъ вещахъ, находящихся надъ осьмою сферою. Я смѣялся своему дурачеству; но изъ глупаго любопытства знать, что можно будетъ сказать такому человѣку о такихъ вещахъ, рѣшился потерять еще два часа и десять

драхмѣ — это будутѣ послѣднія драхмы, сказалѣ я, когда онѣ кончилѣ, которыя трачу за извѣстія о вещахѣ надлунныхѣ, хотябѣ я прожилѣ долѣе Тифона.

Спустя нѣсколько дней огласилѣ я во всхѣ Аѳинахѣ, что не давно прибылѣ Халдейской мудрецѣ, которой вѣ назначенное время будетѣ говорить публичную рѣчь вѣ Керамикѣ.

Собралось удивительное множество народа. Я нарядился, сколько возможно лучше, Халдеемѣ: длинная бѣлая борода и епанча, сѣ изображеніемѣ всѣхѣ животныхѣ звѣзднаго неба, произвели прекрасное дѣйствіе. — Увидѣвѣ меня, томились ожиданіемѣ неслыханныхѣ вещей; всѣ замолкли, когда я началѣ похарки-

ваты. И такЪ я началЪ и говорилЪ: — Даю вамЪ сроку десять дней или десять Олимпіадъ, буде угодно, отгадайте, о чЁмЪ я говорилЪ — скорЁе отгадаете все иное. Я говорилЪ о лунномЪ человЁкЁ. —

Я не оставилЪ предуготовить слушателей вЪ началЁ своей рЁчи кЪ тому, что имЪ сказано будетЪ, такою важною выступкою, что едва могли они дождаться, пока я дЁйствительно приступилЪ кЪ дЁлу; но еще долженЪ смЁяться, когда представлю себЁ то комическое выраженіе удивленія, изумленія, нетерпЁливости и двадцати другихЪ страстей, которое усмотрЁлЪ я вЪ презабавной смЁси безчисленныхЪ изковерканныхЪ лицЪ, когда обЪ-

явилъ, что буду бесѣдовать о лунномъ человѣкѣ. —

Смотрѣли одинъ на другаго и роптали. — О лунномъ человѣкѣ! — всѣ походили на такихъ людей, которые сильно обманулись въ своемъ ожиданіи. — О лунномъ человѣкѣ! —

Конечно о лунномъ человѣкѣ, вскричалъ одинъ, не давая меня привести въ робость, о самой чудесной, важной и таинственной матеріи, о каковой когда либо говорилъ смертной къ смертному; о лунномъ человѣкѣ!

Этотъ старикъ дуракъ, вскричалъ одинъ довольно громко, или насъ щитаетъ дураками. — Можетъ быть и то и другое, думалъ я.

Третья часть собравшихся казали видъ, что хотятъ разойтись — съ умомъ ли вы!

вскричалъ имъ старой чеботарь со впалыми глазами, которой самъ походилъ на человѣка родомъ изъ какой нибудь планеты: можноль вамъ было меньше ожидать отъ Халдейскаго мудреца? Надобно его выслушать, а по томъ судить; я наглядѣлся на людей: въ немъ кроется нѣчто, чего рожа его не обѣщаетъ, и точно для того, что матерія, о которой онъ хочетъ говорить, кажется вздорна, отвѣчалъ бы я своею головою, что тутъ кроется тайна. Кто вѣдаетъ — словомъ, я хочу познакомиться съ луннымъ человѣкомъ — другіе могутъ также дѣлать, что угодно. —

По видимому большая часть собранія думала то же самое, что сказалъ чеботарь, — и

шумъ, продолжавшійся нѣсколько времени, кончился тѣмъ, что каждой остался, и хотѣлъ по меньшей мѣрѣ слышать, что можно будетъ сказать о лунномъ человѣкѣ.

Я продолжалъ, сколько могу припомнить, почти слѣдующимъ образомъ: —„

„По тому, что я объявилъ вамъ, господа Аѳиняне, кажется, не льзя ожидать ничего справедливѣе того, чтобъ я сдѣлалъ вамъ прежде всего такое изъясненіе о томъ, что должно разумѣть подъ луннымъ человѣкомъ, посредствомъ коего могъ бы каждой, когда волнистое движеніе тоновъ, изъ которыхъ состоитъ это имя, произведетъ потрясеніе въ барабанной его перепонкѣ, сопрягать съ нимъ то опредѣленное понятіе, ко-

торое не принадлежитъ отнюдь никому иному, кромѣ луннаго человѣка.

„Съ перваго взгляда весьма справедливое требованіе, но въ самомъ дѣлѣ, господа Аѳиняне, такое требованіе, которое такъ трудно удовольствовать, что вы моглибъ также легко приказать мнѣ, чтобъ я вычерпалъ Океанъ покаломъ и — естьли бы это было вино *Ѳазоское*, выпилъ за ваше здоровье.„

„Есть много вещей на свѣтѣ, въ которыхъ съ перваго взгляда кажется нѣтъ нималѣйшей трудности; мы думаемъ, что такъ хорошо ихъ знаемъ, какъ мать родившую насъ. Но когда дойдетъ до того, чтобъ отворить ротъ, и сказать объ нихъ что нибудь умное, то

человѣкъ бываетъ почти въ необходимости затворить его опять, безъ всякаго успѣха, какъ бы онъ его ни разинулъ; такъ, на примѣръ, можно сказать: станемъ говорить о лунномъ человѣкѣ, или скажи намъ что нибудь о лунномъ человѣкѣ; но я ссылаюсь на ваше собственное чувство, каково былобъ вамъ на сердцѣ, естьлибъ вы обязались говорить о томъ, что не подлежитъ чувствамъ, чего нельзя понять чувствами. Говоря чистосердечно, хотя обязанъ я, какъ Философъ, не показывать никогда никакой недовѣрки ко всеобщей чести и вѣрности моихъ познаній; однакожъ нахожусь въ нѣкоемъ затрудненіи, говорить ли мнѣ прежде о дѣйствительности луннаго человѣка,

или о его возможности; — чтобъ могъ онъ быть дѣйствителенъ, надобно ему быть возможнымъ; а чтобъ онъ былъ возможенъ, надобно, чтобъ онъ могъ быть дѣйствителенъ. Въ этомъ-то и вся трудность. Ежели скажу, что лунной человѣкъ возможенъ, то либо ничего не думаю при томъ, что говорю — что конечно покойнѣе всего — или предполагаю въ самомъ дѣлѣ, что онъ есть; ибо могъ ли бы я иначе сказать, что онъ возможенъ. Это точнехонько тоже, когдабъ я сказалъ, что лунной человѣкъ синій, или носастой, или, что онъ доброй человѣкъ; ибо при всемъ томъ предполагаю, что лунной человѣкъ есть. Иначе смѣшно было бы сказать, что онъ это, или

то, и въ самомъ существѣ сказано было бы только, что вещь, которой нѣтъ, есть нѣчто. Естьли съ другой стороны скажу, что лунной человѣкъ дѣйствителенъ, то предполагаю его возможность, о которой однакожъ не могу ничего сказать достовѣрнаго, пока ее не изслѣдую; — а естьли изслѣдую, то вдругъ опять буду въ томъ premерзскомъ кругѣ, въ которомъ вѣчно верчусь отъ возможности къ дѣйствительности, и отъ дѣйствительности къ возможности, пока напослѣдокъ голова у меня такъ закружится, что потеряю изъ виду весь свѣтъ, луннаго человѣка и собственную свою малость. При такихъ обстоятельствахъ не знаю я для васъ и для себя инаго сред-

ства, какъ либо отговориться глупымъ: *non liquet* — а я лучше хотѣлъ бы потерять голову, нежели согласиться на это — или съ розмаху, и съ возможною смѣлостію утверждать неотмѣнно, что лунной человѣкъ такъ же существуетъ, какъ Гермесъ Трисмегистъ, или какой нибудь иной человѣкъ на свѣтѣ, и тѣмъ паче, что нѣтъ никакого другаго человѣка на свѣтѣ, противъ котораго не льзя былобъ произвесть тѣхъ же сумнѣній. Въ такомъ уваженіи признаюсь, что доказательство глубокомысленнаго Гераклита все еще наиболѣе удовлетворяетъ меня, которой, чтобъ вдругъ вытти изъ хлопотъ, говоритъ: что лунной человѣкъ существуетъ; ибо иначе могъ ли

бы онъ быть луннымъ человѣкомъ!

„Выпутавшись такимъ образомъ изъ перваго затрудненія, должны мы рѣшить второй большой вопросъ: естьли лунной человѣкъ существуетъ, то что онъ такое? —„

“Здѣсь, государи мои, отворяю вамъ вороты Метафизической бездны. Непроницаемая мрачность, кажется, на вѣки останавливаетъ испытательные наши взоры; но не робѣйте: мы до тѣхъ поръ будемъ въ нее заглядывать, пока что нибудь увидимъ. — Здѣсь открываю вамъ тайну: ваши Философы разсердятся; но мнѣ до того нѣтъ нужды. Извольте только все заглядывать, государи мои. У насъ нѣтъ инаго средства дѣлать

открытіе in terra incognita (въ неизвѣстной землѣ). —

„Вы еще ничего не видите? — Хорошо: инъ приведемъ сперва свои глаза въ надлежащее расположеніе. Послушайте! когда впервые вздумалъ я заниматься Луннымъ человѣкомъ, не зная, какъ начать, то ходилъ ко всѣмъ Философамъ и спрашивалъ ихъ, что они знаютъ объ немъ. — Лунной человѣкъ, сказалъ первой, къ которому я пришелъ: его не такъ легко узнать; но естьли ты рѣшился испытать этого удальства, то нужнѣе всего доискаться, что онъ такое — и каковъ онъ. —

— Въ томъ — то и дѣло состоитъ, сказалъ я.

Я ходилъ изъ дома въ домъ, чтобъ услышать, что

будутъ мнѣ отвѣчать на сіи вопросы, и тутъ узналъ — справедливость старинной пословицы; кромѣ того, что дѣйствительно нашелъ гораздо болѣе умовъ, нежели головъ. —

Лунный человѣкъ не настоящій человѣкъ, сказали нѣкоторые: можнобъ также сказать, лунная женщина. хотя, говоря правильно, онъ ни мущина, ни женщина, — ибо естьлибъ дѣйствительно былъ онъ мущина, то надобнобъ ему имѣть жену, иначе былобъ его мужество безъ достаточнаго основанія; а объ лунной женщинѣ, или женѣ луннаго человѣка никогда не слыхано и такъ и проч.

„Правда, что у него нѣтъ ничего подобнаго намъ, сказалъ другой; это не возможно, говорилъ третій: надобно,

чтобъ онъ все походилъ болѣе на насъ, нежели на устрицу, или на Титана Keратофитона. —„

„Я докажу свое положеніе, возразилъ первой. Все подлунное не есть лунное, и на изворотъ, и должно быть причинѣ, за чѣмъ оно подъ луною, а не паче въ лунѣ, гдѣ можетъ быть ему былобъ также хорошо; — всѣ же люди согласны въ томъ, что лунной человѣкъ — въ лунѣ. —„

„Ежели онъ въ лунѣ, то уступаю, перебилъ ему рѣчь послѣдній, но смѣло утверждаю, что можетъ быть двѣ трети года бываетъ онъ въ Венерѣ, или, что по меньшей мѣрѣ, бываетъ тамъ зимою, которая въ лунѣ, чаятельно, холодна. —„

„Тьфу! сказалъ тотъ, какъ можете вы это доказать, когда въ теплѣ и стужѣ нѣтъ ничего абсолютнаго, *absolu*? устроеніе луннаго человѣка естественно сообразно его мѣсту пребыванія, и поелику оно, какъ извѣстно всѣмъ Астрономамъ, сыро и студено, то и лунной человѣкъ долженъ быть неотмѣнно флегматикъ, и естьли онъ таковъ, то и непонятно, что сталибъ съ нимъ дѣлать въ Венерѣ, которая есть планета любви."

„Сіи господа очень смѣло говорятъ о добромъ лунномъ человѣкѣ, однакожъ я увѣренъ, что о немъ знаютъ они не болѣе моего, то есть почти ничего; ибо утверждаю, что надобнобъ имѣть по меньшей мѣрѣ одно лишнее

чувство, сверхъ пяти или шести, которыя у насъ есть, чтобъ можно было получить о немъ точную идею. Говоря по нашему, онъ ни великъ, ни малъ, ни горячь, ни холоденъ, ни киселъ, ни сладокъ, ни бѣлъ, ни черенъ. — Онъ — самъ знаетъ, каковъ. —„

„Мнѣніе сего послѣдняго клонилось очевидно къ Скептицизму, которой издревле былъ намъ догматикамъ такъ ненавистенъ, какъ Философія Гимнософистовъ цеха портныхъ. Между тѣмъ какъ, по всему сказанному мнѣ отъ мудрыхъ мужей, не узналъ я о семъ дѣлѣ ни болѣе ни менѣе прежняго, то рѣшился сдѣлать опытъ, до чего можетъ довести меня въ этой

крайней темной матеріи собственное мое размышленіе. —„

„Ежели то справедливо, сказалъ я самъ себѣ, что каждая вещь есть то, что она есть, то могу безъ малѣйшаго сумнѣнія положить за основаніе, что лунной человѣкъ въ лунѣ. Я тѣмъ уже много выигралъ, естьли вы должны мнѣ будете въ томъ уступить, ибо слѣдовательно онъ

Не въ Меркуріи,
Ни въ Марсѣ,
Ни во Млечномъ пути,
Ни въ Эфирномъ небѣ,
Ни въ пустотѣ,
Ни въ Хаосѣ; — но дѣйствительно человѣкъ лунной, и по тому самому

Ни рыба,
Ни птица
Ни водоземное,

Ни насѣкомое.

Не можетъ ни плавать, ни летать; —

Однакожъ въ подлинности сего послѣдняго не хотѣлъ бы я ручаться; ибо станется, что въ лунѣ можно плавать безъ плавательныхъ перьевъ, летать безъ крыльевъ, или хотябъ у него были крылья и плавательныя перья, то тѣмъ не менѣе былъ бы онъ лунной человѣкъ. —

Не смѣю также опредѣлить по одному его сходству съ самимъ собою, питается ль онъ

Ѣдою и питьемъ, такъ какъ мы, или воздухомъ, какъ райская птица, или солнечнымъ сіяніемъ, какъ Фениксъ, или идеями, какъ Платоновы духи?

Размножаетъ ли онъ свой родъ, или нѣтъ, и въ первомъ случаѣ

надобна ли ему самка его роду, или можетъ онъ обойтись самъ собою, какъ наша улитка.

Распложается ль онъ кореньями.

или луковицами,

или почками,

или отпрысками,

или яицами,

или живыми дѣтищами,

или можетъ быть все остается, какъ Фениксъ, въ своемъ родѣ, и отъ времени до времени воскресаетъ изъ своего пепла? —

Длиненъ ли онъ, или коротокъ;

тученъ, или сухощавъ;

бѣлокуръ; или смуглъ,

добронравенъ, или злонравенъ;

ученъ, или невѣжа;

хорошій, или худой стихотворецъ;

хорошо ли танцуетъ;

хорошо ли ѣздитъ верхомъ;

хорошо ли играетъ въ кадриль, и проч.

На всѣ сіи и на двадцать вопросовъ сего рода, которые всякъ можетъ сдѣлать и съ самою умѣренною степенью остроты, опасаюсь не льзя будетъ точно отвѣчать, пока не найдемъ средствъ — узнать короче луннаго человѣка; хотя вообще не противно мнѣ думать, что ему — естьли онъ такъ уединенъ въ лунѣ, какъ обыкновенно предполагаютъ — бываетъ частенько скучно, и что онъ вообще

человѣкъ не самаго пріятнаго расположенія, ни веселаго обхожденія. — „

„Однако, какъ сказано, государи мои, честь, основательно разрѣшить всѣ проблемы, какія только придумать и предложить можно о часто упоминаемомъ лунномъ человѣкѣ, предоставлена единственно тому изъ нашихъ Философическихъ удальцовъ, которой по остроумію или щастію откроетъ дорогу въ луну, буде такая есть, или ежели нѣтъ, проложитъ самъ себѣ дорогу, и, что кажется по меньшей мѣрѣ также нужно, возвратится оттуда, пробывши тамъ столько времени, чтобъ можно было сдѣлать достаточное число наблюденій, предполагается однакожъ, что вездѣ можно съ помощію

такихъ чувствъ, какъ наши, сдѣлать какое нибудь открытіе о такомъ человѣкѣ, каковъ лунной человѣкъ. —„

„Вы видите, добрые Аѳиняне, что я не употребилъ во зло вашего вниманія, и, естьли все хорошенько разобрать, сдѣлалъ можетъ быть болѣе, нежели сколько по справедливости могли вы отъ меня ожидать. Не многіе изъ товарищей моего цеха, изъяснились бы такъ чистосердечно, и употребили столь мало околочностей, чтобъ дать вамъ выразумѣть ученымъ образомъ, что не знаютъ, что говорятъ. —„

„Впрочемъ надѣюсь, что и луннаго человѣка, кто бы онъ ни былъ, я никакъ не оскорбилъ тѣмъ, что о немъ сказалъ, или паче не сказалъ;

станется, что онъ почелъ бы себя обиженнымъ, естьлибъ я былъ столь безстыденъ, что сдѣлалъ бы объ немъ систему, и съ обыкновенною смѣлостію моихъ собратій сталъ доказывать предъ вами его фигуру, цвѣтъ, расположеніе органовъ, способности, нравы, родъ жизни, вѣру, словомъ: всѣ его внутреннія и внѣшнія назначенія. — Но я могъ ли сказать о немъ что невиннѣе, какъ — совсѣмъ ничего? „

Симъ кончилась моя рѣчь, и я спрятался за сцену, чтобъ тѣмъ безпрепятственнѣе видѣть, какое дѣйствіе она произведетъ. Мои Аѳиняне, которые чаятельно думали, что лучшее послѣдуетъ еще впередъ, дѣлали преглупыя рожи, видя, что они

обманулись въ своей надеждѣ. Нѣсколько минутъ сряду стояли они остолбенѣвши, обратя глаза и полуотверстые рты къ театру, гдѣ стоялъ халдей; но когда совершенно удостовѣрились, что нѣчего болѣе ожидать, то вдругъ поднялся смѣшенной ропотъ, которой становился отъ часу больше, и напослѣдокъ превратился въ общую суматоху. —

— Каждой сказывалъ и утверждалъ свое мнѣніе объ этомъ дѣлѣ; о намѣреніи, какое Халдей могъ имѣть въ своей рѣчи, хорошо ли, или худо говорилъ онъ, о его видѣ, бородѣ, напослѣдокъ о самомъ лунномъ человѣкѣ, и кого подъ нимъ разумѣлъ; ибо что тутъ скрывалась тайна, это признавали за

подлинное. Мятежъ усиливался, сдорили, кричали, всѣ подавали голоса вдругъ, и какъ многіе, которые не могли такъ хорошо управляться съ доводами и заключеніями, были тѣмъ плечистѣе и ширококостнѣе, то напослѣдокъ подрались; словомъ: лунной человѣкъ чуть не произвелъ общаго смятенія въ Аѳинахъ — какіе ребята Аѳиняне, вскричалъ одинъ изъ умнѣйшихъ, убравшись заранѣе; развѣ еще не примѣчаете, что Халдей не имѣлъ инаго намѣренія, какъ потѣшиться надъ вами и вашими Философами?

36.

Въ прекрасной осенній день лежалъ я подъ кипарисомъ въ *Крангонѣ*, и наслаждался

солнечнымъ сіяніемъ, которое такъ пріятно старымъ людямъ въ то время года, но мнѣ непримѣтно помѣшалъ заниматься бреднями, которымъ я обыкновенно предаюся, когда не о чемъ думать. Одинъ незнакомой, которой подходилъ ко мнѣ, въ провожаніи нѣсколькихъ другихъ, которые, казалось, были нѣсколько получше его рабовъ, однакожъ неровные ему. Этого сперва я не уважалъ; но когда онъ заговорилъ со мною, то я началъ примѣчать, что кто-то стоитъ между мною и солнцемъ.

Ты ли, сказалъ онъ, окинувъ меня глазами съ такою смѣлостію, которую называютъ между простыми людьми безстыдствомъ. —

Ты ли тотъ Діогенъ, о котораго характерѣ и причудахъ разсказываютъ во всей Греціи?

Теперь разсматривалъ и я своего гостя нѣсколько пристальнѣе, нежели сначала.

Онъ былъ пригожій, молодой человѣкъ, средняго роста, но статенъ, кромѣ только того, что голова у него нѣсколько склонялась на лѣвое плечо; онъ имѣлъ широкой лобъ, большіе сверкающіе глаза, которыми проницалъ и въ душу; щастливые черты лица и такой видъ, въ которомъ гордость и надѣяніе на себя самаго, смягченныя нѣкоторою Граціею, составляли то, что обыкновенно называютъ величествомъ въ Короляхъ — я примѣтилъ, что онъ имѣлъ на себѣ Діади-

му, которая подавала ему право къ такому виду, но притворился, будто того не усмотрѣлъ.

А ты кто, отвѣчалъ я съ холодною кровію, что думаешь имѣть право меня такъ спрашивать?

Я только Александръ, сынъ Филиппа Македонскаго, отвѣчалъ юноша съ улыбкою. Признаюсь, что теперь не много, но сколько могу, готовъ служить Діогену. Знавъ, что ты ко мнѣ не придешь, пришелъ я самъ сказать тебѣ, что поставилъ бы за удовольствіе привесть твою Философію въ покойнѣйшее состояніе. Требуй отъ меня, чего хочешь. Это будетъ немедленно исполнено, развѣ бы то было сверхъ моихъ силъ.

Ты обѣщаешь мнѣ это царскимъ своимъ словомъ, сказалъ я.

Даю тебѣ свое слово, отвѣчалъ онъ.

Такъ, сказалъ я, прошу Александра сына Филиппа Македонскаго — чтобъ пожаловалъ не заслонялъ мнѣ солнца.

Только всего, сказалъ Александръ?

Мнѣ теперь ничего не надобно, кромѣ этого.

Придворные льстецы поблѣднѣли отъ страха. —

Царь долженъ сдержать свое слово, сказалъ Александръ, обратясь къ своимъ людямъ съ принужденною улыбкою. —

Онъ оправдываетъ то прозваніе, которое даютъ ему Коринѳяне, сказали придворные льстецы, и заслуживалъ

бы, чтобЪ сЪ нимЪ поступлено было по его имени. —

Этому не бывать, возразилЪ молодой человѢкЪ. УвѢряю васЪ, что естьлибЪ я не былЪ АлександрЪ, то хотѢлЪ бы быть ДіогеномЪ —

И сЪ тѢмЪ пошли обратно.

Это приключеніе надѢлаетЪ шуму. Я вЪ томЪ невиноватЪ. ВЪ самомЪ дѢлѢ, чего бы мнѢ отЪ него пожелать. Я не хочу имѢть дѢла сЪ подобными ему. — Поистиннѣ мнѢ ничего не надобно, а естьлибЪ что понадобилось, то развѢ нѢтЪ у меня друга, котораго могЪ бы тѢмЪ ощастливить. — Но этотЪ молодой человѢкЪ мнѢ нравится; поелику надобно имѢть Царей, то былобЪ также хорошо имѢть такихЪ, которые походили бЪ на него.

Я не сумнѣваюсь, что онъ хотѣлъ меня испытать, однакожъ прозьба моя показалась ему неожиданной. По справедливости лучше ему быть Александромъ, нежели Діогеномъ, на его мѣстѣ думалъ бы я также; но то дѣлаетъ ему честь передо мною, что онъ желалъ бы быть Діогеномъ, естьли бъ не былъ Александромъ. Сколько матеріи къ разговорамъ подаетъ Грекамъ этотъ одинъ молодой человѣкъ. Они выбрали его общимъ своимъ полководцемъ противъ Великаго Государя. — Прекрасной предлогъ для молодаго честолюбца, которому Македонія и Греція слишкомъ малъ театръ. — Хотѣлъ бы я, чтобъ онъ имѣлъ власть надъ свѣтомъ, и думалъ какъ Діогенъ.

37.

Отдыхая вчера ввечеру на своей Улисофской софѣ, совсѣмъ не думалъ я получить посѣщенія отъ Царя, какъ вдругъ отворился деревянной замокъ моей хижины, и Александръ съ маленькимъ фонаремъ въ рукѣ вошелъ одинехонекъ въ мою келью. — Я вставши, сказалъ: добро пожаловать.

Ты чудной человѣкъ, сказалъ онъ мнѣ. Я тебя ищу, хотя мало причины имѣю быть тобою доволенъ, ибо чуть не довелъ ты меня до глупаго желанія. —

Смѣю ли спросить, до какого?

„Не быть Царемъ, чтобъ быть Діогеномъ, и смирять Царей такъ какъ ты —„

Прости меня, Александръ, я не имѣлъ этого намѣренія; я лежалъ на солнцѣ, когда ты пришелъ; оно такъ хорошо на меня сіяло, что мнѣ досадно было лишиться такого удовольствія, которое столь не важно въ глазахъ Царя. Тебѣ нечего было у меня дѣлать, а мнѣ нечего было у тебя требовать. Хотя бы я полчаса размышлялъ, однако не пришло бы мнѣ въ голову ничего инаго кромѣ того, чтобъ ты не заслонялъ мнѣ солнца. —„

„Хорошо: ты самой чудной Философъ, какова я когда нибудь видѣлъ, но можетъ быть не видѣлъ и ты царя чуднѣе меня. Ты мнѣ нравишься: я бы хотѣлъ, чтобъ ты согласился шататься со мною по свѣту; мнѣ надобенъ

честной человѣкъ, которой бы говорилъ мнѣ правду, — и ты, думаю, былъ бы по мнѣ: —„

„Каждой человѣкъ долженъ играть свою ролю, Царь Александръ. Я бы не былъ болѣе Діогеномъ, естьли бы съ тобою поѣхалъ, но буде потребуешь, то дамъ тебѣ на дорогу столько правды, сколько тебѣ надобно, хотя бы ты былъ Государь всей вселенной.—„

„Между нами сказано, у меня не бездѣлица на умѣ; — а такія идеи, которыхъ не могу изъ головы выкинуть. Македонія ничто, Греція — нѣсколько десятинъ болѣе; — малая Азія, Арменія, Мидія, Индія, — значили бы еще что нибудь. Но когда ихъ возмемъ, то прибавимъ къ тому — и прочее, — словомъ: я почитаю

землю за такую вещь, которая состоитъ изъ одного куска, а людямъ на ней всѣмъ вмѣстѣ надобенъ одинъ только предводитель, и чувствую, что я способенъ быть такимъ предводителемъ.„

Я не ручался бы, чтобъ не пришло тебѣ въ голову, когда это исполнишь, помышлять о построеніи моста къ лунѣ и прочимъ планетамъ и завоевать всю солнечную систему, которая, кажется, сдѣлана также изъ одного куска, и на которую по твоему образу мыслей будешь ты имѣть право, коль скоро обладѣешь симъ земнымъ кругомъ.

„Я не стану никогда затѣвать невозможнаго, Діогенъ; мое предпріятіе такъ велико, такъ прекрасно, такъ легко

въ исполненіи, что удивляюсь только тому, какъ прежде меня не пришло оно никому въ голову. —„

„Ты будешь надо мною смѣяться, Царь Александръ, но увѣряю тебя, что я думалъ бы точнехонько такъ, есть ли бы въ твоихъ лѣтахъ и въ такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ былъ Царемъ. Сердца Грековъ у тебя въ рукахъ, а съ тридцатью тысячами Грековъ надобно, чтобъ такой молодой человѣкъ, какъ ты, могъ овладѣть цѣлымъ свѣтомъ.

Но что станешь съ нимъ дѣлать?

„Прекрасной вопросъ для Философа? что сдѣлалъ бы я съ Македоніею, или Епиромъ, есть ли бы не было у меня ничего инаго. Въ моей головѣ все уже распоряжено. Не про-

свѣщенные еще народы соберу въ новозаведенные города и снабжу лучшими законами, которые признаю нужными для нихъ; по всѣмъ большимъ рѣкамъ, по всѣмъ морскимъ берегамъ заведу новыя селенія и торговыя мѣста; всѣ провинціи твердой земли соединю способными дорогами; всей вселенной дамъ одинакой языкъ и съ нашимъ языкомъ наши науки и художества; а чтобъ можно мнѣ было обозрѣвать все и содержать машину въ ходу, заложу въ срединѣ своихъ завоеваній большой городъ, которой будетъ мѣстомъ соединенія всѣхъ народовъ и разныхъ ихъ отношеній и нуждъ, душею всѣхъ движеній ихъ, вмѣстилищемъ всѣхъ сокровищь Природы и искусства,

присутствіемъ Амфиктіоновъ человѣческаго рода, всеобщею Академіею отборныхъ его умовъ, словомъ: столицею свѣта и первопрестольнымъ моимъ градомъ. „

А долголи, Царь Александръ! думаешь, простоитъ это великое зданіе? —

„Пока будутъ Александры управлять имъ. — Это походитъ на хвастовство, другъ Діогенъ, но я надѣюсь на тебя, что это почтешь за то, что оно есть. А хотя бы непостоянство человѣческихъ вещей, или паче кружливость человѣческихъ головъ, которыя скоро скучаютъ и самимъ щастіемъ, не позволило, чтобъ мое заведеніе было прочно, однакожъ польза, которую тѣмъ доставлю человѣческому роду разпро-

странится на многія столѣтія, а я все буду имѣть то удовольствіе, что далъ родъ безсмертія преходящему сну своего бытія величайшимъ предпріятіемъ, какое входило когда либо въ душу смертныхъ. — „

Но трудности въ исполненіи? —

„Трудности, это оставь на мое попеченіе, дай мнѣ только десять лѣтъ сроку и тогда приходи и посмотри. — „

Но сколько пропадетъ головъ, пока пріучить столь многія сотни народовъ повиноваться твоей. —

„Не обойдется безъ потери головъ — мнѣ жаль этого — ибо я не люблю разорять и убивать; — но чтобъ для сихъ головъ покинулъ я свой

планъ! отъ этого не отвратятъ меня всѣ головы на свѣтѣ; не подвергаю ли я опасности и свою собственную голову? Сверхъ того бабы въ Гирканіи и Бактріанѣ такъ плодущи, что убыль будетъ непримѣтна."

'О Александръ! — вскричалъ я: тебѣ теперь двадцать лѣтъ отъ роду; другіе тебѣ подобные тратятъ безславную свою младость въ сладострастіяхъ и праздности и довольны тѣмъ, что первенствуютъ на пьянственныхъ пирахъ и умышляютъ, какъ бы развратить добродѣтель нашихъ женъ; — а ты въ сихъ лѣтахъ сдѣлалъ себѣ планъ всеобщей Имперіи и собираешься его исполнить — вижу, какъ ты одушевленъ высокою изящностію своей

идеи — ты способенъ произвесть въ дѣло то, что меньшія души почли бы за несбыточное — я показался бы смѣшонъ тебѣ и самому себѣ, естьлибы старался удерживать тебя отъ твоего предпріятія; а хотя бы и могъ сдѣлать важныя возраженія, однако это было бы точно тоже, какъ естьлибы сцепленіемъ силлогизмовъ захотѣлъ я доказывать влюбленному, что лучшебъ ему не быть влюбленнымъ. — Умы, подобные твоему, возбуждаетъ Небо, когда бываетъ ему угодно дать новой видъ вселенной. Правила, по которымъ должны мы прочіе поступать, для подобныхъ тебѣ не законы. Можетъ быть сталъ бы я проклинать тебя въ своемъ сердцѣ, естьли бы былъ

Аѳинянинъ, или Спартанецъ, или Каппадокіецъ, или Мидянинъ, или Египтянинъ; но я гражданинъ міра: никакой иной пользы, кромѣ блага человѣческаго рода, уважаемаго вообще, не почитаю столь великою, чтобъ надлежало принимать ее въ разсужденіе. Ступай, Александръ, и производи въ дѣйство ту великую мысль, которая наполняетъ твою душу — не забывай только никогда посреди успѣха блестящихъ твоихъ предпріятій, что мы, прочіе сыны земли, также чувствительны къ боли и удовольствію, какъ ты самъ, и что со всѣми твоими преимуществами ты также немощенъ, какъ и мы. — Стоитъ только пустить стрѣлу изъ лука негоднаго *Согдіанина*, или вѣро-

ломному мирянину напустить нѣсколько каплей яду въ твой покалъ, чтобъ превратить въ бредни всѣ замыслы великой твоей души. Ты вступаешь въ бѣдственное поприще. Человѣкъ можетъ скорѣе снести все, нежели неограниченную власть. Та минута, въ которую подвергнешься искушенію вѣрить своимъ льстецамъ, что ты болѣе смертнаго, будетъ предѣломъ твоей славы и гибелію твоей добродѣтели. Тогда осквернишь прекрасныя свои дѣла пороками, которые весьма ясно докажутъ твое человѣчество: жестокость и необузданныя страсти сдѣлаютъ твое правленіе ненавистнымъ, сократятъ твою жизнь, и уподобятъ твое государство одному изъ тѣхъ рѣд-

кихъ и вдали блестящихъ метеоровъ, которые на минуту приводятъ свѣтъ въ удивленіе; но опять изчезаютъ, пока еще люди во всѣ глаза на нихъ смотрятъ. —

Александръ сидѣлъ, повѣся голову, и кажется былъ погруженъ въ мысляхъ, въ то время какъ я все это говорилъ. — Я думалъ что онъ нѣсколько вздремалъ за моимъ нравоученіемъ; но вскорѣ послѣ того, какъ я пересталъ говорить, онъ пробудился, всталъ и сказалъ мнѣ, что на разсвѣтѣ дня отправится изъ Кориноа. — Вправду ли, Діогенъ, присовокупилъ онъ, не могу я ни въ чемъ быть тебѣ полезенъ? — Коринояне, какъ вижу, не знаютъ твоей цѣны. —

Я доволенъ, когда не дѣлаютъ они мнѣ никакого зла. Души твоего свойства сотворены къ благотворенію. — Ахъ, Александръ! въ эту минуту есть столь много тысячь страждущихъ въ бѣдствіи и притѣсненіи; естьли бы ты могъ сдѣлать, чтобъ сіи нещастные благословили день твоего рожденія, то сдѣлалъ бы мнѣ все то добро, которое въ состояніи показать мнѣ, величайшій изъ Царей. —

„Ты человѣкъ щастливой, Діогенъ, — я не могу на то сердиться, что ты можетъ быть одинъ только человѣкъ на свѣтѣ, которой не принимаетъ моей дружбы!„

Александръ, сказалъ я ему, я тебя почитаю, такъ какъ никогда не почиталъ смертнаго, но не могу сказать те-

бѣ того, чего не думаю. Царь не можетъ быть другомъ и не можетъ имѣть друзей. —

„Провались ты съ своею искренностію, Діогенъ, мнѣ она болѣе не надобна. Ты бы сдѣлалъ, что я пожелалъ бы жить въ твоей бочкѣ, а свѣту довольно одного Діогена.

Я этого не знаю, но то подлинно, что онъ погибъ бы между двухъ Александровъ.

„Ты говоришь правду, старикъ, прощай.„

36.

РЕСПУБЛИКА ДІОГЕНОВА.

I.

Надобно быть Александромъ, чтобъ пришла въ голову преогромная мысль составить одно Государство изъ всѣхъ народовъ земныхъ. Мое

воображеніе не простирается такъ далеко. — —

Воображу себѣ, будто я такой мудрой волшебникъ, которой съ помощію маленькаго магическаго жезла можетъ на дѣлѣ исполнить всѣ свои идеи, и что передо мною лежитъ ненаселенной еще островъ, которой довольно великъ для прокормленія нѣсколькихъ сотъ тысячь человѣкъ съ принадлежащими къ нимъ женами и дѣтьми, щитая на каждаго человѣка не болѣе двухъ женъ и шестерыхъ дѣтей.

За тѣмъ предполагаю, что сей островъ — надобно знать, что предположить — положить ли, на примѣръ, что будущіе мои подданные еще не рождены, или хотя взрослы, но еще дикіе, — или что они дѣй-

ствительно такъ уже просвѣщены, такъ искусны, такъ воспитаны и добродѣтельны, какъ мы, прочіе Греки? — это дѣло требуетъ размышленія.

II.

Разсудя все хорошенько, думаю, пусть лучше будутъ они взрослы. Надобно бы мнѣ слишкомъ много хлопотать, пока бы я народилъ столь много людей и довелъ до того, чтобъ они могли ходить безъ помочей. —

Однако, — забываю, что я волшебникъ. Развѣ не могу однимъ ударомъ моего жезла сдѣлать ихъ такими, какъ мнѣ надобно? — это не малая выгода, но въ такомъ дѣлѣ она необходима. Чортъ ли станетъ дѣлать Республику, есть-

ли бы надобно было брать такихЪ людей, какіе попадутся. —

ИтакЪ наберу я около ста тысячь пригожихЪ дѣвушекЪ изЪ *Албаніи*, *Иверіи* и *Колхиды*, гдѣ, говорятЪ, онѣ прекраснаго росту. — Разумѣется, что выберу ихЪ изЪ четырехЪ сотЪ или пяти сотЪ тысячь, — молодушки все большія, дюжія, вЪ самой порѣ, сЪ длинными бѣлокурыми волосами, голубыми глазами, высокою грудью, круглыми бедрами сЪ выгибомЪ, словомЪ: совсѣмЪ тѣмЪ, чего требуютЪ знатоки для совершенной красоты; — цвѣтомЪ всѣ какЪ лилеи и розы, и всѣ по двадцатому году. —

ДѣвушекЪ перенесЪ бы я ударомЪ своего прута, вЪ половинѣ Мая, вЪ самую пріят-

ную долину при подошвѣ Антиливана — между тѣмъ мои духи накроютъ столъ подъ каждымъ миндальнымъ деревомъ и винограднымъ кустомъ. Не будетъ тутъ сластей того рода, которымъ даютъ себя медленно убивать богачи наши — здоровыхъ, питательныхъ сочныхъ ѣствъ и свѣжей ключевой воды будетъ, сколько имъ угодно. Коль скоро все будетъ изготовлено, немедленно доставьте мнѣ сто тысячь пригожихъ молодыхъ ребятъ изъ *Гирканїи* и *Бактрїаны* — не Адонисовъ, не гладкихъ, полуженскихъ Ганимедовъ, каковыхъ содержите вы, господа Коринѳяне, не вѣдомо на что въ своихъ Гинакеяхъ (*) дюжихъ, свѣ-

(*) Отдѣленное мѣсто для пребыванїя женскаго пола.

жихъ, плечистыхъ мужичинъ, которые не растеряли еще нимало молодеческой своей силы, пріобыкшихъ шататься по лѣсамъ, и, какъ сущіе Геркулесы, сдирать съ своихъ земляковъ, тигровъ и барсовъ, кожи, которыми одѣваются. —

Какъ станутъ дѣвушки и молодцы другъ на друга поглядывать — это можете себѣ сами представить.

Природа пусть теперь совершитъ то, что я началъ, вы можете на то положиться, что она хорошо смастеритъ.

„Какъ, говорите вы, никакихъ напитковъ, кромѣ ключевой воды не будетъ? Вина *Фазоскаго*, *Хіоскаго*, *Кипрскаго* ни одной капли? Не думаете ли, что моимъ Гирканянамъ надобны такія крѣпи-

тельныя средства? — дѣвушки мои осердились бы жестоко на васъ за такую недовѣрчивость. — —

Заря занимается — молодцы встаютъ, — и не хотятъ дать покою и бѣднымъ ребятамъ. — Быть такъ, потому что это будетъ послѣдній разъ — а по томъ отнесите ихъ обратно въ лѣса также скоро, какъ они пришли; мнѣ они болѣе ненадобны.

Юнона Луцина помоги намъ! Въ десять мѣсяцовъ будетъ у меня по меньшей мѣрѣ сто тридцать тысячь мальчиковъ и дѣвушекъ: каждая дѣвушка такъ мила, какъ Грація; каждой мальчикъ такъ прекрасенъ, какъ амуръ. — Теперь посмотримъ, не сдѣлаю ли я вамъ изъ нихъ та-

кой Республики, какой никогда не бывало.

III.

Я самъ собою доволенъ, что заказалъ себѣ будущихъ жителей моей Республики по собственной своей мысли, — или говоря правильнѣе, что поручилъ одной не испорченной Природѣ сдѣлать ихъ такими, какихъ мнѣ самому хотѣлось. Ибо, правду сказать, не кончилъ бы я въ цѣлой годъ всѣхъ тѣхъ перемѣнъ, которыя надлежало бы мнѣ предпринимать съ вашими просвѣщенными Греками и Азіатцами, пока сколько нибудь годились бы они въ мое Государство. —

Не давно былъ я на Истмическихъ играхъ. Какое превеликое множество народа

отЪ Царей и ЦарицЪ до маклеровЪ, доставляющихЪ рабовЪ на продажу, и дѣвушекЪ, торгующихЪ лимонами, увидѣлЪ я тамЪ однимЪ взглядомЪ. Сколь много родовЪ и видовЪ, раздѣляющихся опять на безчисленные почти роды! — Политики, Архонты, Совѣтники, Ораторы, Стряпчіе, Воеводы, Полковники, Сотники, до тѣхЪ ГероевЪ, которые служатЪ за осмнадцать пенязей на день, Жрецы, Стихотворцы, Историки, Философы, Живописцы, Ваяльщики, Музыканты, Архитекторы, мастера всѣхЪ необходимыхЪ и ненужныхЪ художествЪ, банкиры, Купцы, мореходцы, алмазныхЪ дѣлЪ мастера, торгующіе пряными кореньями, винами, повара, пирож-

ники, комедіанты, мимики, танцующіе по веревкамъ, фигляры, морочилы, мошенники, объѣдалы, сводники — а въ числѣ всѣхъ сихъ умные, острые, олухи, честные люди, плуты, честолюбивые, подлые, ростовщики, моты, лю ** дѣи; нѣженки, ябедники — и дураки и шуты столь многихъ видовъ, родовъ, поколѣній, фигуръ, цвѣтовъ и покрою, что и Аристотелю было бы дѣла на двадцать лѣтъ расположить ихъ на классы. —

Какой сильной богъ, случай, думалъ я самъ въ себѣ. Какой Философъ осмѣлился бы составить сносное цѣлое изъ такихъ разнородныхъ стихій? — а сей случай нанесъ изъ нихъ громады нашихъ маленькихъ Государствъ и областей; однакожъ вы видите,

что по образу дѣлъ все идетъ еще довольно ладно. —

Между тѣмъ признаюсь, Республика ли моя въ томъ виновата, или что иное, что изъ всѣхъ этихъ людей могъ бы я употребить очень немногихъ.

Во первыхъ долженъ бы распустить весь классъ *политиковъ*; ибо моя Республика должна итти сама собою, когда будетъ заведена; или же не далъ бы я за нее ни чишки.

Солдатъ! моимъ людямъ надобно быть благополучнымъ, а не казаться такими; надобно, чтобъ не стоило труда на нихъ нападать, а настоящихъ разбойниковъ они не страшатся; они здоровые, плотные ребята и умѣютъ владѣть дубиной такъ хорошо, какъ вы прочіе воздушнымъ руби-

ломѣ. — Они конечно отобьютѣ у васѣ, при первой попыткѣ, охоту уводить ихѣ женѣ и дочерей. —

Архитекторовѣ? — палаты, храмы, амфитеатры не будутѣ намѣ надобны; а чтобѣ построить себѣ изѣ крѣпкаго лѣсу чистенькіе домики, когда годовое время и погода не позволятѣ намѣ жить на чистомѣ воздухѣ, на то не надобны намѣ зодчіе. —

Мы будемѣ довольствоваться тѣмѣ, что произращаетѣ на нашемѣ острову Природа, и все это намѣ самимѣ надобно. И такѣ намѣ не чемѣ торговать ни мѣняться — ваши *мореходцы и купцы* могутѣ ѣхать далѣе — у насѣ нѣчего дѣлать —

Безѣ вашихѣ *фабрикантовѣ шерстяныхѣ* и *шелковыхѣ ма*-

терій можно бы намъ также обойтись. — Я постараюсь, чтобъ въ лѣсахъ нашего острова было столь много медвѣдей, волковъ, рысей и лисицъ, сколько надобно моимъ людямъ на зимнее одѣяніе; а для лѣтняго платья покрою всю южную сторону деревьями, на которыхъ растетъ хлопчатая бумага. Наши бабы и дѣвки будутъ сами собирать бумагу, прясть, ткать, красить, буде хотятъ, и дѣлать изъ нее хорошія опрятныя платья, ибо онѣ любятъ также наряжаться, какъ и ваши. —

„А на что платье, спросятъ гимнософисты? —„ Во первыхъ для того, чтобъ солнце не повредило розъ и лилей ихъ кожи а по томъ, что мнѣ не хочется, чтобъ

глаза моихъ ребятъ и юношей такъ привыкли къ красотамъ ихъ возлюбленныхъ, чтобъ съ перваго взгляду знали ихъ наизусть.

Всю свиту художествъ служащихъ вашей пышности и роскоши – не умѣю ни во что употребить, думаю даже, что уступимъ вамъ живописцовъ вашихъ и ваятелей. Я неохотно на это соглашаюсь; но опасеніе, чтобъ кому нибудь изъ васъ не пришло нѣкогда на мысль построить своей рожицѣ домовую церковь и посвятить себя самаго жрецомъ ея, перевѣшиваетъ всю мою любовь ко всѣмъ симъ искуствамъ. И въ самомъ дѣлѣ могу я безъ нихъ очень хорошо обойтись. Естьли кому изъ моихъ молодцовъ покажется его любезная

такъ хорошею, что онъ пожелаетъ предать ея образъ въ роды родовъ, — то пусть Амуръ пособитъ ему сдѣлать съ нее живую копію; она будетъ всегда пригожѣе и прочнѣе прекраснѣйшаго портрета, которой могъ бы съ нее написать *Лизиппъ*, или *Апеллесъ*.

Ваши *повара*, *пирожники*, *торгующіе сластями*, *духами* и проч. — Убирайтесь съ ними — Природа либо сама будетъ стряпать для моихъ людей, или научитъ ихъ стряпать; сласти будутъ у нихъ расти на деревьяхъ и кустахъ, а мои женщины будутъ самыя опрятныя, аппетитныя и благоуханныя; однакожъ на то не надобно имъ будетъ ничего инаго, кромѣ свѣжей ключевой воды,

пукета цвѣтовъ на грудяхъ и розовыхъ листьевъ на ихъ матрацахъ, или на мягкой муравѣ, гдѣ на нѣкоторыхъ условіяхъ позволю вамъ застать ихъ спящихъ. —

Ваши *Философы*, *Стихотворцы Историки* и проч. — Они меня простятъ, но я не знаю, что съ ними дѣлать. Половины вашей учености было бы довольно, чтобъ отнять безновопотно маленькой природы умъ у моихъ переведенцовъ — Стихотворцами сдѣлаетъ ихъ любовь и радость. Отъ вашихъ Историковъ узнали бы они только пороки, которыхъ не надобно имъ знать, или добродѣтели, которыя имъ ни къ чему не годятся; Философіи не надобно имъ иной, кромѣ Діогеновой, — а этой научатся они

у своихъ матерей и нянекъ — и такъ богъ съ вами, господа.

Комедіанты, *Мимики*, *Танцовщики* и все, что подходитъ подъ это наименованіе, пусть будутъ въ таковыхъ республикахъ, каковы ваши, весьма годные люди. Они забавляютъ народъ, и тѣмъ лучше для Правителя; но унасъ они не годятся — танцовать научится моя молодежь у веселости, и ежели къ тому заиграете еще имъ на сельской дудкѣ, чтобъ они наблюдали тактъ; то я держу закладъ, какой хотите, что вы сами придете и станете перенимать у нихъ простые танцы; захотите подражать имъ въ танцовальныхъ своихъ классахъ, но неподдѣлаетесь подъ добросердечную радость, которая

ихъ одушевляетъ: ее надобно чувствовать; а чтобъ чувствовать во всей ея чистотѣ, надобно бы вамъ быть жителями моего острова. — Мимикамъ не льзябъ было сдѣлаться вразумительными такому простому народу, каковъ мой, а комедіанты — что представляли бы у насъ? — Трагедіи. — За чѣмъ бы безъ нужды проливать притворныя слезы прекраснымъ яснымъ очамъ молодыхъ моихъ бабъ. — Комедіи — между нами будетъ не болѣе дурачества, какъ сколько неотмѣнно надобно, чтобъ не быть ни слишкомъ глупыми, ни слишкомъ умными; а этова дурачества не довольно къ произведенію карикатуръ, которыя заставляютъ партеру ржать. — Словомъ, мы найдемъ уже

средства провождать время. Оставьте для себя своихъ увеселителей, а сверьхъ того чѣмъ заплатили бы мы имъ.

Докторовъ однакожъ надобно имѣть — — довольно дурно, естьли они вамъ надобны — я почитаю Иппократовъ. Мы рады имъ будемъ, когда къ намъ пожалуютъ, но имъ мало будетъ дѣла — воздухъ на нашемъ острову здоровъ и при простомъ образѣ жизни, которую мы ведемъ, при умѣренности нашего стола, при веселости нашего духа, не имѣя заботъ, печали, честолюбія и иныхъ, кромѣ благотворительныхъ страстей — увеселительныхъ прихотей, которыя содержатъ насъ въ пріятномъ ощущеніи нашего бытія – на что намъ Доктора. — Мы по-

просимъ васъ къ себѣ, господа, коль скоро наскучитъ намъ чрезчуръ единообразное здоровье.

Всю прочую сволочь людей, которые питаются проворствомъ своихъ рукъ, или гибкостію своего языка, или поворотливостію своихъ бедръ — или угожденіемъ вашимъ страстямъ, намѣреніямъ и затѣямъ — дай богъ, чтобъ вы нашли способъ очистить ваши Государства отъ этой дряни — на всякой случай есть еще множество необитаемыхъ острововъ, куда можете ихъ перевесть — нашъ занятъ уже.

IV.

Онъ точно таковъ, какъ Аристотелю надобно, ни чрезчуръ холоденъ, ни чрезчуръ

тепелъ; воздухъ его чистъ и легокъ, пошва плодоносна, лѣса наполнены дичью, рощи жаворонками, соловьями, щегленками, рѣки и ручьи рыбами, луга и лощины покрыты стадами, а поля сарачинскимъ пшеномъ и пшеницею.

Вы видите, что я запасся на нѣсколько сотъ лѣтъ, ежели только мои люди захотятъ приложить маленькой трудъ сохранить то богатство, которое я даю имъ. Поелику стоитъ только мнѣ ударить разъ жезломъ, то приказалъ я имъ построить хижины въ которыхъ будутъ они впредь жить.

Онѣ всѣ складены изъ хорошаго кедроваго лѣса, покрыты пальмовыми листьями, просторны, единообразны, незатѣйливы и разсѣяны въ рав-

номъ разстояніи по всей жилой части моего острова, гдѣ почти все равнина. Я приказалъ построить ихъ до шестидесяти тысячь. Ежели впредь понадобится намъ болѣе, или старые обветшаютъ, то пусть мои островитяне сами о томъ пекутся. —

Это легко сказать, — но на то надобны будутъ топоры и пилы; ибо зубами едва перегрызутъ они свои деревья въ бревна и доски, а чтобъ имѣть топоры и пилы — надобны имъ желѣзные рудники, плавильни и молотовые заводы, а для этого надобно имъ, — провалъ возьми все, что имъ надобно имѣть. Отъ этого разорилась бы вся моя Республика. Они будутъ жить въ глиняныхъ хижинахъ; но это былобъ неопрятно, а моимъ

людямъ не надобно быть гнуснымъ, — такъ въ пещерахъ и вертепахъ — на это не будетъ у насъ довольно каменныхъ горъ на острову, хотябъ всѣ были изрыты пещерами; а городовъ никакъ не могу по нѣкоторымъ причинамъ позволить строить — не знаю чѣмъ пособить — развѣ снабдить ихъ единожды на всегда топорами и пилами, и стараться, чтобъ по крайней мѣрѣ всякія двадцать лѣтъ разбивало у ихъ береговъ корабль съ такими орудіями.

V.

Теперь пора мнѣ ввести своихъ колонистовъ въ новыя ихъ жилища.

Силою волшебнаго моего жезла заставилъ я ихъ проспать первыя осмнадцать

лѣтъ жизни; а теперь всѣ они, молодцы и дѣвушки, пробужаются вдругъ съ ростомъ, крѣпостію и полнымъ цвѣтомъ осмнадцатаго года, созрѣвши къ каждому пріятному чувствованію своего бытія, и ко всему тому маленькому кругу пріятныхъ упражненій, въ которомъ заключаетъ Природа свою дѣятельность. —

О амуръ! и ты ласковая Венера! всеумножающія божества — васъ призываю — за своихъ дѣтей. Ваше дѣло развернуть ту сладостную и сильную склонность, которая впервые ощутится въ ихъ сердцахъ, когда поведу ихъ на встрѣчу однихъ другимъ, и претворить въ любовь и нѣжное чувствованіе то, что

безъ васъ было бы одною игрою фибръ.

Не думайте, что здѣсь вызываю *Deum ex machina.* (Бога изъ машины) мнѣ чрезмѣрно нужна вышшая помощь, которую себѣ испрашиваю. Не бездѣлица учинить щасшливыми на всю ихъ жизнь сто тридцать тысячь человѣкъ осмнадцати лѣтнихъ — Когда только надобно было приказать ихъ надѣлать, то кромѣ естественной склонности не нужно было ничто иное. Они тѣмъ лучше удались; но теперь, когда они уже сдѣланы, сдѣлать ихъ щасшливыми, или паче, поелику Природа нарочито о томъ пеклась, воспрепятствовать, чтобъ отъ неразумія и неопытности не сдѣлали они сами себя нещα-

стными — вотъ важной пунктъ! —

Я желалъ бы, чтобъ волшебство мое такъ далече простиралось, чтобъ для нихъ изобрѣсть, кромѣ обыкновеннаго иной способъ сохранять свою жизнь и родъ; ибо разсудя все безъ предубѣжденія, надобность пищи и питія и нѣчто иное, которое обыкновенно докладывается, когда хорошенько наѣдитесь и напьетесь — есть настоящій источникъ почти всѣхъ золъ между смертными. За долго уже до прекрасной Елены нѣчто, чего не надобно мнѣ называть настоящимъ именемъ, подавало поводъ къ тысячѣ пагубныхъ неустройствъ. И какъ мало корыстливыхъ пороковъ осталось бы, естьли бы

могли мы питаться воздухомъ и солнечными лучами.

Но этого уже перемѣнить не льзя. бѣдные мои питомцы! тутъ добрая моя воля не принесетъ вамъ никакой пользы. Вамъ надобно питаться и понимагаться, такъ какъ и всѣ прочіе жители земли. Я немогу ничего инаго сдѣлать, какъ спросить за васъ Природу, какъ ей хочется, чтобъ вы дѣлали то и другое — ибо я не столь безстыденъ чтобъ воображалъ себѣ, что знаю это лучше Природы.

Начнемъ же съ сочетанія. Это дѣйствительно самое нужное дѣло; ибо мои молодцы и дѣвушки сидятъ теперь всѣ подъ деревьями своихъ жилищь, разсѣянны по всему острову и служебные мои духи угощаютъ ихъ умѣрен-

нымъ кушаньемъ сарачинскаго пшена и плодовъ, въ чемъ впредь будетъ состоять обыкновенная ихъ пища. Послѣ стола подымутся они танцовать — а до тѣхъ поръ надобно кончить эту часть нашего законодательства; дѣло не терпитъ отлагательства.

Платонъ почитаетъ общество женъ за самое вѣрное средство сдѣлать ихъ безвредными: можетъ быть это годится въ его республикѣ, которая составлена изъ однихъ идей, и которой предметъ одни идеи! — въ моей, гдѣ должно происходить все натурально, не годился бы этотъ способъ. Отъ того претерпѣло бы населенiе моего острова. Наши дѣти стали бы искать въ каждомъ мущинѣ своего отца, и нигдѣ

не нашлибъ его точно для того, что каждой другой могъбы тѣмъ быть также, какъ этотъ, или тотъ. Любовь, которую, кажется мнѣ, хотѣла Природа сдѣлать для насъ источникомъ блаженства, былабы унижена до простой надобности и скотскаго хотѣнія — словомъ, я не понимаю, какъ можно бы моимъ людямъ быть при этомъ распоряженіи такъ щасливыми, какъ бы я желалъ ихъ сдѣлать. —

Но Платонъ говоритъ: „какимъ инымъ средствомъ „отвратить безчисленные „безпорядки, которымъ отворишь тысячу воротъ введеніемъ собственности между „обоими полами — и не видишь ли, что отдѣляя своихъ людей на маленькія се-

„мейства, раздробляешь госу-
„дарство на безчисленныя
„особенныя общества, изъ
„которыхъ у каждаго есть
„своя польза ближе общей. — “

Это я вижу, божественной Платонъ! такъ какъ и то вижу, что всѣ тѣ непорядки, которые кажутся тебѣ столь страшными, отвращаешь тѣмъ, что перемѣняешь имена вещей, и безпорядокъ въ своей республикѣ дѣлаешь порядкомъ — вижу также и то, что для поспѣшества общей пользѣ идеальнаго твоего государства истребляешь ты всѣ тѣ чувствованія, по которымъ благо общее становится важнымъ для каждаго человѣка, или, сказать короче: по которымъ можно себѣ вообразить общую пользу. —

Я въ томъ не виноватъ, что Природа оставила въ человѣкѣ столь много отверстій и щелей, въ которыя можетъ вкрадываться заблужденіе и порча.

Но при всемъ томъ пусть сдѣлаютъ меня жрецомъ матери *Берекинфіи*, ежели таже чудная вещь, о которой я вамъ сказалъ, не произведетъ на моемъ острову въ тысячу разъ меньше хлопотъ, нежели на всѣхъ вашихъ островахъ, полуостровахъ и твердыхъ земляхъ цѣлаго свѣта.

У меня около шестидесяти тысячь парней и десять тысячь дѣвушекъ, лишнихъ противъ парней — которыхъ право не намѣренъ я посвятить Діанѣ — какъ! чтобъ я оставилъ въ пару десять тысячь дѣвушекъ пригожихъ,

свѣжихъ и самыхъ здоровыхъ. — Ни одной право, ни одной — пока я Діогенъ, сынъ своей матери.

И такъ нѣтъ инаго средства, какъ сдѣлать для десяти тысячь дѣвушекъ столько же новыхъ молодцовъ — а мнѣ это теперь очень неспособно — или раздѣлить ихъ на всѣ шестьдесятъ тысячь, и это было бы противно моему Антиплатонизму или. —

Вотъ те на! они скоро наскучили пляскою. По двое, или по трое разбрѣлись, какъ Граціи, по пріятнымъ кустарникамъ, которыми переплелъ я жилище ихъ, какъ вѣнками. —

— Теперь могу оставить трудъ придумывать способы. Амуръ и его мать насмѣялисъ бы надо мною, и пошло бы ни

хуже, ни лучше того, какЪ имЪ хочется — лучше соглашусь добровольно.

И такЪ, милые боги любви! да будетЪ все предоставлено вашему вниманію; дѣлайте вЪ этотЪ вечерЪ, праздникЪ посвященія моей Республики, столько союзовЪ, сколько вамЪ угодно и можно. Не слѣпой случай, ни постороннее повелѣніе, которому рѣдко покаряется сердце, будутЪ сочетателями моихЪ питомцовЪ. Отнынѣ навсегда отказываюсь отЪ всякаго произвола, которой могЪ бы я себѣ присвоить подЪ какимЪ ни есть предлогомЪ. АмурЪ одинЪ имѣетЪ право повелѣвать ихЪ сердцами — думаю, что онЪ не забудетЪ десяти тысячь моихЪ дѣвушекЪ. Естьли можно ему будетЪ уговорить

десять тысячь ихЪ сестрЪ полюбовно сдѣлаться сЪ такимЪ же числомЪ молодцовЪ, то кто можетЪ тому поперѣчить — но не позавидуютЪ ли прочія пятьдесять тысячь молодцовЪ? нѣтЪ, ежели каждой любитЪ свою красавицу такЪ, какЪ я нѣкогда любилЪ свою Гликеріону — но есть ли нѣтЪ — инЪ какЪ хотятЪ сами, меня на все не станетЪ. —

VI.

Ежели бы ваши Короли и Князья могли себѣ представить, сколь пріятно сдѣлать щасливыми такое множество людей! ничто вЪ жизни не приносило мнѣ такЪ совершеннаго удовольствія, какЪ то представленіе, что сдѣлалЪ щасливыми хотя на

одну ночь сто тридцать тысячь любви достойныхъ молодыхъ тварей.

Мои законы о бракѣ приведены теперь въ порядокъ. Въ двадцать лѣтъ, надѣюсь, будетъ мой островъ нарочито населенъ.

Есть ли вѣчная любовь? Этого я не знаю. А то извѣстно, что безразсудно былобъ клясться взаимно вѣчною любовію, сколь ни склонны къ тому шестнадцати лѣтніе ребята; но быть обязаннымъ клясться вѣчною любовію, — нѣтъ дѣтушки, я не подамъ вамъ поводу, чтобъ вы тѣмъ скорѣе наскучили одни другими. —

Кому соблазнительна та вольность, которую даю я своимъ островитянамъ, тотъ, думаю, конечно привыкъ измѣ-

рять свѣтъ полупоперешникомъ того маленькаго круга, которой обвелъ онъ около себя самаго, и того мѣста, гдѣ онъ нѣчто значитъ, ободочками на одинъ или на два часа разстоянія. Нѣтъ ничего глупѣе, какъ почитать все смѣшнымъ или соблазнительнымъ, что не по нашему сдѣлано. Въ самомъ дѣлѣ однакожъ разность состоитъ въ томъ, что вы прочіе берете сами себѣ ту вольность, которую добровольно я оставляю своимъ подданнымъ; ибо не люблю давать законовъ для того только, чтобъ досталось мнѣ на многое разрѣшать, и наказывать за многое.

Не знаю, для чего бы не быть бракамъ на моемъ острову прочными Честолюбіе, корысть, несогласіе нравовъ,

смертельная вражда, слабость или иныя причины къ разводу, какъ бы ихъ ни называли, не существуютъ у насъ — Однакожъ я позволяю своимъ людямъ дѣлать въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ мѣну, естьли она только последуетъ съ добраго согласія всѣхъ сторонъ. На тѣхъ, которые, не мѣняясь никогда, проживутъ вмѣстѣ сорокъ лѣтъ, возлагается публично вѣнецъ ясминовой и миртовой, и чрезъ то дается имъ право сидѣть въ большомъ мѣстѣ на всѣхъ празднествахъ съ такимъ вѣнцомъ на головѣ, и въ собраніяхъ сказывать свое мнѣніе прежде всѣхъ.

Красавицу — (вообще нѣтъ дурныхъ въ моемъ островѣ), которую можно уличить, что она вдругъ благопріятствова-

ла двумъ любовникамъ, присуждаютъ приходить на всѣ празднества и общенародныя веселости съ чепцомъ изъ козьей шерсти осмнадцати дюймовъ вышиною, и въ островосыхъ башмакахъ вышиною въ шесть дюймовъ — это наказаніе въ глазахъ моихъ островитянъ такъ ужасно, что на всемъ земномъ шарѣ — нѣтъ тварей осторожнѣе ихъ.

Впрочемъ не позволено на моемъ островѣ мѣшаться въ чужія любовныя дѣла. А естьлибъ кому вздумалось подкрасться въ слѣдъ за нѣжной четой въ пещеру, или открыть мужу, что видѣлъ жену его сидѣвшую съ другимъ за розовымъ кустарникомъ — такого, или такую сажаютъ безъ малѣйшей по-

щады вЪ ладью, и сЪ попутнымЪ крѣпкимЪ береговымЪ вѣтромЪ пускаютЪ вЪ открытое море, учтиво препоручая ихЪ ТритонамЪ и НереидамЪ. Одной такой злотворной креатуры было бы довольно разсѣять сѣмена раздора по всему моему острову.

Вы мнѣ возразите, что при такомЪ положеніи дѣлЪ не возможно уличить когда либо красотку, что она благопріятствуетЪ двумЪ мужьямЪ вдругЪ. Признаюсь, что это трудно, однакожЪ не не возможно; ибо не возможно бЪ было не исключить изЪ того закона, о которомЪ я прежде упомянулЪ, того мужа или жену, которые были бы сами непосредственно замѣшаны вЪ такомЪ случаѣ. ПоложимЪ, что я увидѣлЪ бы, что моя

собственная жена ищетъ уединенія съ другимъ, то (естьлибъ былъ столько неучтивъ, чтобъ ихъ засталъ) не только позволено мнѣ подвергнуть ее наказанію остроносыхъ башмаковъ и пирамиды изъ козьей шерсти, но имѣю право и требовать отъ ея любовника, чтобъ уступилъ свою жену за мою, буде только есть у меня охота къ размѣнѣ.

Однакожъ увѣряютъ меня мои духи, имѣющіе дарованіе вычислять приключенія нравственнаго свѣта на нѣсколько столѣтій въ передъ съ такою точностію, какъ наши Астрономы солнечныя затмѣнія. — Что этотъ случай едва встрѣтится ли пять или шесть разъ въ первые двадцать пять лѣтъ моей Респу-

блики : что, думаю, пять или шесть тысячь разъ менѣе, нежели моглобъ случиться въ одинъ мѣсяцъ въ каждомъ другомъ Государствѣ (предполагая равное число жителей).

Амуръ, къ которому я имѣю впрочемъ все должное почтеніе, проститъ меня, когда скажу, что онъ по природѣ своей такой плутишка, которому отнюдь возбранить не льзя дѣлать отъ времени до времени маленькія шалости. — Я не могу сдѣлать его иначе — и вызываю всѣхъ вашихъ законодателей и нравоучителей его передѣлать. И такъ не осталось мнѣ ничего инаго, какъ либо совсѣмъ отрѣзать ему крылья — а естьли вы можете на то рѣшиться, то отрѣжте также и все прочее, что можно отрѣ-

зать — или сдѣлать осторожность одною изъ главныхъ добродѣтелей въ моемъ народѣ, какова она есть и въ самомъ дѣлѣ, гдѣбъ и въ какихъ бы обстоятельствахъ вы ни жили.

Слово ревнивость совсѣмъ исключилъ я изъ трехъ сотъ шестидесяти словъ, изъ которыхъ состоитъ языкъ моего острова — худо ли я въ томъ поступилъ? —

VII.

Около каждаго жилища въ моемъ новомъ селеніи приказалъ я насадить рощицу плодовитыхъ деревъ, и кустарниковъ, и маленькой садъ, разположить поле подъ сарачинское пшено, и лѣсокъ деревъ, съ которыхъ собирается хлопчатая бумага.

У каждаго маленькаго семейства довольно мѣста для хлѣбопашества; чѣмъ болѣе оно размножается, тѣмъ болѣе у него работниковъ: мущины обработываютъ свое поле, трудятся въ саду, или ловятъ рыбу, или ходятъ на ловлю звѣрей въ общественные лѣса. Молодцы и дѣвушки пасутъ стада и смотрятъ за ними, пока не выдутъ изъ пастушьихъ лѣтъ, а женщины занимаются внутреннимъ хозяйствомъ, смотрятъ за огородомъ, стряпаютъ кушанье, и хлопчатая бумага передѣлывается въ прекрасныхъ ихъ рукахъ во всѣ тѣ многоразличные виды, въ которыхъ становится способною замѣнить имъ недостатокъ всѣхъ Персидскихъ и Индѣйскихъ рукодѣлій.

За всѣми таковыми работами — которыя только и надобны моимъ людямъ для того, чтобъ съ лучшимъ аппетитомъ поѣсть и тѣмъ слаще поспать — остается у нихъ еще довольно времени на тѣ увеселенія, въ которыхъ собственно состоитъ наслажденіе жизни.

У отца остается довольно времени рѣзвиться съ своими дѣтьми, и забавляясь научать своего мальчика стрѣлять изъ лука, или заработывать свой завтракъ бросаніемъ дротика; а молодыя дочери учатся между тѣмъ у прекрасной матери подражать пѣнію соловья, подъигрывать на цитрѣ къ пѣснямъ какого нибудь стихотворческаго пастуха.

Ввечеру обыкновенно собирается нѣсколько сосѣдних семействъ подъ деревья пріятнаго мѣста. Въ музыкѣ и добросердечной шуткѣ проходятъ дружественные часы, Они смотрятъ на игры своихъ дѣтей, вспоминая при томъ сладостной сонъ своего дѣтства.

Признаюсь, что я ставлю за велико праздность и веселости, Работа есть средство къ намѣренію нашего бытія, но не самое намѣреніе.

Добрые питомцы! вамъ остается жить не болѣе сорока или пятидесяти солнечныхъ годовъ, ежели вычту то время, которое вы проспали: какъ же не употреблять мнѣ всевозможнаго старанія, чтобъ вы наслаждались своимъ бытіемъ?

День учрежденія моей Республики, начало каждаго времени года и каждаго мѣсяца, и жатва, и собираніе винограда суть публичные праздники, въ которые дуетъ по всему моему острову духъ всеобщаго веселія.

Праздники суть главное средство, которымъ я сохраняю въ своемъ народѣ согласіе, дружелюбіе и всеобщее благополучіе. По симъ точно днямъ измѣряю ихъ жизнь. Я дожила уже до тринадцати праздниковъ розъ, говоритъ дѣвушка, когда хочетъ сказать, что ей тринадцать лѣтъ отъ роду — объ этихъ дняхъ съ веселіемъ воспоминаютъ во всѣ прочіе, и ожиданіемъ ихъ ободряются къ прилѣжанію.

Дѣвушки и женщины тща-тельнѣе работаютъ для того, чтобы въ будущій праздникъ выпти въ лучшемъ нарядѣ; а мущины стараются заготовить достаточной запасъ, чтобъ можно было повеселиться съ своими сосѣдами по простому своему обычаю.

Вообще смѣло скажу, что едва естьли еще другая земля на свѣтѣ, гдѣ бы въ вышшей степени наслаждались блаженствомъ, лежать подъ деревомъ и отдыхать отъ бездѣлья — или гдѣ была бы въ праздничные дни радость дружелюбнѣе, сострастнѣе, вселюднѣе, а при томъ невиннѣе и скромнѣе, какъ на моемъ островѣ. Мой народъ есть добросердечной, веселой, гуливой родъ твореній, кото-

рыя радуются вмѣстѣ тому, что живутъ на свѣтѣ, и не имѣютъ понятія о томъ, какимъ образомъ должнобъ было поступать, чтобъ огорчать жизнь однимъ другихъ, или на чтобы это дѣлать. Я отнялъ у нихъ всѣ случаи къ такимъ ненатуральнымъ догадкамъ.

Въ совершенномъ удостовѣреніи, что каждой шагъ, удаляющій ихъ отъ простоты и умѣренности Природы, удалилъ бы ихъ отъ благополучія — старался я всемѣрно сдѣлать имъ невозможною потерю этой благотворительной простоты.

Изобрѣтателя новой пляски, новой пѣсенки, новаго напѣва, награждаетъ удовольствіе, которое тѣмъ приноситъ онъ своимъ подругамъ

(такъ называютъ одинъ другаго мои островитяне). Но изобрѣтатель каждой другой новости или новизны, которая клонилась бы ко мнимому поправленію образа ихъ жизни, образа селиться, ѣсть, спать, одѣваться, или ихъ работъ, нравовъ, и единообразія во всемъ этомъ, навлекъ бы на себя точно также какъ возмутитель супружеской тишины то награжденіе, что его посадили бы въ ладью и вѣчно сослалибъ въ открытой океанъ.

Изящное и хорошее течетъ безпрестанно по одной тихой волнистой чертѣ между безчисленными уклоненіями. Оно по природѣ своей единообразно — когда кто однажды его имѣетъ, то каждая перемѣна ведетъ къ худ-

шему, чтобы ни говорили ваши Философы.

Чтобъ ихъ совершенно убѣдить, пришлите ко мнѣ одного молодаго Афинянина и посмотрите, что сдѣлаетъ онъ съ моей бѣдной Республикой въ недѣлю.

Въ шумящей багряной одеждѣ, истканной серебряными цвѣтами катитъ мой вѣжливой господчикъ, испуская изъ себя воню Аравійскихъ маслъ и эссенцій, въ красивыхъ кудряхъ, въ красивой обуви, словомъ: блестя вокругъ какъ Фебовъ Аполлонъ, когда часы отворяютъ ему златыя врата утра — какіе сдѣлаетъ онъ восклицанія, увидя моихъ красотокъ въ простомъ своемъ нарядѣ самопряденой шерсти; что волосы у нихъ неискусно переплетены цвѣта-

ми; что онѣ безъ серегъ, колецъ; что у нихъ нѣтъ въ кудряхъ цвѣтковъ изъ пестрыхъ дорогихъ камней — какія восклицанія при входѣ въ ихъ избы, при столахъ, праздникахъ, при ихъ плясках — боги! какъ прелестны были бы сіи дѣвушки, естьлибъ воспитаніе способствовало щастливому ихъ расположенію! Какъ жаль, что такія любезныя твари должны весть такой бѣдной родъ жизни! — Мы щастливы, молодой незнакомецъ — вы называете это щастіемъ, бѣдныя твари. Жалѣю о вашемъ невѣжествѣ. — Теперь занимается онъ вывесть ихъ изъ этого невѣжества, отъ котораго дѣйствительно зависитъ ихъ благополучіе. Имъ трудно его понять; но чего

не можетъ онъ описать, то показываетъ примѣромъ. Его нарядъ, уборы, золото, цѣлой заводъ ста маленькихъ хорошихъ мебелей, которыя онъ при себѣ имѣетъ, и которыхъ употребленія не отгадалибъ они никогда — все это дѣлаетъ впечатлѣніе. Начинаютъ примѣчать, что они несмысленны, бѣдны, просты — тысяча новыхъ вождѣленій раждается въ обманутой душѣ и мѣшаетъ спокойной дремотѣ неразвернувшихся еще ихъ способностей. Услужливой мой развратникъ пользуется нещастливымъ расположеніемъ, которое онъ началъ имъ внушать. Онъ велитъ себѣ построить между ими палаты, даетъ имъ золото, художества, науки, промыслы, — дѣлаетъ ихъ

щасшливыми на нѣсколько дней. Они почишаюшъ его за нѣкое благошворишельное божесшво. И можно ли изъ благодарносши сдѣлашь меньше, какъ огпдашься ему въ рабсшво? —

Чшо будешъ слѣдсшвіемъ шого? —

Не прошло еще десяши лѣшъ, а уже осшровъ мой загромозженъ ремесленными людьми, художниками, купцами, мореходцами, полишиками, жрецами, воинами, судьями, сшряпчими, казенными ошкупщиками, докшорами, философами, сшихошворцами, комедіаншами, мимиками, фиглярами, морочилами, мошенниками, сводниками, плушами, нищими — шакъ какъ на Исшмическихъ играхъ. — Подарокъ его былъ

Пандорина коробочка. Мы дали ему свою вольность, спокойствіе, безпечную веселость, щасшливую праздность, а намЪ далЪ онЪ за то надобности, страсти, глупости, пороки, болѣзни, заботы, печали, ввалившіеся глаза, впалыя щеки, — какЪ щастливо передѣлалЪ онЪ Республику Діогенову! островЪ его теперь по милости вашихЪ художествЪ и наукЪ, то, что ваши острова. —

ВотЪ что я долженЪ былЪ вамЪ доказать.

VIII.

Я далЪ уже вамЪ столь много примѣтить образЪ моихЪ мыслей, что почти не нужно говорить о конституціи моей республики. Она очень проста; на ея изобрѣ-

теніе не потратилъ я ни полчаса времени.

Кромѣ той разности, которую дѣлаетъ сама Природа, всѣ мои люди равны между собою, — и просятъ Аристотеля чрезъ меня, чтобъ онъ не гнѣвался, что почитаютъ то положеніе „что сильнѣйшій есть естественный властелинъ слабѣйшаго„ за самое скаредное положеніе, которымъ когда либо прежде времени разрѣшился мозгъ Философа.

Сильнѣйшій есть естественный охранитель слабѣйшаго — вотъ все. Его сила не даетъ ему права, а налагаетъ только обязанность.

При неухищренномъ сельскомъ образѣ жизни моихъ островитянъ, при ихъ немногихъ надобностяхъ, при осмо-

трительности, которую я употребилъ, для отвращенія чрезчуръ тѣснаго соединенія между ими, при справедливой довѣренности, которую возлагаю на благость Природы, и при немногихъ законахъ, которые разсудилъ я за нужное дать имъ точно для того — не понимаю я, за чѣмъ бы мнѣ опасаться такъ большей степени порчи между ими, чтобъ это побудило меня дать имъ для переду мудреное градоустройство. —

Ваши законодатели, кажется мнѣ, съ вашего позволенія часто походятъ на того добраго честнаго медвѣдя, которой сгоняя муху, сѣвшую на носъ спящему пустыннику, его другу, схватилъ большой камень и од-

нимъ махомъ убилъ муху и пустынника.

Естьли же, противъ всякаго чаянія, произошлибъ въ моемъ народѣ маленькія расприи, или же кто нибудь, забывъ себя отъ своевольства, отъ ревности, или въ сердцахъ сдѣлалъ другому то, чего бы не хотѣлъ, чтобъ ему сдѣлали, то не-трудно будетъ очень скоро привести все въ прежнее состояніе безъ стряпчихъ и судей, безъ Нижняго и Верхняго Суда.

Обыкновенно бываетъ дѣло такъ не важно, чтобъ нѣкоторымъ терпѣніемъ съ одной стороны и съ небольшою уступкою съ другой, легко можно его прекратить.

Въ случаѣ нужды просятъ человѣкъ двухъ сосѣдовъ разо-

брать дѣло, подвергаяся ихъ приговору безпрекословно.

Насилій не льзя опасаться въ такомъ тихомъ народѣ, каковъ мой. На всякой же случай полагаюсь, что чувствованіе общественной пользы, по первому слуху, вооружилобъ столь многихъ людей, сколько бы нужно было для защищенія угнѣтеннаго отъ утѣснителя.

Вообще ненадобны ѣ законы такому народу, которымъ управляютъ нравы, пока онъ охраняетъ свои нравы. А естьли мои островитяне потеряютъ когда нибудь свои, то-да помилуетъ ихъ Богъ — нужда также научитъ ихъ дѣлать законы, какъ Платона и Аристотеля. — Но что законы безъ нравовъ?

IX.

Поелику не можетъ народъ имѣть нравовъ безъ вѣры, то и своего не оставилъ я безъ нее. Я далъ имъ вѣру, сообразную крайней простотѣ всей ихъ конституціи. Безъ хвастовства сказать, она дружелюбна, благотворна мирна, а сверхъ этого въ ней и та особенная доброта, что она не такъ легко портится или ветшаетъ, какъ другая, да и злоупотребленіе ея моглобы сдѣлаться развѣ въ самой малой степени предосудительнымъ обществу.

Я поставилъ бы себѣ за удовольствіе подать о ней точнѣйшее свѣденіе, естьлибы не должно было опасаться, что по нѣкоторымъ причинамъ навлеку на бѣдную

мою республику ненависть всѣхъ жрецовъ боговъ Юпитера, Марса, Аполлона, Меркурія, Вулкана и Нептуна и богинь Юноны, Сивиллы, Діаны и Минервы — не упоминая о несмѣтныхъ божествахъ второй степени и подземныхъ. Это опасеніе тѣмъ справедливѣе, что, какъ извѣстно, Діофантъ, Юпитеровъ жрецъ, мнѣ не благопріятствуетъ.

Солонъ, толь благоразумной мужъ, что вы дали ему первое мѣсто между семью мудрецами, Солонъ, законодатель Аѳинской имѣлъ въ такихъ лѣтахъ, въ которыхъ обыкновенно требуютъ довольно смѣлости и расположенія (*).

(*) Здѣсь къ великому сожалѣнію Издателя нѣчто пропущено въ рукописи.

X.

А какЪ долго, думаешь ДіогенЪ, простояла бы эта глупая вещь, которую называешь ты своею республикою? —

ЭтотЪ же вопросЪ сдѢлалЪ я и Александру, но отвѢчаю на то по своему. Она до тѢхЪ порЪ простоитЪ, пока мои Островитяне отЪ вышепомянутаго Аѳинянина, или инымЪ какимЪ случаемЪ не узнаютЪ всѢхЪ тѢхЪ выгодЪ, которыя вы передЪ ними имѢете. НевѢжество, которое у васЪ одно изЪ самыхЪ

чего никакЪ не вЪ силахЪ онЪ пополнить.

большихъ золъ, есть у моего народа главное основаніе его благополучія.

„Но развѣ невозможно, говорите вы, съ порядкомъ, нравами, со всеобщею добродѣтелію и всеобщимъ благополучіемъ соединить остропы и вкуса, покойности, великолѣпія, изобилія и всѣхъ выгодъ роскоши? —„

Нѣтъ ничего легче — въ такомъ государствѣ, которое, такъ какъ республика Діогенова, должно быть одною мечтою.

Я желалъ бы, чтобъ Александръ Македонскій, или Царь Вавилонской, или первой Царь, которой придетъ вамъ въ го-

лову, благоволилъ опровергнуть мое мнѣніе опытомъ. Кто знаетъ, что можетъ случиться въ тысячу или двѣ тысячи лѣтъ. —

Признаюсь въ томъ, что для зрителя, которой, на примѣръ: взглянулъ бы съ луны на половину нашего шара, на пестрой его видъ въ безконечномъ его разнообразіи жителей съ треугольными, четвероугольными, круглыми и овальными головами, съ орлиными, плоскими, вздернутыми носами, съ длинными, курчавыми, бѣлыми, рыжими, и черными волосами, съ бѣлою, смуглою, темножелтою, оливковою, или какъ смола, черною кожею, высокаго, посредственнаго или

крошечнаго росту, одѣтыхъ въ золотыя и серебреныя парчи, въ шелкъ, пурпуръ, полотно, хлопчатую бумагу, въ овечью шерсть, въ козью, медвѣжью, или тюленью кожу, или безъ платья съ передниками или воронками по бедрамъ, или же безъ передниковъ и воронокъ, въ домахъ мраморныхъ, кирпичныхъ, деревянныхъ, тросшниковыхъ, глиняныхъ, или изъ коровьяго навозу, со всѣми ихъ разностями въ образѣ жизни, во нравахъ, варварствѣ, устройствѣ, и тиранствѣ, со всѣмъ ихъ вѣрованіемъ въ безчисленные образы божествъ, и со всѣми ихъ личинами ложныхъ добродѣтелей и мнимыхъ или затѣйныхъ совершенствъ снаружи — что

такое, говорю, зрѣлище для луннаго зрителя (которому не было бы отъ того никакой иной прибыли или убыли), было бы гораздо пріятнѣе, нежели видъ такого единообразнаго народа, каковы мои островитяне.

Сіе представленіе могло бы, здѣлавъ одинъ шагъ впередъ, довести насъ до той мысли, что люди сотворены только для того, чтобъ служить забавою своевольству какого нибудь сильнѣйшаго рода духовъ — но эта мысль такъ оскорбительна, желчна и ненавистна, что не можно мнѣ и на минуту почитать ее возможною.

Я отнюдь непрезритель вашихъ художествъ и наукъ.

Когда народъ дошелъ уже до того, что онѣ ему надобны; то не можетъ сдѣлать ничего лучше, какъ упражняться въ нихъ, пока достигнетъ возможнаго совершенства. Чѣмъ болѣе удалились вы отъ первобытной простоты Природы; чѣмъ сложнѣе машина вашего устройства, чѣмъ запутаннѣе ваши выгоды, чѣмъ испорченнѣе ваши нравы, тѣмъ нужнѣе вамъ Философія, чтобъ прикрыть ваши недостатки, согласить противоборствующія выгоды и подпереть зданіе, угрожающее повсечасно паденіемъ, сколько она можетъ и умѣетъ.

Но за то признайтесь и мнѣ, что эта самая Философія, буде благотворительное

ея дѣйствіе не будетъ остановлено несчетнымъ множествомъ противудѣйствующихъ причинъ, поворотитъ васъ опять постепенно и непримѣтно къ той же первобытной простотѣ, съ которой вы совратились — или же возстановленіе здоровья конечно не былобъ предметомъ лѣкарства.

Въ нынѣшнемъ вашемъ состояніи не все ли доказываютъ вамъ Философы ваши, что вы разсуждаете почти обо всемъ неправильно, поступаете — почти все несправедливо, и что во всей вашей конституціи, порядкѣ и образѣ жизни должно бы почти всему быть иначе, нежели каково есть — это значитъ удостовѣрять

больнаго, что онъ боленъ — главное дѣло былобъ сдѣлать его здоровымъ — но я ударился бы объ закладъ, что у васъ нѣтъ точнаго намѣренія ни лѣчить, ни выздоравливать. Я бы могъ вамъ сказать очень хорошую причину, зачѣмъ такъ думаю, но не все должно сказывать, что знаешь.

И такъ думаю, что въ разсужденіи того, что я невиноватъ, когда снѣгъ кажется мнѣ бѣлымъ — не погнѣваетесь на меня за то, что отнюдь понять не могу, какъ можно быть щасливымъ съ тысячью надобностей, — или что имѣть такое ужасное множество нуждъ есть такъ славное дѣло, какъ вы себѣ воображаете.

По этому одному удостовѣренію почелъ я себя обязаннымъ избавить жителей моей республики, которую могъ сдѣлать такою, какъ мнѣ хотѣлось, отъ столь многихъ нуждъ, сколько возможно было. Я бы не могъ спать спокойно ни одной ночи, естьлибъ долженъ былъ дѣлать себѣ этотъ попрекъ; не лучшебъ ли было совсѣмъ ее не дѣлать, нежели сдѣлать нещастною.

И такъ по сей горячности къ моимъ тварямъ, и чтобъ, сколько отъ меня зависитъ, отнять всякой у нихъ случай развернуть свою способность къ совершенству — не могу я не ударить для нихъ еще разъ своимъ волшебнымъ

жезломъ и весь островъ сдѣлать навсегда и навѣки невидимымъ. Всѣ труды, какіе ни принималибъ когда либо о его открытіи ваши мореходцы, были бы напрасны — они не найдутъ его вовѣки вѣковъ.

Конецъ.

